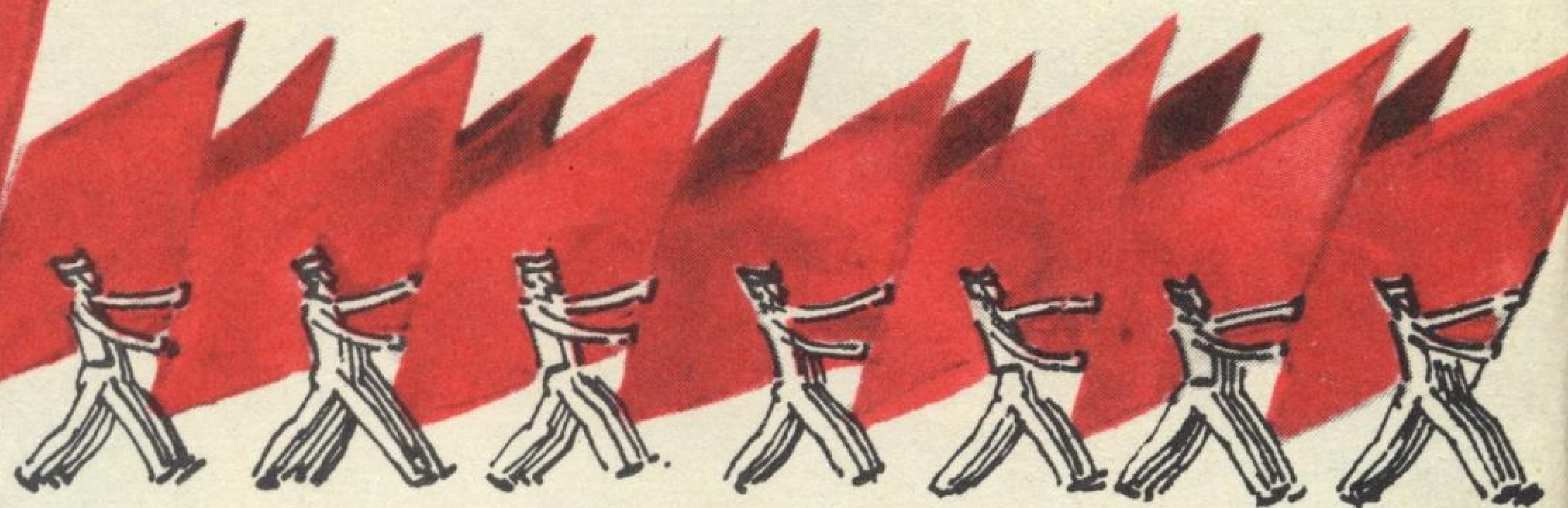
ПИОНЕР 3

МАРТ ● 1971 г. ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

БУДЬ ГОТОВ!

ВСЕГДА ГОТОВ!

XXIV СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ!



Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

По ленинской гвардии коммунистов
Сверяют свой шаг пионеры страны.
Вы—сердцем отважны,
Вы в помыслах чисты,
Вы ленинской правде верны.

Как Родину сделать сильней и богаче—
В Кремле наша партия держит совет.
И нет у нее благородней задачи,
Работы серьезнее нет.

У нас, пионеров, есть тоже заданье—
Готовиться к добрым
и славным делам,
Учиться, накапливать силы и знанья
Поручено Родиной нам.

В грядущее мы отправляемся смело,
И пусть нас уносит мечта в высоту—
Мечта в наше время
становится делом,
А дело рождает мечту!

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Издательство «Правда»

Москва 1971 г.

30 МАРТА СОБЕРЕТСЯ В МОСКВЕ, В КРЕМЛЕВСКОМ ДВОРЦЕ СЪЕЗДОВ, XXIV СЪЕЗД НАШЕЙ ПАРТИИ.

Съезд обсудит итоги восьмой пятилетки и утвердит директивы по девятому пятилетнему плану.

Ты знаешь, как огромно хозяйство нашей страны. Огромна и армия работающих в нем людей. Под руководством ПАРТИИ советский народ строит города и заводы, железные дороги и атомные станции, каналы и элеваторы, выращивает хлеб и хлопок, умножая год от года могущество нашей Родины. Крупную победу одержали мы в прошлом году: выполнен восьмой пятилетний план! И вот новый поход, новое наступление: девятая пятилетка.

Как опытный полководец, партия расставляет силы на новом пятилетнем фронте. Решает, какие отрасли хозяйства нужно двинуть быстрее вперед, где сосредоточить трудовые резервы. Взяты на вооружение все достижения науки и техники, весь опыт умелого хозяйствования. Чтобы все и каждый работали сегодня производительнее, чем вчера. Чтобы завтра было создано больше, чем сегодня. И, в конечном итоге, чтобы все мы жили лучше, полнее, счастливее. Об этом постоянно заботится наша ПАРТИЯ.

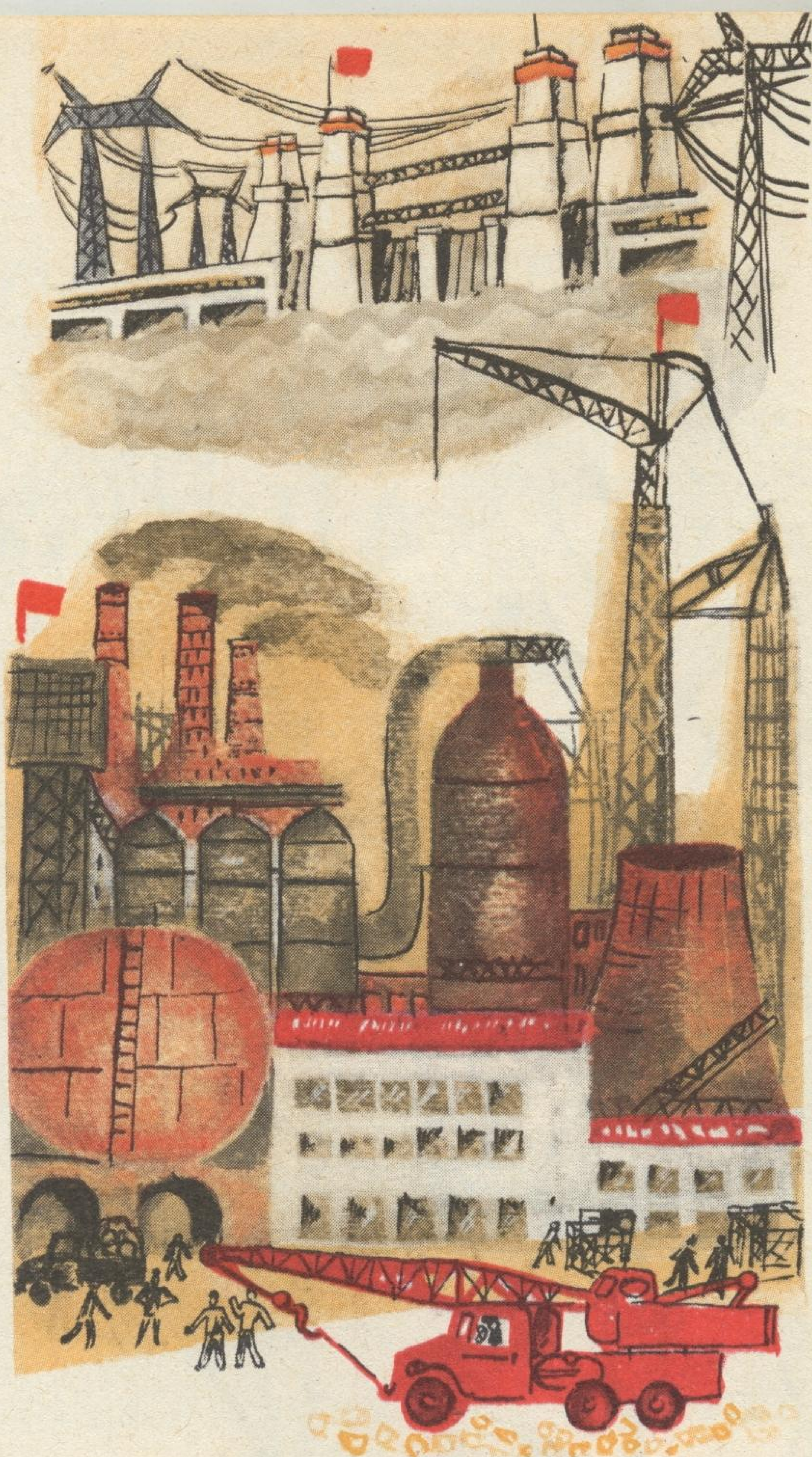
Не правда ли, тебе тоже хочется быть бойцом новой пятилетки, быть вместе со своим народом? Посмотри, чем заняты твоя дружина, твой отряд. Работа найдется каждому. Пионеры рапортуют СЪЕЗДУ КОММУНИСТОВ о том, что сделали в первый год юбилейного марша «Всегда готов!». Еще больше полезных и важных дел им предстоит.

Когда ты кончишь школу и начнешь работать, изучать сложную специальность, знания тех, кто будет повелевать машинами и двигать науку вперед, станут шире, богаче. Значит, твоя пятилетка — это в первую очередь очень здорово учиться!

Ты станешь хозяином богатств родной земли. Тебе их умножать!

Рисунок П. БАГИНА.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.



НОВЫЕ СТИХИ

Газимбег БАГАНДОВ

РОДИНА

Быть может, в детские года
Дерзил я матери, грубя,
Но никогда, но никогда
Не мог ослушаться тебя!

Быть может, в детские года
Я забывал наказ отца —
Тебе всегда, тебе всегда
Я был послушен до конца!

Я каждый камень полюбил,
Лежащий на земле родной.
В душе иссякнет этот пыл —
Я высохну, как речка в зной!

Пляшу я в дни побед твоих,
Пока на землю не свалюсь,
И плачу я в дни бед твоих,
Пока слезами не зальюсь!

Перевел с даргинского О. ДМИТРИЕВ.

Кале БОБОХИДЗЕ

ИМЯ ИЛЬИЧА

Вдаль зовет дорога голубая,
Медленно отчалил теплоход.
Но ни днем, ни ночью не смолкая,
Ширится над Волгой гул работ.

Поднялась бетонная громада
Из холодных девственных глубин,
Волны, как взбесившееся стадо,
Атакуют лопасти турбин.

Знаю, будет смята их атака,
Вспыхнет в небе лезвие луча.
Люди добывают свет из мрака,
Прославляя имя Ильича.

Перевел с грузинского Е. ЕЛИСЕЕВ.

Ата АТАДЖАНОВ

МАШИНЫ с тяжелым грузом

Идут, как верблюды —
В линию, —
За нашим окном
С рассвета
Машины желтые,
Синие,
Машины серого цвета.

Подобно веселым альчикам[1]
Прокатятся легковые —
Блеснут на углу, сворачивая,
Как стрел концы боевые.

Асфальт проминая шинами,
Машины с тяжелым грузом
Спокойно идут, решительно,
Как люди в походе трудном.

Стальными ревут утробами,
Сраженье ведя за метры.
На ровной коре гудроновой
Следы их слишком заметны.

Как те, кто делами славится,
Но ходит в ватнике грубом,
Своей красотой не хвалятся
Машины с тяжелым грузом.

Они не скользят пижонами
По улицам лихо, ловко,
Машины эти,
Груженные
Цементом, зерном и хлопком.

Вот эта машина грузная
Особенно мне знакома:
Всегда она возит в кузове
Бетонные стены дома.

Она с неизменной ношею
Идет тяжело и мерно.
Болят ее плечи мощные
От вечных трудов, наверно.

Везде, куда едут ранние
Машины с тяжелым грузом,

[1] Разновидность игральных костей.

Большие, светлые здания
Взметнутся ввысь друг за другом.

И там, где шоссе накатаны,
И там, где путь не разведан,
Я славлю их шаг,
Впечатанный
В планету
Глубоким следом!

Перевел с туркменского О. ДМИТРИЕВ.

Дамба ЖАЛСАРАЕВ

❇

О, путь неудержимый,
Путь бескрайний,
Как широко распахнутая степь,
Лежит перед тобою утром ранним,
И хочется
Об этом песню спеть!
И мускулы, как тетива, упруги,
И крепко, как походный твой ремень,
На рысаке затянуты подпруги —
И ты скорее в стремя ногу вдень!

Лежит земля, от солнца золотая,
А ты скачи, скачи во весь опор,
На острую луку седла мотая
Простор степей
И времени простор!
Лежит земля под необъятным небом,
Знакомая,
Загадочная вся, —
Степную даль запомни каждым нервом
На сердце, как на карту, нанеся.

Лежит земля и делится с тобою
Летящим с неба солнечным теплом.
Лежит земля и делится травою
С твоим золотогривым скакуном.
Прохладные целебные аршаны [1]
Манят тебя прозрачною водой,
И в грудь твою течет благоуханно
Дух терпкий
Ая-ганги [2] голубой!

Но, если буря пред тобой завертит
Тугие кольца серой пыльной мглы,
То грудь твоя
Разрежет встречный ветер,
Как острие гранитное скалы.
Но, если небо разразится ливнем,
Ты голову в нетающем снегу
Подставишь, словно в детстве,
Струям синим,
И пыль дороги смоешь на скаку.

Чем дальше едешь, тем друзья
дороже,
И тягостней минуты не найти,
Когда коснуться стременем не
сможешь
Ты стремени товарища
В пути.
А с другом скачешь, позабыв
усталость,
Как будто молодея оттого,

---

[1] Аршан — целебный источник.
[2] Ая-ганга — степная трава.

Что стремя твое звонкое
Касалось
Сверкающего стремени его!

Держа поводья сильными руками,
Равниной
От рассвета дотемна
Мы скачем не с порожними вьюками —
В них желуди, орехи, семена.
Пусть там,
Где мы на землю твердо встанем,
Растут дубы огромной высоты!
Пусть там,
Где руку мы к земле протянем,
Взметнутся к солнцу яркие цветы!

Перевел с бурятского О. ДМИТРИЕВ.

★

Миразиз АГЗАМ

ДЕДУШКА и Я

Если дедушка сажает
Утром саженцы в саду,
Я для них подпорки ставлю —
Вслед за дедушкой иду.

Если дед взрыхляет почву
Возле них в июльский зной,
Я несу им в синей лейке
Добрый дождик проливной.

Деревца росли и крепли,
Дружно листьями звеня.
Дед сказал мне, улыбаясь:
— Ты опора для меня.

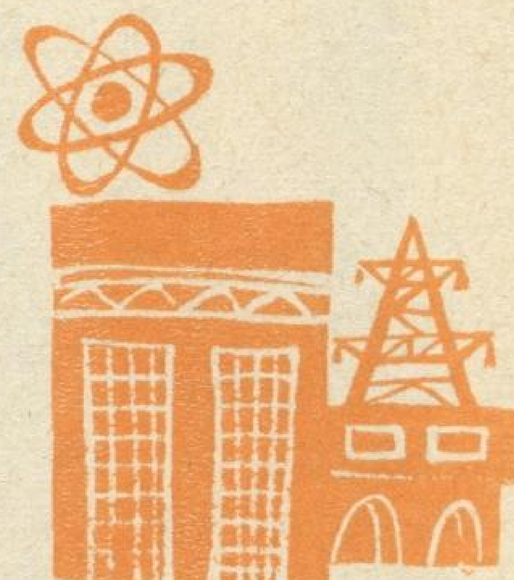
Перевели с узбекского
С. ВОЛЬСКИЙ
и С. МАКАРОВ.

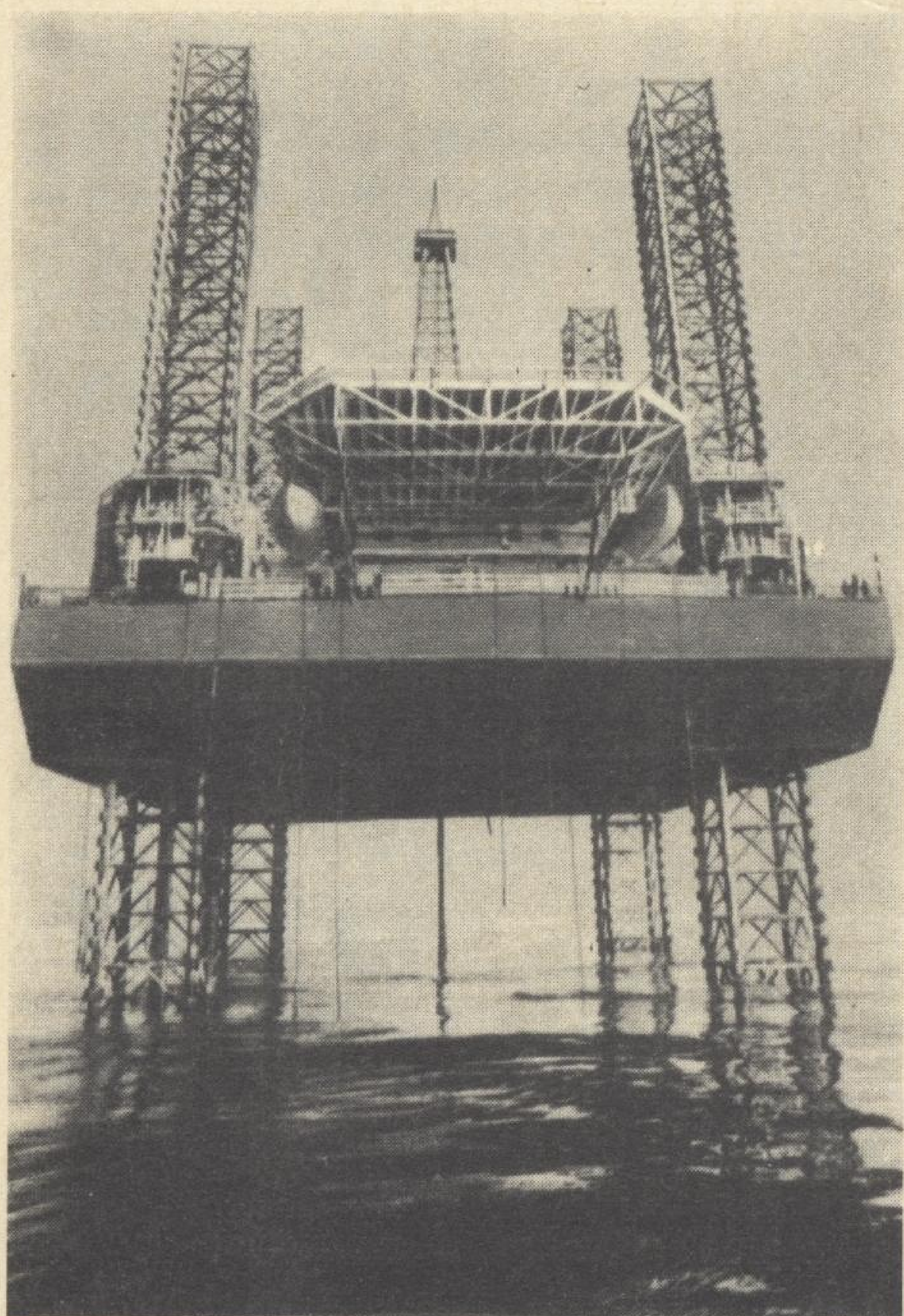
МАРШРУТЫ

Н. ГРИГОРЬЕВА,
Б. ХОЛОПОВ

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПЯТИЛЕТКИ





Пробиться к новым нефтяным кладовым...

Нам всем уже хорошо известно слово «пятилетка». Пятилетка — пять лет в жизни нашей страны, и весь ход этих лет заранее продуман и размечен планом развития народного хозяйства. Этот план разрабатывается и осуществляется под руководством Коммунистической партии.

Много статей и разделов в пятилетнем плане. Много в нем разных объектов. То это новая железная дорога, которая пройдет по тундре, за Полярным кругом. То трасса, или, как говорят строители, «нитка» трубопровода. По трубопроводам потечет нефть или газ. Диаметр «ниточки» — два с половиной метра, автомобиль внутри трубы может двигаться, а длина — несколько тысяч километров... Ведет пятилетка и в новые города, которые пока существуют только в чертежах архитекторов. Каждые пять лет в стране у нас вырастает около десятка городов. И где? В дремучей тайге, в пустыне, в тундре поднимаются они — красивые, уютные, с бульварами и дворцами.

По всем маршрутам пятилетки нам и за пять лет не удастся пройти. Но по трем-четырем, самым интересным, совершить путешествие сможем. В путь!

ДОРОГА В ЛУКОМОРЬЕ

Сначала мы отправимся в страну Лукоморье. Вы, наверное, думали, что Лукоморье существует только в сказках да в стихах Пушкина. Нет, оно вовсе не придумано. Первыми на границах этой страны побывали в XI веке — девятьсот лет назад! — храбрые новгородские дружинники. Рассказывая об их походах, летописец Гюрята писал, что Лукоморье лежит за непроходимыми горами, лесами и несметно богата эта страна пушным зверем, оленями.

Горы, о которых говорил Гюрята, — Урал, а Лукоморье — обширный лесной край, Западно-Сибирская низменность, по которой течет великая река Обь. Действительно, много здесь было пушнины, и еще в шестнадцатом веке наши предки построили тут города-крепости Тюмень и Тобольск. Но никто до наших дней не знал о глав-

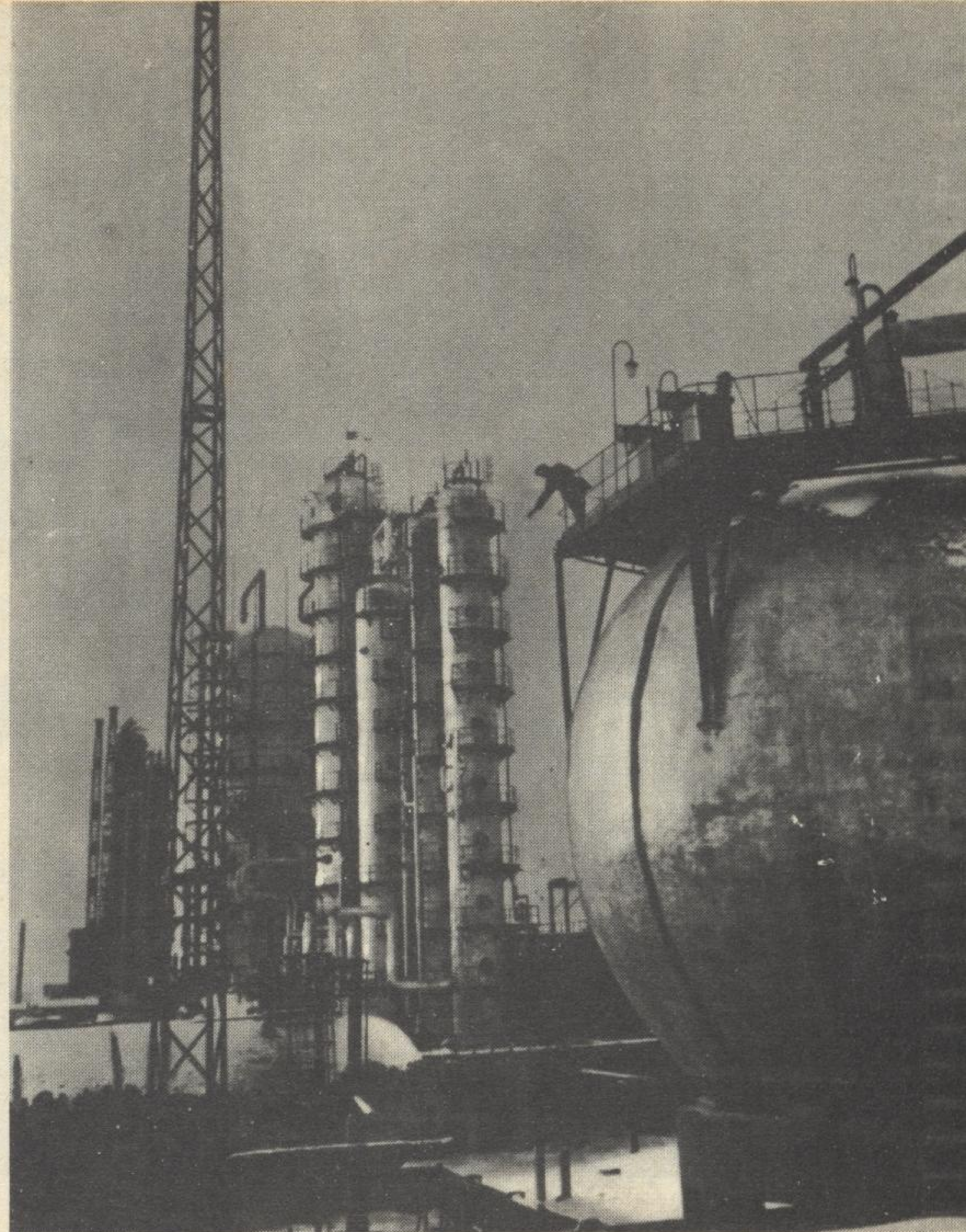
ном богатстве Лукоморья — о невиданных подземных запасах нефти и газа.

Геологи открыли в Западной Сибири нефть десять лет назад. В прошлой пятилетке началась промышленная добыча жидкого топлива. План добычи успешно выполнен и перевыполнен. Сегодня в Западной Сибири добывается жидкого золота — нефти столько, сколько вся наша страна получала в 1940 году. Принимая эстафету, девятая пятилетка планирует открытие новых месторождений и их разработку. Через десять лет Западная Сибирь будет давать столько нефти, сколько в Советском Союзе добывали в 1965 году, — двести тридцать — двести шестьдесят миллионов тонн. Океан нефти!

Суровый край Западная Сибирь. Куда ни глянь — реки, болота, озера. Зимой морозы до шестидесяти градусов, летом тучи мошкары. Но люди построили здесь города, дороги, проложили трубопроводы, и вот Сибирь дает стране нефть и газ, дает нам тепло.

Тяжело здесь работать? Да, нелегко. Но ведь и увлекательно. Представьте, вы открываете самое большое в мире месторождение нефти. Здорово? И такое месторождение открыто у озера Самотлор. Говорят, в переводе с языка местных жителей хантов Самотлор означает «ловушка-озеро». И вот эта ловушечка поймала миллионы тонн нефти!

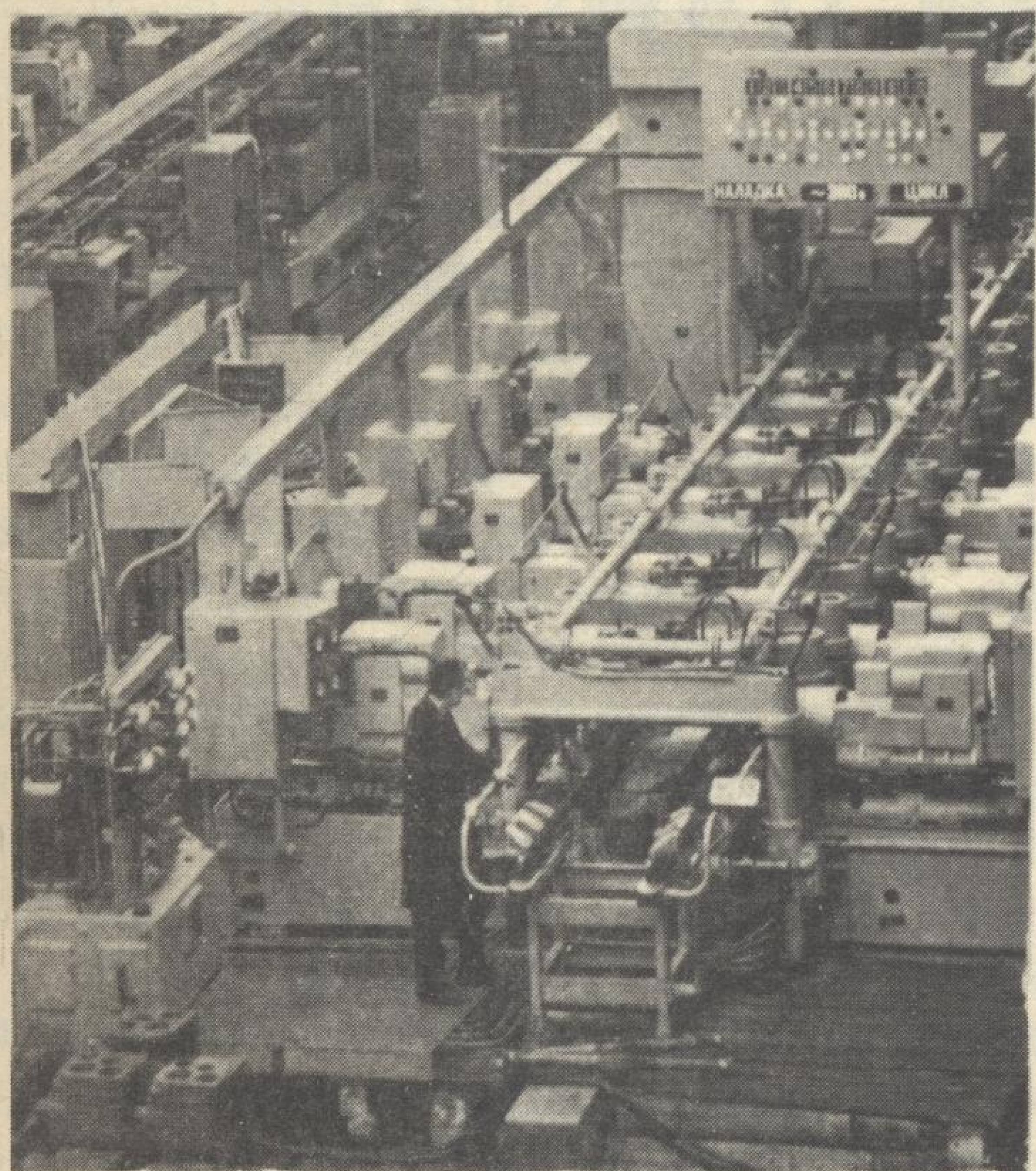
Геологи не фантазеры, они с полным знанием дела утверждают, что в Западной Сибири будет открыт еще не один Самотлор. «Дайте мне точку опоры, и я переверну земной шар», — говорил Архимед. Нефть стала для экономики Сибири такой точкой опоры. Вся жизнь края переворачивается: теперь здесь строятся не только нефтяные предприятия, но и швейные, текстильные фабрики, пищевые комбинаты. Западная Сибирь становится настоящим Лукоморьем — страной богатства и изобилия.



Расширить возможности волшебницы-химии...

КАК ЖИВЕТСЯ НА СЕВЕРЕ?

В наших северных районах живет не так уж много людей. Есть там, конечно, и крупные города, такие, как Норильск, Магадан и Мурманск, но большие пространства еще не заселены, не освоены. А богатства на Севере огромные. У якутов есть легенда: когда великий дух земли полетел распределять по нашей планете свои сокровища, то сначала он подлетел к Северу. Тут, однако, у него замерзли руки, и он выпустил мешок. Сокровища рассыпались, и великий дух не стал их подбирать: холодно!

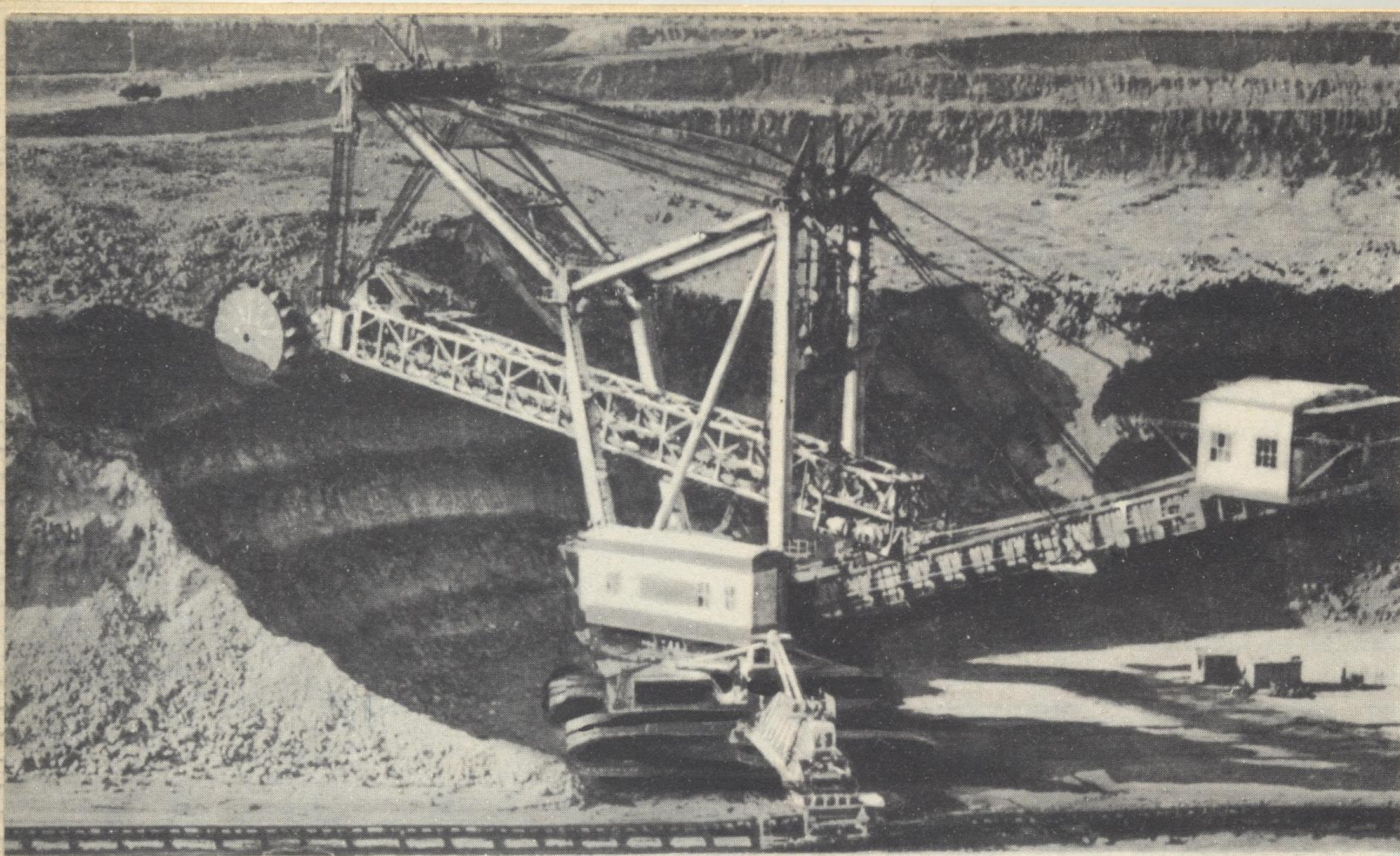


Поручить новые серьезные задания станкам-автоматам...

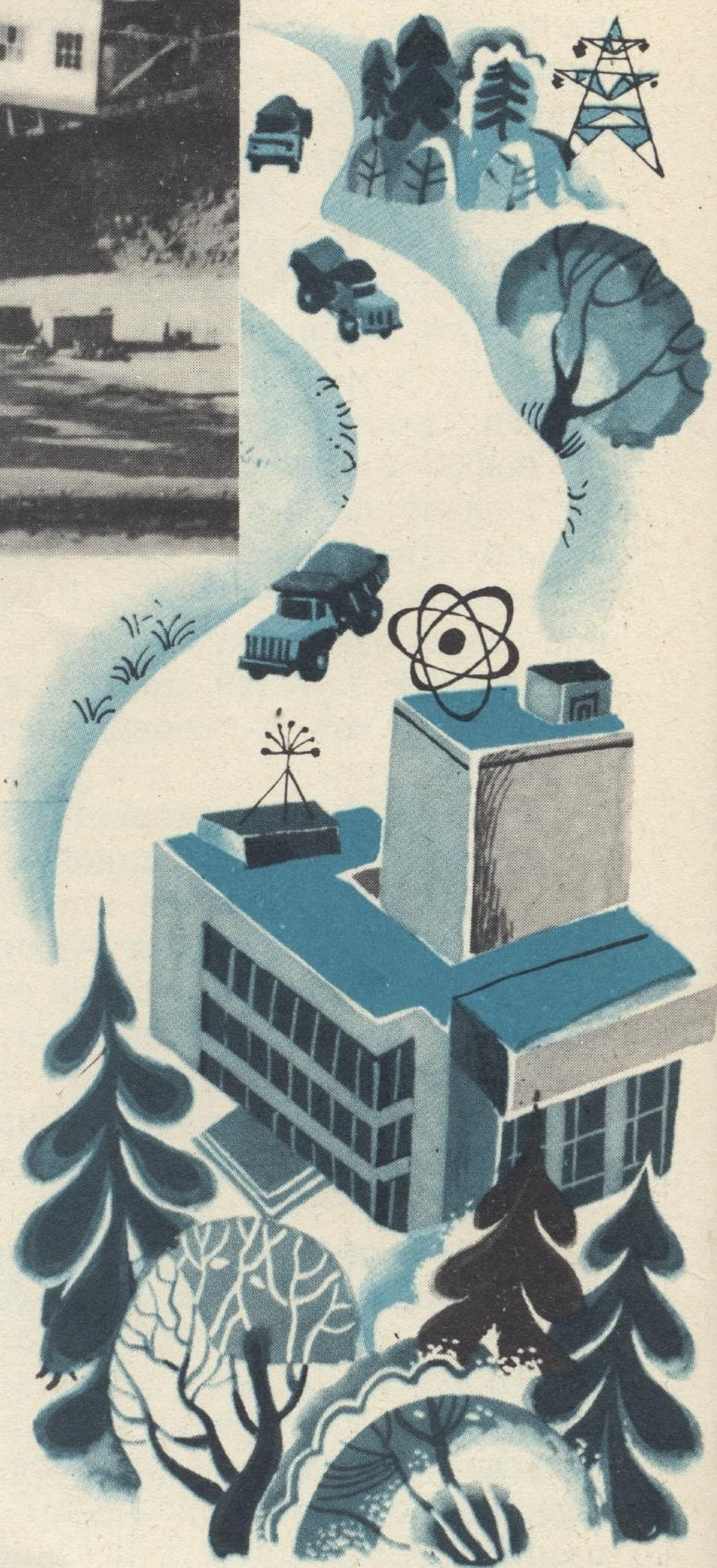
Верно, в северном краю неисчерпаемые запасы золота, цветных металлов, угля, есть там алмазы и другие драгоценные камни. Они нам очень нужны, но взять их трудно. Люди, которые работают у Полярного круга, должны жить не просто в таких же условиях, как в теплых краях, но еще лучше.

На Севере построят много электростанций — здесь, как нигде, нужны свет и тепло. На берегу Баренцова моря близ Мурманска и недалеко от побережья Восточно-Сибирского моря в центре золотоносного Чукотского района в поселке Билибино сооружаются атомные электростанции. Уже дала ток первая заполярная гидростанция на реке Хантайке, недалеко от Норильска. В новом пятилетии начнется строительство гидроэлектростанции на реке Колыме.

Созданы проекты новых северных городов. Целый город поместится в одном или нескольких домах. В них будет все: и сады, и бассейны, и спортивные площадки, и



Брать у земли побольше скрытого в ней угля и металла...



магазины. Такой город, например, должен строиться на новых рудниках у алмазной трубки Удачная.

Хорошо, но, чтобы построить город, надо, наверное, соорудить там же завод, который будет выпускать железобетонные плиты и другие строительные детали. «Нет, это слишком дорого и трудно», — сказали экономисты и доказали, что гораздо выгоднее легкие строительные конструкции перебрасывать по «воздушному мосту» самолетами «Антей» из Братска и на месте собирать жилой комплекс из готовых деталей, как из кубиков.

Дело новое, но интересное необычайно! На Севере есть где поработать.

Впрочем, не только на Севере, но и на юге Сибири фронт работ, как говорят строители, широкий. На Енисее, в Саянах, сооружается одна из крупнейших в мире Саяно-Шушенская ГЭС, а рядом, в Хакасии, в Туве, начинается строительство новых заводов. Здесь возникает промышленный район, который так и зовут — Саянский. Когда в эти края в конце прошлого века сослали В. И. Ленина, здесь были глушь, бездорожье, дикость. Но Владимир Ильич тогда еще предсказывал краю большое будущее. Сегодня его слова сбываются.

Превратить металл в новые сильные машины-работяги...

СТАЛЬНОЙ ПАНЦИРЬ РОССИИ

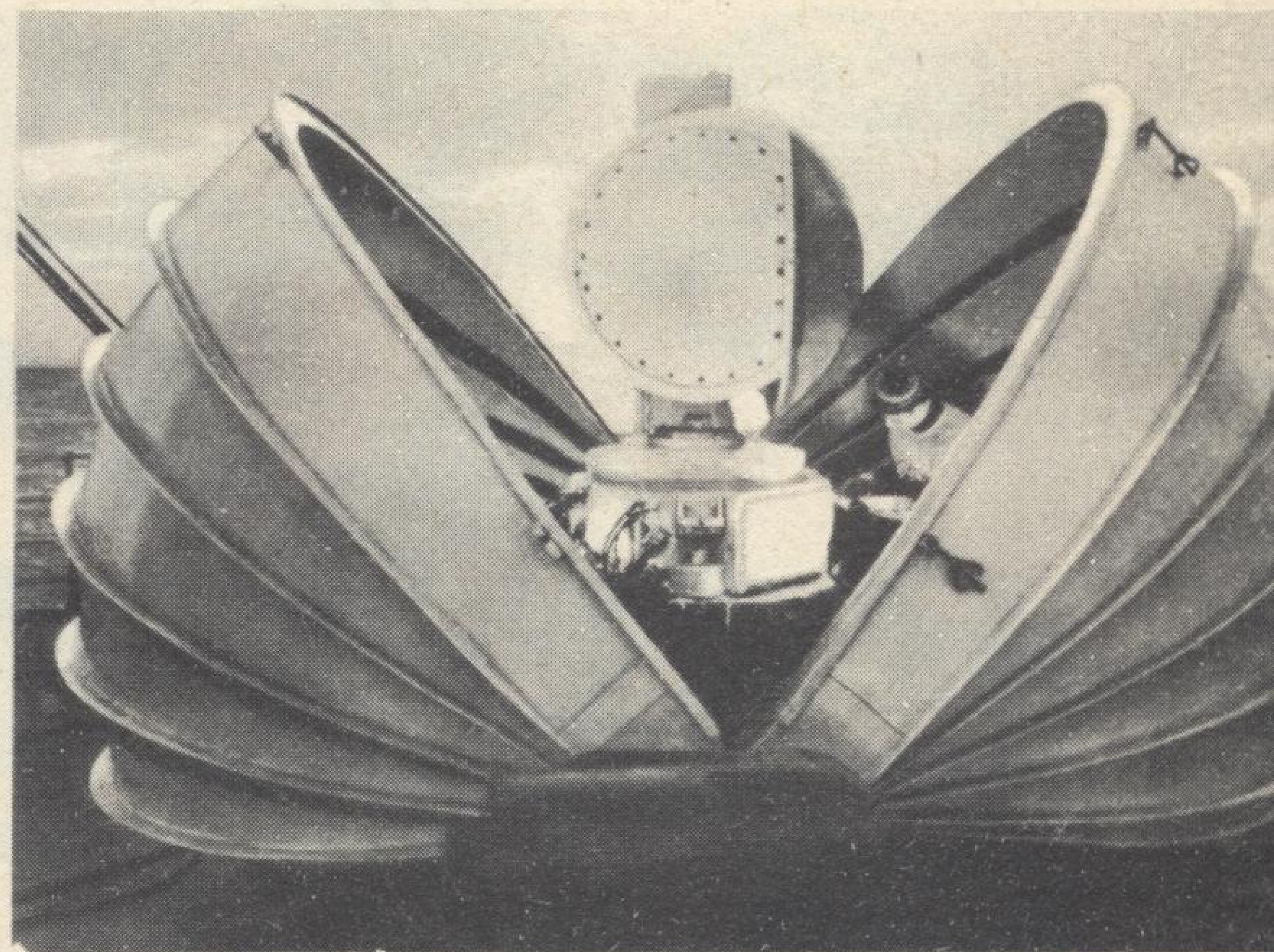
А что, в центре России, в давно обжитых местах, разве нет дел? Есть, и великое множество.

Только что выпустил первые автомобили завод в Тольятти на Волге. Каждый год с его конвейера будет сбегать шестьсот тысяч новеньких машин марки «Жигули». Началось строительство еще одного завода, который будет производить грузовые автомобили. Его корпуса поднимутся на берегах Камы в поселке Набережные Челны. Сколько же стали будут потреблять эти заводы? Тысячи тысяч тонн. Да ведь не они одни нуждаются в стали. Черный металл, железо, до сих пор остается главным материалом для изготовления самых разных машин.

А железо-то лежит в центре России, под курскими и белгородскими черноземами. Давно люди замечали, что стрелка компаса «чудит» в этих местах — крутится, вместо севера показывает куда-то на восток. Еще в первые годы Советской власти выяснили, что причиной этих не-

нормальностей, или, говоря научно, аномалии, являются залежи железной руды. Руду эту, однако, взять оказалось нелегко: она лежит глубоко под землей да к тому же и под несколькими пластами подземных вод.

Десятки миллиардов тонн богатейшей руды природа держит за семью замками. Ничего, к замкам этим подобрали ключи. Курская магнитная аномалия уже дает сырье. Гигантскими воронками, улитками врезались в недра земли карьеры рудников. Могучие автомобили — «Белазы» и «Кразы» — по виткам спирали вывозят из рудников тысячи тонн руды. Она перерабатывается на металлургическом заводе в городе Липецке, идет на Урал и на Украину. А девятая пятилетка решает: на базе КМА начать строительство нового мощного металлургического комбината.



Взять во всех делах в добрые помощницы самую передовую науку. Такие задачи среди многих других будет решать наша новая пятилетка.

БУДЕМ СОЮЗНИКАМИ ПРИРОДЫ

Смотрите, сколько новых заводов, дорог, рудников строится! Кажется, скоро на земле и места незастроенного не будет. Нет, места у нас в стране еще много! Есть и нетронутые леса и чистые реки, на берегах которых подчас не встретишь человека, и далеко не все богатства наших недр открыты геологами. Однако это совсем не значит, что можно безоглядно рубить леса, засорять реки и озера.

В новой пятилетке много внимания уделяется охране природы. На последней сессии Верховного Совета СССР были утверждены основы водного законодательства. Новый закон впервые в масштабах всего нашего государства делает обязательной охрану вод, рациональное использование водных запасов,

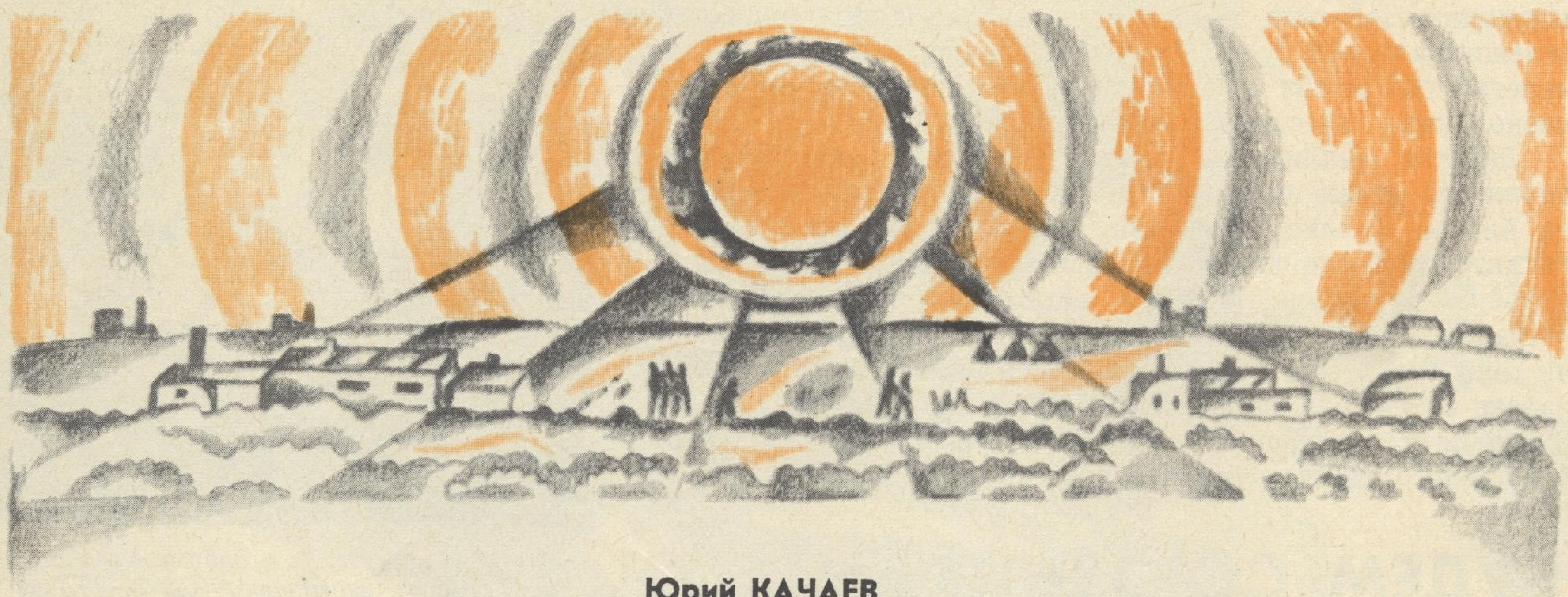
Огромные новые заповедники — национальные парки, в которых можно будет и вести научную работу и отдыхать, создаются в разных районах нашей страны. Самый привлекательный национальный парк будет, конечно, на Байкале. Нет в мире озера красивее Байкала, вода в нем кристальной чистоты, лед зимой голубой, как драгоценный камень аквамарин. Скоро построят на Байкале удивительный музей — здание вырастет прямо из воды, и в музее предусмотрено такое помещение, из которого через стеклянную стену можно наблюдать подводную жизнь озера.

Заповедники, охрана природы... Но что же, значит, не надо исправлять ее ошибки? Нет, надо, конечно. Большинство наших великих рек, к примеру, уносит воды в Ледовитый океан, а плодородные земли Юга — миллионы и миллионы гектаров в Казахстане, Узбекистане, Туркмении, в Поволжье — страдают от недостатка влаги. Дай этим землям воду — и они отплатят человеку за добро невиданными урожаями.

Много оросительных каналов построено у нас в стране. Самый большой — Каракумский канал в Туркмении. Его длина — восемьсот с лишним километров. В пустыне разлились настоящие моря, корабли идут через пески по Каракум-реке.

Несколько миллионов гектаров засушливых заволжских степей оросит Волга. Все больше и больше воды будут забирать из нее каналы. А что, если повернуть часть северных вод из Печоры и других рек на юг, дать их воду Волге? Так и решено сделать, так и записано в перспективном плане мелиорации земель и перераспределения стоков рек. План этот рассчитан на 1971 — 1985 годы.

Ну, а главное, чему служит наша пятилетка? Во имя чего разворачивается грандиозный фронт работ по всей нашей стране, для чего строятся новые заводы, для чего прокладываются каналы, для чего повышают производительность труда и урожайность полей? Ясно, для того, чтобы сильнее, богаче становилась наша Родина, чтобы люди Советской страны жили с каждым годом все лучше.



Юрий **КАЧАЕВ**

Над головой — Полярная звезда

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Знакомство

Леня Яр был человек серьезный: дрался только по делу. Поэтому, когда белобрысый похвалился одной левой уложить любого из порожинских мальчишек, Яр миролюбиво сказал:

— Да ведь класть-то тебе некого. Я в поселке один. Разве вон с нею силой померишься.

Яр кивнул на Анинэ. Она засмеялась и показала белобрысому язык.

Белобрысый стоял, засунув руки в карманы штормовки, и, казалось, раздумывал, стоит ли связываться с Яром. Он был долговязый и, наверное, сильный. На вид ему можно было дать все пятнадцать.

— А я тебя уже видела,—сказала Анинэ.— Ты на амфибии с геологами приехал.

— И вовсе они не геологи, а геодезисты,— буркнул белобрысый.— Мы карту будем составлять.

— «Мы-ы»,— передразнила его Анинэ.— Волы пахали, а муха сидела на рогах.

— А ты волов-то хоть раз видела, пуговица?

— А вот и видела.— Анинэ запрыгала на одной ножке. — Я в прошлом году на Украине в лагере была!

Но белобрысый уже перестал обращать на нее внимание.

— Ты ненец? — спросил он Яра.

— Ненец.

— Интересно тут у вас?

— Мне интересно.

— Ну, ладно,— сказал белобрысый.— Меня Валькой зовут. Валька Ковригин.

Яр назвал себя. Валька удивился:

— Имя-то русское.

— У него и ненецкое есть, — вмешалась Анинэ.— Только его чужим знать не положено. Дедушка Айваседо говорит, можно беду накликать. А так, если имя помянуть не к месту, евры будут искать Леню, а он — Лонгали. Вот!

Тут Валька и вовсе удивился:

— Это еще что за евры?

— Евры — это духи. Дедушка Айваседо говорит...

— Да помолчи ты,— цыкнул Яр.— Слова людям сказать не даст. Дедушка — старый человек, а ты-то!.. Постыдилась бы. Трещишь тут, а звери, поди, голодные сидят.

— Какие звери? — спросил Валька.

— Песцы. У нас тут опытная звероферма.

— А взглянуть можно?

— Взглянуть не жалко. Пошли, если хочешь.

Звероферма стояла на берегу реки. Валька уже знал название этой горластой порожистой речонки — Белый Сыт. От нее и поселок звался Пороги.

Ферма была свайная. Вольеры стояли на двухметровой высоте, и к ним нужно было карабкаться по крутой скрипучей лесенке.

— Почему на сваях? — спросил Валька.

— А ты попробуй после пурги очистить ферму от снега. День, а то и два убьешь.

И Яр пояснил: когда ферма поднята над землей, метельные снега пролетают под нею, не задерживаясь и почти не оставляя заносов.

Звери оказались как звери — симпатичные.

— Это вот голубые песцы,— сказал Яр.

— Да какие же они голубые? — возмутился Валька.— Они серо-буро — не поймешь. А тот вообще какой-то георгиевский кавалер, с крестом.

Яр засмеялся.

— Это белый песец, весной он синеет, а потом на спине появляется крест. Его и зовут крестовик.

Яр открыл дверцу вольера и распахнул настежь.

— Удерет ведь! — вырвалось у Вальки.

— Ну, ладно,— сказал белобрысый.— Меня Валькой зовут.

Но песец и не подумал удирать. Он подошел к Яру и стал ластиться, совсем как собака.

— Манор, Малыш то есть, слабеньким родился,— сказал Яр, поглаживая песца.— Ну и пришлось его взять домой, из соски выкармливать. Вот он и привык к человеку.

Яр спустился к берегу и притащил тяжелый садок с рыбой. Садок был сделан из вольерной сетки, и рыба в нем была живая.

— Песцы едят только свежую,— объяснил Яр.

В поселке стояла такая тишина, словно он вымер. Слышно было только, как шумит на перекатах река да далеко в болотах, кем-то потревоженные, кричат дикие гуси.

Анинэ стала разносить зверям еду, а Яр повел Вальку в мерзлотник. Мерзлотник походил на обыкновенный погреб, только он был завален не овощами, а свежей травой. Трава казалась недавно скошенной, хотя и серебрилась от инея. Такой она и останется до будущей весны. Зимой песцы охотно едят ее.

— Сплошные витамины,— сказал Яр, разминая в кулаке пучок травы.— Слышишь, лугом пахнет.

— А где народ-то у вас? — спросил Валька.

— Кто на покосе, а кто на рыбалке. Лето в тундре короткое: день прозеваешь, и то боком выйдет. Пошли, холодно здесь.

— А у меня спиннинг есть,— сказал наверху Валька.

Яр махнул рукой.

— Баловство. Много ли им поймаешь! Невод — дело другое. Там за одну тоню сколько возьмешь — шесть, а то и десять центнеров. Спиннингом план не выполнишь.

— Ну, это спорт, а не промысел,— не стал спорить Валька.— Однако мне пора, Калиныч ругаться будет.

— Начальство твое? А ты кем в экспедиции-то?

— Рабочим. Решил вот попробовать. Не век же у родителей на шее сидеть. Мать, конечно, против была, да Калиныч ее уговорил. Он наш сосед по квартире. Классный мужик. Приходи, познакомлю.

— Приду,— сказал Яр.— Вот только народ вернется. А то я сейчас за дежурного.

— Слушай,— вспомнил вдруг Валька.— Ты не знаешь, кто бы мог у нас проводником поработать?

Яр задумался, потом покачал головой.

— Сейчас каждый человек на счету. Вот разве дед Айваседо. От него толку все равно немного, а тундру он знает, как свою ладонь.

— Так ты бы передал ему.

Яр кивнул. Валька сделал «нос» Анинэ, пожал руку Яру и ушел.

В дорогу

Дед Айваседо оказался шустрым и славным стариком, только чересчур любопытным. Когда Яр привел его в лагерь, дед своими расспросами вогнал Вальку в пот: как, зачем да почему. Многого Валька и сам не знал, а из взрослых в лагере никого в ту пору не было, все ушли встречать гидросамолет с продуктами и оборудованием.

Поэтому, чтобы отделаться от расспросов и не позорить себя перед Яром, Валька подсунул деду теодолит. Этот прибор привел старика в неописуемый восторг: во-первых, самые дальние деревья были видны в него так, будто стояли рядом, а во-вторых, они росли — дед Айваседо даже ахнул — вершинами вниз, а дальнее озеро плавало в небе.

Скоро вернулась амфибия с геодезистами. Их было трое, все молодые и бородатые. Первым спрыгнул на землю широкоплечий, почти квадратный человек, остриженный наго-

ло, как новобранец. От этого борода его казалась приклеенной. Он за руку поздоровался с Айваседо и сказал:

— Нечаев, Григорий Калиныч. А вы Айваседо.

Старик в ответ заулыбался, довольный, что о нем уже знают.

Калиныч повернулся к Яру:

— Внук?

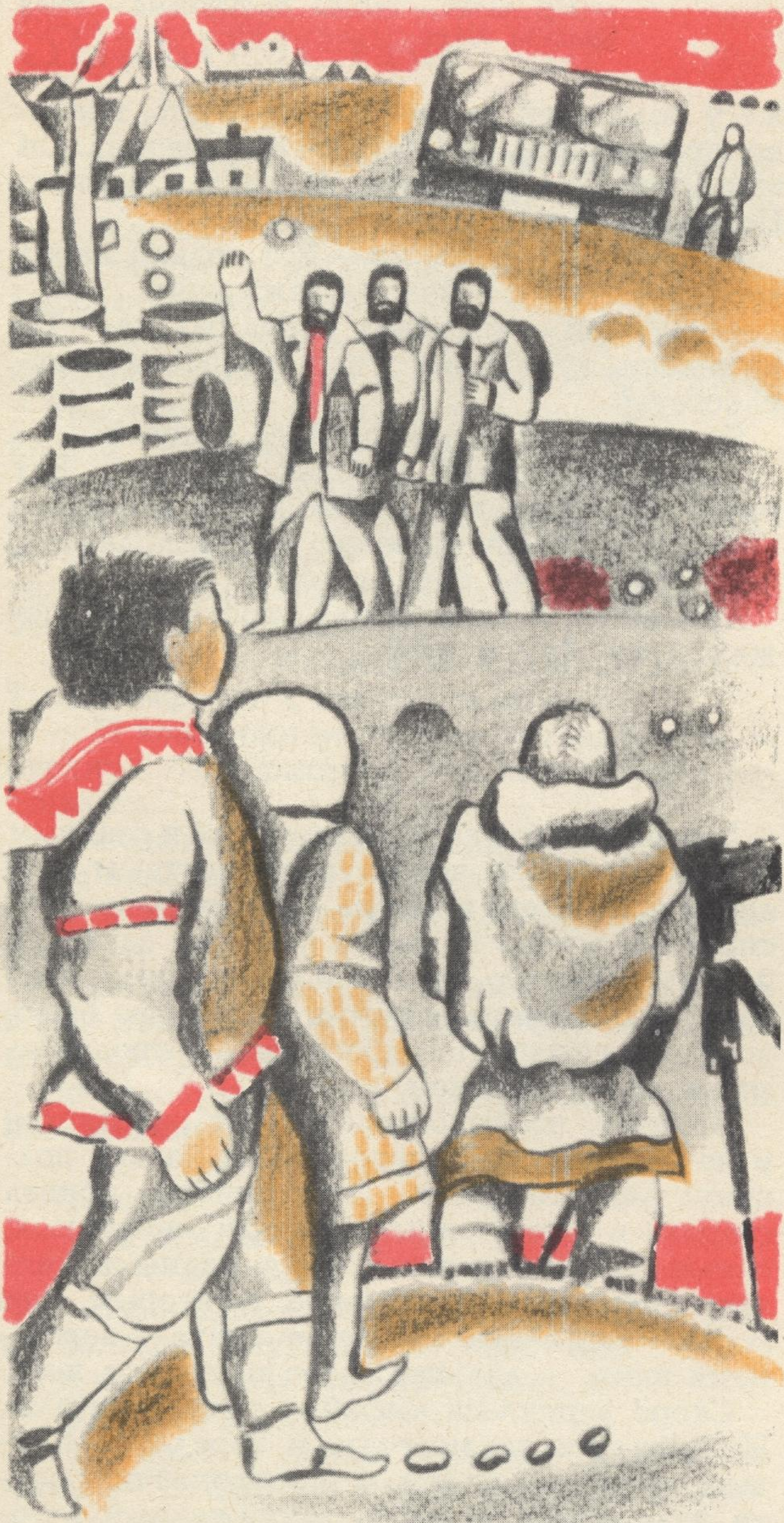
— Нет, сосед.

Двое других геодезистов тоже назвали себя. Один, двухметровый верзила, представился Виктором. Другой, краснея, сказал:

— Витенька.— И добавил:— Это чтобы путаницы не было.

— Ну так как? — обратился к Айваседо Калиныч.— Пойдете к нам проводником? Платим мы хорошо.

Скоро вернулась амфибия с геодезистами. Их было трое, все молодые, бородатые.



— Вести куда?

— На Выльпас.

— О-ей, маленько далеко! — Айваседо покачал сивой головой.— Тут думать надо.

Но по глазам старика было видно, что он уже все решил и тянет с ответом просто для солидности. Калиныч это понял и пустил в ход безотказное средство, то есть обыкновенную лесть.

— Мне говорили, никто не знает тундру лучше Айваседо. Жалко, что придется искать другого человека...

Это подействовало, и через пять минут Айваседо нарисовал под написанным контрактом оленя — грамоты он не знал.

— Вот и чудесно,— хлопнул кулаком в ладонь обрадованный Калиныч.— Завтра отправимся.

Яр отвел Вальку в сторону и смущенно сказал:

— Слушай, спроси Калиныча, может, он возьмет и меня. На Выльпасе мой дядя каслается, ну, кочует, по-вашему.

Валька подошел к Калинычу и повторил просьбу Яра.

— Я обузой не буду, товарищ Нечаев,— горячо заверил Яр.— И рыбы всегда наловлю и обед приготовлю, честное пионерское!

Калиныч засмеялся:

— Ну, коли так — быть по сему, как говаривали цари.

В путь отправились наутро, хотя в это время года утро от ночи отличить невозможно — над тундрой почти круглые сутки, как заведенное, ходит незакатное летнее солнце.

Амфибию повел Витенька, и это обстоятельство раз и навсегда определило отношение к нему проводника: с тех пор Айваседо считал Витеньку главным начальником. Калинычу, очевидно, он отводил роль заместителя.

Айваседо да и Яра восхищала та легкость, с которой вездеход брал топкие места и мелкие речушки. Валька поглядывал на Яра снисходительно и горделиво, словно это он сам изобрел такую замечательную машину.

На первый походный привал устроились великолепно — в поселке строителей газопровода. Поселок стоял на берегу озера со странным, каким-то греческим названием — Эйраполь.

Чуть поодаль от поселка проходила трасса будущего газопровода. Здесь в вечную мерзлоту уже были вбиты сваи, на них лежали деревянные сплетения перекладин, на которые строителям предстояло уложить трубы. Но трубоукладчики находились еще в пути, а вручную ничего не сделаешь.

Трубы (их завезли сюда еще по зимнику) поразили Вальку и Яра своими размерами. Например, невысокий ростом Яр входил в трубу не сгибаясь. Изнутри она блестела от масла, и Валька с Яром изрядно перемазались, обследуя чрево исполинского стального цилиндра. Голоса в нем звучали словно че-

рез мощные усилители. Натешившись вволю этим чудом, Яр и Валька отправились обедать.

Ночь провели с удобствами — в балкѐ начальника строительства. Начальник перед сном рассказывал Калинычу о трудностях, с которыми приходится сталкиваться на каждом шагу.

— Понимаешь,— говорил он,— какая ерунда получается. Изыскатели, комар их заешь, рассчитали трассу так, чтобы она была возможно короче. Надо-де экономить металл. Я и сам знаю, что надо, но они же нас в болото загнали. Вот и приходится трубы на сваи класть. А это, ты думаешь, дешевле? — Начальник чиркнул в темноте спичкой и, помигивая светлячком папиросы, продолжал:— Дальше. Вечная мерзлота — самый натуральный враг. Попробуй укладывать трубы в грунт. После пуска труба разогреется, может растопить лед и всплыть. А это что значит? А это значит, что газопровод изогнется—вот тебе и авария. Поэтому придется укладывать этих семитонных поросят в зависимости от условий: где по земле, где под землей, а где и на опорах. Ох, прямо голова от забот трещит.

— А мне, считаешь, легче? — негромко возразил Калиныч.— Тысячи километров по этакой хляби пройти. Спи давай и не жалуйся, всем нелегко. Край-то весь — сплошное белое пятно.

— Не белое оно, а ржавое,— засмеялся строитель.— От болотной воды.

Хальмер-мя

Следующий день выдался ненастный, с крепким северным ветром. Этот ветер всегда приносит с Ледовитого океана непогоду — холодный дождь, а то и снежную крупу в самый разгар лета.

Но ни холод, ни снег не способны убить выносливых заполярных комаров. Стоит выглянуть солнцу, и бесчисленные эскадрильи их вылетают из своих укрытий, чтобы накинуться на все живое.

Попрощавшись со строителями, все забрались в вездеход. Калиныч сказал, что сегодня они впервые выйдут на связь.

— С группой Поддубного? — спросил Виктор.

Калиныч кивнул. Яр подумал, что речь идет об очередном радиосеансе с Большой землей, и спросил об этом Вальку.

— Нет,— сказал Валька,— радиодальномер будет работать. Это такой новый прибор. Да ты сам увидишь.

Оказалось, что большой отряд геодезистов разбит на мелкие группы, и эти группы разбросаны в радиусе тридцати километров друг от друга. Их совместная задача — радиогеодезические измерения.

Такие измерения — только часть сложной и кропотливой работы, которая называется «составление топографической карты». А карта нужна всем, и в первую голову разведчикам. Скажем, чтобы пробурить скважину, надо точно определить место бурения. Ошибка допускается всего в два десятка метров. Иначе бурильщики «промахнутся», и тогда миллионы рублей вылетят на ветер.

Так объяснил Яру Виктор, но Яр не понял из сказанного и половины. Оставалось надеяться, что все станет на свои места по ходу дела.

К полудню амфибия остановилась у треугольного деревянного сооружения — геодезической вышки. Взглянув на часы, Калиныч сказал Виктору:

— Через пять минут выходи в эфир.

— Слушаюсь,— по-военному коротко ответил Виктор.

Трубы поразили Вальку и Яра своими размерами.

Калиныч взял какой-то ящик с ремнями, надел его на спину и по деревянным приступкам полез на вышку. У Виктора же в руках очутился непонятный прибор с микрофонной трубкой.

— Портативный радиопередатчик,— перехватив взгляд Яра, сказал Виктор и щелкнул тумблером.

— Алло, Арсений! — заговорил он в микрофон.— Все в порядке. Удачной связи, и будь здоров.

Радиодальномер Яр увидел в действии, когда они с Валькой поднялись на верхнюю площадку сорокаметровой вышки. Калиныч недовольно покосился на них, но ничего не сказал. От небывалой высоты у Яра посасывало под ложечкой да и у Вальки, наверное, тоже.

Маленькая антенна аппарата была нацелена на горизонт, на задней стенке светился экран, и по нему бегал тонкий неоновый лучик. Вроде ничего особенного.

Но позднее Яр узнал, что у этого прибора фантастические возможности. За доли секунды радиолуч измеряет расстояние в несколько десятков километров с точностью до сантиметра.

В той стороне, куда глядела антенна, работала группа Поддубного с таким же дальномером. Данные, полученные после сеанса связи, потом легко переводились в обычные километры, метры и сантиметры. Принцип работы аппарата — как у обычного локатора, и действует он безотказно при любой погоде.

Вид с вышки открывался замечательный. Вокруг, куда ни глянь, лежала пятнистая шкура лесотундры, и на ней, словно осколки

Под ногами у Калиныча лежал человеческий скелет.

гигантского зеркала, синели бесчисленные озера.

Когда Калиныч закончил сеанс, Яр спросил у него:

— Кто строил эту вышку?

— Да наш же брат-геодезист, кто же еще.

— Значит, карта уже есть?

— Как тебе попроще объяснить? — Калиныч поскреб бритую макушку.— Карта-то есть. В свое время она была довольно подробной, а сейчас уже не годится. Выросли мы из нее, как вот ты, скажем, вырастаешь из одежды. А кроме того, реки здесь с норовом, все время меняют русло. Потому мы и попросили Айваседо сопровождать нас — ведь он знает каждую новую излучину. Теперь понял?

— Понял,— сказал Яр.

Они стали спускаться вниз.

Айваседо и Витенька сидели в кабине вездехода и крутили «Спидолу».

— Знаешь, Валя,— с грустью сказал Витенька.— Не хочется мне тебя огорчать, ты ведь за «Спартак» болеешь?

— Ну и что? — насторожился Валька.

— А то — «Спартак» твой опять проиграл.

Валька изменился в лице.

— Не может быть! Кому?

— Да я прослушал. Но что проиграл или выиграл — это факт.— И Витенька захохотал.

— Тьфу,— сказал Валька с облегчением.— Надо же так шутить!

Калиныч позвал Айваседо, и оба склонились над картой, выбирая дальнейший маршрут. Минуту спустя они о чем-то заспорили.

— Нет,— упрямо говорил старик.— Туда нельзя.

— Но почему? Там ни топи, ни речек нет, посуху пройдем. Зачем же крюк делать?

Но Айваседо и слушать не хотел. Он так разволновался, что стал кричать на Калиныча.

— Ну, старина, это уже блажь какая-то,— рассердился тот. — Пятнадцать километров лишку, а у меня горючего в обрез. И вертолет неизвестно когда еще будет. Где встретимся?

Айваседо ткнул в карту коричневым пальцем и тотчас ушел — видно, обиделся не на шутку.

— Какая муха его укусила?—спросил Яра Калиныч.

Яр пожал плечами.

Дело выяснилось через час, когда вездеход взобрался на небольшое каменистое плато.

— Смотрите, чумы! — сказал вдруг Витенька.

Внизу, в зеленой долине, и впрямь стояли два чума. У них был удивительно ветхий вид. И нигде ни человека, ни оленя.

— Чудеса в решете,— пробормотал Калиныч и, выбравшись из машины, решительно зашагал к странным жилищам. Валька и Яр поспешили за ним.

Наклоняясь вперед от поднятого винтами вихря, Калиныч и Виктор подбежали к вертолету.

Вначале им показалось, что чумы просто покинуты. Но потом они увидели множество костей и рогов, разбросанных вокруг, и Яр побледнел.

— Григорий Калиныч! — крикнул он.— Не ходите дальше. Это хальмер-мя, мертвые чумы.

Калиныч остановился, что-то разглядывая в траве. Яр и Валька с опаской подошли к нему.

Под ногами у Калиныча лежал человеческий скелет в обрывках истлевшей малицы. Рядом валялось ржавое шомпольное ружье.

— Сибирская язва,— хрипло сказал Калиныч и стащил с головы шапку.

Да, они наткнулись на страшный памятник прошлого, когда по тундре еще гуляла частая и свирепая гостья — сибирская язва. Если она наведывалась в ненецкие стойбища, олени падали на мох и изо рта у них клубилась розовая пена. Они погибали сотнями, словно задушенные невидимым арканом. А вслед за ними умирали люди — кто от голода, а кто и от той же болезни, ибо для человека она тоже смертельно опасна.

Так вот почему Айваседо отказался идти сюда — старику было тяжело снова увидеть то, что он уже не раз видел в детстве.

И когда он пришел на стан, Калиныч сказал ему:

— Прости меня, Айваседо. Прошу. Ведь я ничего не знал.

Выльпас — Большая протока

День за днем озера, озера, озера... На одном из них трудилась артель рыбаков. Рыбаки, одетые в прорезиненные оранжевые спецовки, тянули на берег многометровый невод.

— Доброго улова! — поздоровался с ними Калиныч.

— А вам доброго пути,— отозвался за всех бригадир, высокий русобородый мужчина.— Ежели не торопитесь, ушицей угостим.

— Торопимся, да не очень. Нам здесь все равно вертолета ждать.

— Вот и ладно,— кивнул бригадир.— Отдохните пока в палатке. А мы скоро управимся.

Палатка рыбаков оказалась просторной и пустой, если не считать спальных мешков, аккуратно сложенных в углу.

От тряской дороги все устали, и приятно было хоть немного полежать, расслабив занемевшие мускулы.

Озеро, у которого они остановились, называлось Хасова-мась, и Калиныч поинтересовался у Айваседо, что это значит.

Айваседо начал издалека:

— На небе живет нум, по-вашему бог. На земле — люди, под землей — те, кто умерли. У бога есть маленькие духи — евры. Евры дают ненцу зверя, рыбу, мясо и детей. У одного человека было много детей; одно худо: все мальчики. Человек принес сядаю рыбу, принес мясо...

— Сядай — это деревянный идол,— вставил Яр.

— ...Принес он и сказал: «Хасова-мась, хватит мужиков»...

— Стоп! — сказал вдруг Витенька, прислушиваясь.— Кажется, вертолет.

Через какое-то время сверху действительно донесся легкий стрекот.

— Ну и уши, не уши — локаторы,— похвалил Витеньку Калиныч и первым полез из палатки.

Вертолет завис над поляной, коснувшись колесами земли, но совсем не сел, и винты

его продолжали вращаться. (Выключишь двигатель — и увязнешь в трясине.)

Наклоняясь вперед от поднятого винтами вихря, Калиныч и Виктор подбежали к вертолету. Они споро начали принимать канистры с горючим, какие-то ящики и мешки.

Потом вертолет взмыл и растаял в белесом небе.

В мешках оказался хлеб, а в ящиках — чеснок и свежие помидоры.

— Ну, теперь живем,— весело сказал Калиныч и посмотрел на Вальку.— А ты пляши: письмо.

Плясать Валька не стал, а письмо, не читая, сунул в карман.

— Что же ты? — удивился Яр.

Валька отмахнулся.

— А, это от матери. Я уже наизусть знаю, что она пишет: «Не промочи ноги, да не смей купаться, да не отходи ни на шаг от Калиныча...» Батя мой, тот правильно рассуждает. У каждого человека, говорит, своя башка на плечах должна быть.

Валька бы еще разглагольствовал, но тут подошел бригадир и сказал, что готова уха.

Уха была великолепна — Валька такой сроду не едал. Поэтому он, не стесняясь, опростал подряд три миски. Заедали уху спелыми, чуть помятыми помидорами.

— Обед — как в лучшем ресторане,— заметил Витенька.— Верно, Валя?

— Верно,— сказал Валька.— Только я там ни разу не был.

— Сходим,— заверил его Витенька.— Вот только домой выберемся. Разве мы не заслужили?

Калиныч усмехнулся.

— Ты сначала на Выльпас выберись, не утони по дороге, как под Уренгой было. Здесь ведь тракторов нету тебя вытаскивать.

Витенька покраснел и поспешно сказал:

— Ну, я пошел. Спасибо. Мне еще мотор проверить надо.

Вслед за ним поднялись и остальные, по очереди благодаря рыбаков за угощение.

— Нехорошо, обидел человека,— упрекнул Калиныча Айваседо.— Зачем обидел?

— Да нет,— сказал Калиныч.— Это я любя. Чтобы хвастать не привыкал. А так он золотой парень.

На Выльпас вышли только через неделю. Каждый день Калиныч и Виктор проводили обычный сеанс связи с соседними группами. Работы в этом районе были почти закончены, и Калиныч наносил на карту последние отрезки маршрута.

Сейчас вся карта была разбита на треугольники и трапеции; их стороны как бы повторяли пройденный вездеходом путь: от знака к знаку, от вышки к вышке.

Выльпас — Большая протока оказалась довольно мелководной, и по ней ходили только водометы с факторий, собирая уловы рыболовецких артелей. Водометы напоминали обычные речные катера, но осадка у них была небольшая, и они совсем не боялись перекатов. Если все же водомет садился на мель, то сильной струей воды от винта он пробивал в грунте проход и, пятясь, сползал в глубину.

Яр с минуты на минуту ожидал встречи с дядей: именно в этих местах кочевало колхозное стадо, где дядя Сеня был пастухом.

Встреча произошла под вечер. Яр первым заметил на противоположном берегу протоки сизые дымки чумов. Переправившись через Выльпас, они спустя полчаса уже были в стойбище.

Дядя Сеня встретил гостей приветливо — радушие вообще в крови у каждого ненца — и сразу усадил за чай.

— Погреем животы, пока ужин поспеет,— сказал он, широко улыбаясь. По-русски он говорил почти так же чисто, как Яр.

Двое малышей дяди Сени, двоюродные братья Яра, сидели смирно и раскрывали рот только тогда, когда их спрашивали.

— Воспитанные парни,— сказал Валька Яру.— А мои брательники не только дома — в гостях на голове ходят.

Разговор шел сначала о новостях с Большой земли, потом перекинулся на погоду.

— Прохладное лето нынче,— говорил дядя Сеня.— Зато комарья меньше.

— Меньше,— соглашался Айваседо, прихлебывая чай.— Оленям хорошо.

Жена дяди Сени хлопотала вокруг очага, на котором булькал котел, распространяя вкусный мясной дух.

— Сокжоя свалил? — спросил Айваседо, кивнув на котел.

— Да, дикаря. Не своих же летом бить,— отозвался дядя Сеня.— Они часто к стаду приходят.— Он повернулся к Калиныч: — Знаете, а раньше на сокжоев без ружья охотились. Вот Айваседо помнит, наверно.

— Как это без ружья? — не понял Калиныч.— С луком, что ли?

— Нет, и без лука. Просто к диким оленям пускали домашнего быка, а к рогам его привязывали петлю. Ну, дикий бык начинал, конечно, драку и запутывался рогами в петле. А тут его голыми руками бери.

— Здорово,— сказал Валька.— А вы сами не пробовали?

— Пробовал. Не выходит. Тут особая сноровка требуется. Надо уметь петлю вязать, а умение это забыто...

После ужина Яр и Валька вышли прогуляться. Повсюду в стойбище чадили дымокуры, и вокруг них бегали олени: ветер совсем упал, и животных донимала мошкара.

— Ну вот ты и на месте,— грустно сказал Валька.— А нам завтра назад. Чудно получается: только к человеку привыкнешь, а уже расставаться надо. Теперь неизвестно, встретимся ли когда.

— Была бы охота, а встретиться всегда можно,— откликнулся Яр.— Дорогу к нам ты теперь знаешь, вот и приезжай будущим ле-

том. Да адрес мне оставь. Я напишу, как только домой вернусь. Но это уже к осени будет, когда вертолеты начнут ребят в интернат собирать.

Мальчики подошли к одному из дымокуров, разведенному на берегу крохотного озерца. Валька подбросил в недужный огонь охапку сухих веток, и сразу обрадованно загудело ожившее пламя. Кривые березки вокруг озерца лопотали сонными листьями; по их стволам скользили смугло-красные блики. Недвижно-тяжелая озерная вода тоже прятала в себе языки огня. Чудилось, будто они всплывают из черных, потаенных глубин на поверхность, и тогда ночные кувшинки, словно выточенные из холодного алебастра, вдруг теплели и становились алыми.

Яр и Валька подтащили к костру старые нарты и уселись на них.

— Интересно,— сказал Валька,— что будет здесь лет через десять?

— А вот давайте и подумаем вместе,— прозвучал сзади голос Калиныча. Мягкий ягель глушил шаги, и Калиныч появился совсем неслышно.— Не помешаю? — спросил он, присаживаясь рядом.

— Об чем речь...— сказал Валька.

Калиныч прикурил от горящей ветки и, бросив ее в огонь, заговорил:

— Я вот когда студентом был, так от чума до чума месяц приходилось добираться. А теперь поселки на каждом шагу растут. Не успеют строители дом поставить, глядишь, к нему уже газ подвели. Техника, одним словом. Тогда, лет восемь назад, помню, проходил я практику в низовьях Оби, это километров на пятьсот южнее. Транспорт был один— оленья упряжка. Летом на нартах полозья чуть не каждый день надо менять — стираются по камням. Это бы еще полбеды, да заболели наши олени копыткой, есть у них такая хвороба. Ну и пришлось нам нарты на себе тащить. Трое волокут, а четвертый под вечер уходит налегке вперед, чтобы костер развести да ночлег приготовить, иначе и на это сил не останется. Последние дни до базы буквально на карачках добирались.

Калиныч усмехнулся и посмотрел на Вальку:

— А через десять лет что ж? Через десятьто лет здесь, наверное, не один город поднимется, это уж точно. И, конечно, приятно будет приехать сюда туристом.

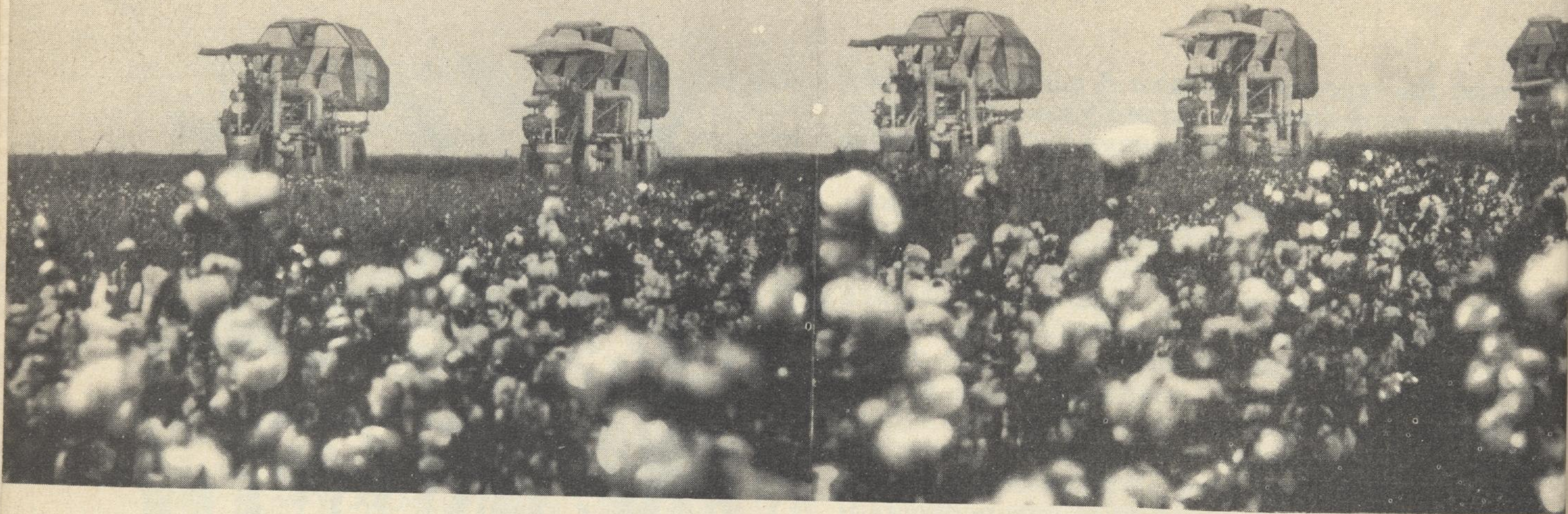
— А почему вы решили, что я приеду туристом? — обиделся Валька.

— Я, дружок, ничего не решил,— мягко возразил Калиныч.— Это вам с Яром решать нужно. Верно, Яр?

Яр в ответ засмеялся и посмотрел на небо: скоро ли заря?

Вокруг них, просвеченная огоньками дымокуров, стояла прозрачная северная ночь, и лучилась прямо над головой Полярная звезда — древняя путеводная звезда землепроходцев и мореплавателей.

Рисунки Н. КУЧБОРСКОЙ.



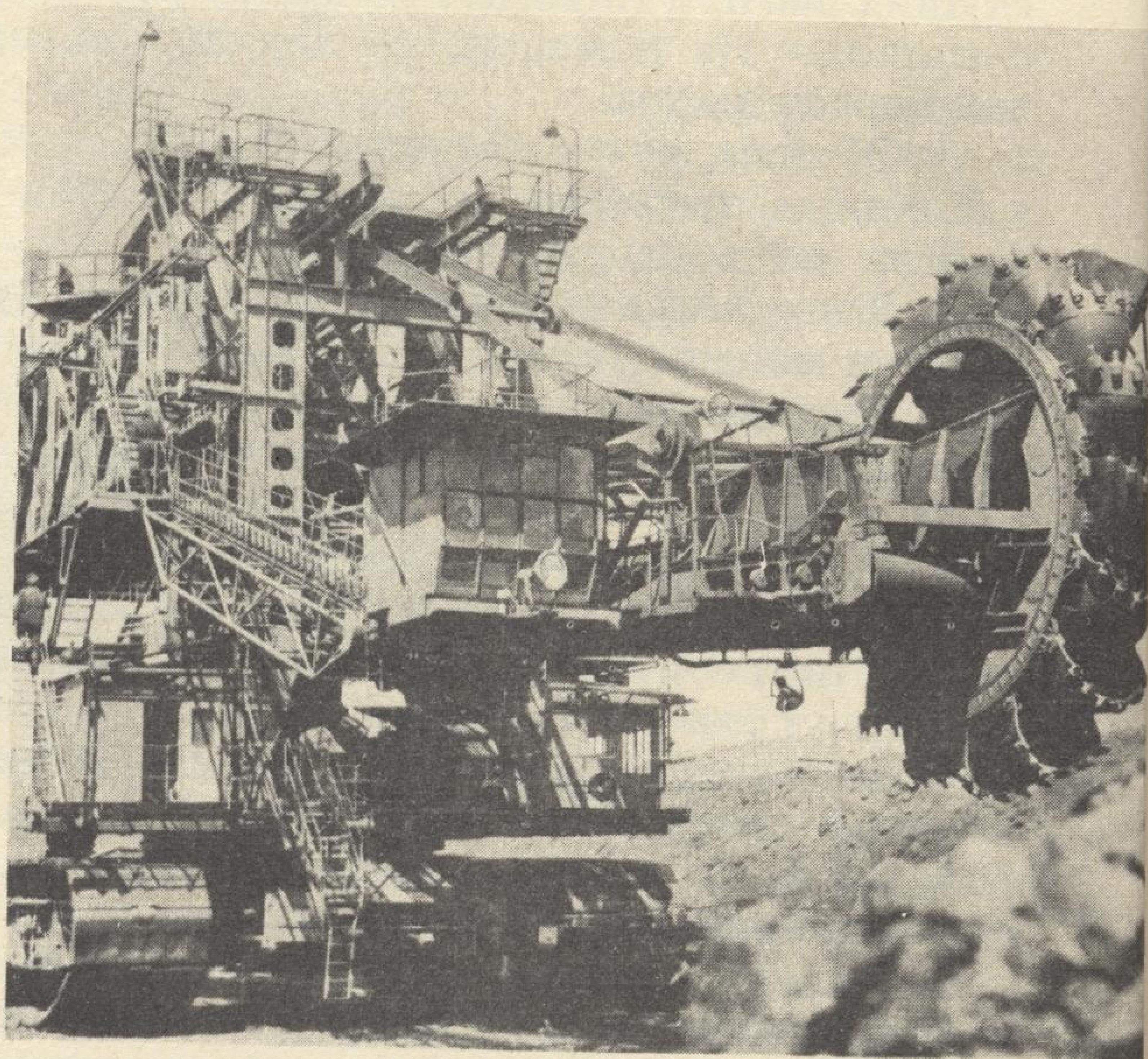
Могучие руки пятилетки

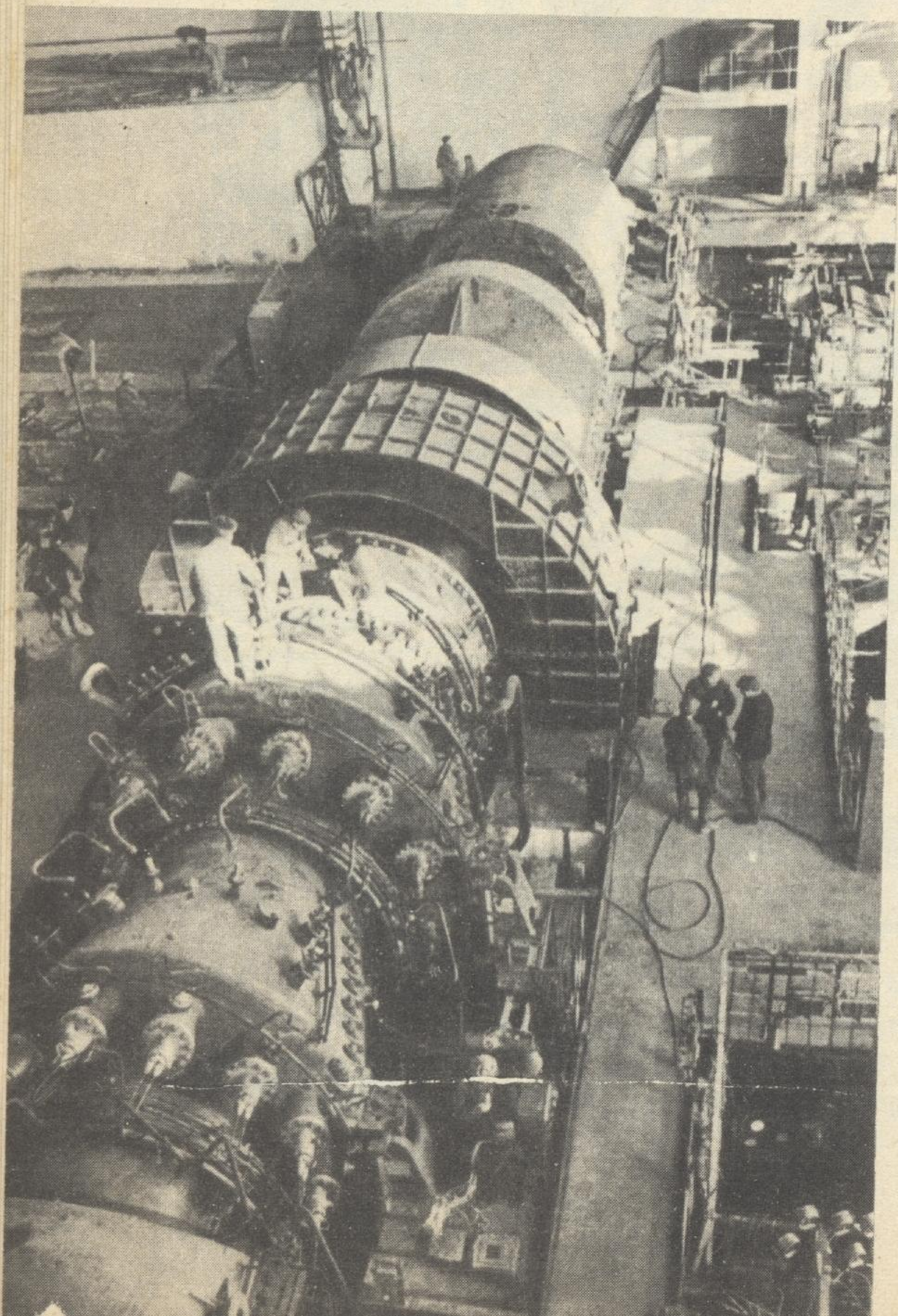
А. НЕКРАСОВ

Все неисчислимые богатства, которыми владеет наша Родина, созданы руками людей. Руками выращен хлеб и скот, руками добыт уголь, руками бесформенные глыбы руды превращены в детали современных машин...

И те новые богатства, которые по плану девятой пятилетки создает для себя наш трудовой народ, тоже будут сделаны руками. Только руки наши с каждым годом, с каждым днем будут сильнее, быстрее, проворнее.

На верхней фотографии изображено хлопковое поле. Вчерашние сборщики хлопка под палящими лучами южного солнца кланялись каждому кусту, чтобы по коробочке собрать урожай белого золота. Сегодня они садятся за штурвалы самоходных комбайнов. Пара рук, вооруженных новой техникой, освобождает сотни рук для другого, более производительного труда, для создания новых ценностей.





А теперь присмотрись хорошенько — это лопата. Такими лопатами мы будем вскрывать пласты угля и руды, чтобы тысячи шахтерских рук освободить для другого дела. Всего пять пар рабочих рук занято при этой лопате. Но подумай, прикинь, какая силища в этих руках! Откуда она, эта сила?

Электричество — вот та сила, которая делает человека богатырем, великаном, способным совершать подвиги, не снившиеся даже Геркулесу. На одном из первых мест в мире стоит наша страна по выработке электроэнергии. А нам все мало. Поднимаются по всей стране плотины наших гидроэлектростанций, новые линии электропередач несут потоки энергии к электропечам, к станкам, к шахтам, к новым городам. Трубы новых теплоэлектроцентралей вырастают во всех уголках нашей необъятной Родины.

Вот тут слева, внизу, фотография турбогенератора на сто тысяч киловатт. Когда создавался ленинский план электрификации нашей страны, мы только мечтать могли о подобных машинах. Сейчас одну за другой выпускают такие установки наши заводы. Потому что завтра миллионы новых механических рук придут на помощь нашему народу, потому что стальным мускулам новых машин нужны новые потоки энергии.

С. АНТОНОВ,
слесарь-инструментальщик завода имени Владимира Ильича, Герой Социалистического Труда, член ЦК КПСС

Не правда ли, ты вырастешь коммунистом?

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Ты, верно, читал уже или слышал, что Владимир Ильич Ленин, когда встречался с ребятами, спрашивал: «Не правда ли, ты вырастешь коммунистом?»

Случалось ли тебе подумать о ленинском вопросе? Как ты понял его? Какой ответ на него нашел?

Об этом я и хочу поговорить с тобой.

Владимир Ильич был основателем Коммунистической партии нашей страны. Ему, конечно, хотелось, чтобы ее юные граждане вырастали коммунистами. Ленин верил: борьба коммунистов, какой бы сложной и суровой она ни была, станет понятна и близка будущим поколениям, потому что цель этой борьбы — построение самого прекрасного, самого справедливого на земле коммунистического общества.

Взрослые частенько спрашивают ребят: «Ну, кем же ты хочешь стать?» А ты и сам не всегда знаешь, что ответить. Вроде твердо решил — буду врачом, а теперь построил несколько хороших моделей, в кружке их похвалили, и захотелось тебе пойти в технический вуз или, может быть, на машиностроительный завод, где создают машины...

Но Владимир Ильич спрашивал ребят не о том, кем они станут. Он хотел знать, какими они вырастут людьми. Не кем, а каким — существенная разница. И задуматься об этом, считал Владимир Ильич, человек должен в самом начале своего пути, потому что убежденность коммуниста, отношение к жизни коммуниста, характер коммуниста нужно воспитывать с детства.

Коммунисты живут рядом с тобой. Возможно, твой папа и твоя мама — коммунисты. Учительницы Татьяна Петровна и Анна Ильинична — коммунисты. Твои соседи по дому, врач, который тебя лечит, начальник пионерского лагеря — тоже коммунисты. Поглядишь со стороны: такие, как все, — а узнаешь в деле и поймешь

особенные. В сражении они в первой шеренге, в труде — на самом сложном участке, в борьбе не отступят, в дружбе не подведут. И главное, знают всегда, чего хотят и как этого добиться, знают, за что борются, и уверены, что борьба их справедлива. Вот что дает им силу, сближает, делает их братьями, товарищами по оружию.

Я расскажу тебе о людях, которых хорошо знаю.

Владимир Григорьевич Савин был тяжело ранен. Представь себе. Сильный мороз. В открытом поле, которое со всех сторон простреливается фашистами, лежит человек и не может пошевельнуться. Пока наши солдаты сумели к нему пробраться, прошло немало времени, и оказалось, что руки и ноги у него отморожены. Привезли его в медсанбат, врачи посмотрели и сказали, что единственное спасение — отнять ноги. И вот молодой человек стал инвалидом.

Тяжелое положение. Отчаяться мог, ожесточиться, уйти от людей. Мог не работать, теперь ему полагалась пенсия. А Савин, как только оправился после болезни и научился ходить на протезах, пришел на завод. И повел себя так, что заставил нас забыть, какое случилось с ним несчастье. Он и работает наравне со всеми и на сцене выступает — у него очень хороший голос. Это большого мужества человек.

Случай этот, конечно, исключительный, но не единственный. И пока я рассказывал тебе о Владимире Григорьевиче Савине, ты, наверное, уже вспомнил о Герое Советского Союза знаменитом летчике Алексее Петровиче Маресьеве...

Саша Кожемякин — человек другого поколения. По возрасту он и мне и Савину в сыновья годится. И коммунистом он не так давно стал.

В пятьдесят восьмом году партия позвала молодежь помочь убрать целинный урожай. Кожемякин в то время был на заводе комсомольским секретарем. Он, конечно, первым пошел в райком комсомола за путевкой. Вместе с ним поехали многие наши комсомольцы. Все они знали, что на целине их ждет вовсе не легкая жизнь. Необжитая степь. Ветер и дождь рвутся в палатки. И непривычная, тяжелая работа от зари до зари. Поехали, потому что понимали, что очень нужны стране. Однажды в дождливую осеннюю ночь в палатку, где жил Кожемякин со своими друзьями, прибежал совхозный бригадир. Беда: ураган сорвал навес со склада, в котором хранилось зерно. Ребята устали за день, только, наверное, согрелись, задремали, а тут нужно опять вставать, идти в ночь, в непогоду... Все пошли, никто не сказал: «Почему мы, не другие?..» Спасли зерно.

В этой истории мне дорого не только то, что Кожемякин и все его товарищи оказались готовыми к мужественному поступку, но и то, что они не посчитали его за подвиг. Не стали рассказывать о нем, когда вернулись на завод. И вовсе не от них узнали мы, как прекрасно трудились они на целине.

Так вот, когда принимали Александра Кожемякина в партию, мы говорили о том, что человек, который, не раздумывая, идет туда, где он всего нужнее, и делает свое дело не напоказ, будет настоящим коммунистом.

В нашем социалистическом обществе лучший портрет человека — его дело. Рядом с моим станком стоит станок Кузьмы Ивановича Сахарова. Помню, как пришел он к нам в цех, отслужив в армии. В нарядном костюме, с галстуком. Ребята смеются: «Ты что, на праздник?» Сахаров не смутился. «У меня и правда, — говорит, — праздник. Все в нашей семье были рабочими — дед, отец, дяди, и я сегодня становлюсь рабочим».

Профессия слесаря-инструментальщика сложная. Не сразу далась Кузьме. Некоторые ребята, случается, уходят туда, где работа попроще и заработок побольше, а Кузьма не ушел. Вечерами оставался в цехе, переделывал деталь, если что-то не так получилось, и своего добился. Лучшим рабочим стал, большим мастером.

Кузьма Иванович — творческий человек, всегда что-то усовершенствует, что-то изменяет, изобретает. Есть такие люди, рядом с которыми невозможно работать кое-как: перестанешь уважать себя.

На прошлом съезде партии выступал рабочий с ленинградского завода «Электросила» Николай Русаков. Его рассказ помнится мне до сих пор. Изготовляли они крюк для подъемного крана. При механической обработке вышло небольшое отклонение от чертежа. Конструктор посмотрел на деталь и сказал, что она вполне годная. Начальник ОТК и главный инженер тоже решили не браковать деталь. А рабочий с ними не согласился. «Не хочу, — говорит, — свое имя порочить». И переделал работу.

На многих заводах теперь есть такие рабочие, которым доверяют сдавать свою продукцию без проверки. Для коммуниста совесть — самый главный контроль в работе.

Хорошо выполнять свою работу — на этом для нас, коммунистов, наши обязанности не кончаются. Настоящий коммунист всегда заинтересован в успехе своих товарищей, в результатах общего дела. Олег Алексеевич Кабалин работал начальником бюро контроля третьего цеха. Участок спокойный, производство налаженное. А семнадцатый цех в то время лихорадило, программу не выполняли — словом, трудная была обстановка. Так Олег Алексеевич попросился в семнадцатый цех. Может, кому-нибудь странным покажется такой поступок, непонятным, а для коммуниста этот поступок обычный. И мы с тобой можем вспомнить, как знаменитая на всю страну ткачиха Герой Социалистического Труда Валентина Ивановна Гаганова перешла в отстающую бригаду и вывела ее в передовые.

Если тебе приходилось бывать в Центральном музее Вооруженных Сил СССР, то ты, верно, приметил среди прославленного оружия наших воинов токарно-винторезный станок. В нем зажата стальная болванка снаряда. На этом станке всю войну работал токарь нашего завода Василий Иванович Кабанов. Как и другие рабочие, он просился на фронт, но остался

там, где было нужнее всего партии. Работал в тылу. Так, словно воевал, защищая свою страну. Не случайно станок его теперь в музее рядом с оружием. Очень уважаю этого человека. Никогда не забуду ни военных лет, ни ту трудную минуту, когда Кабанов поддержал наш цех. Не клеилось у нас с отладкой приспособлений для изготовления секций к новой, очень важной машине. Казалось бы, какое дело токарю, который к тому же работает сдельно, до забот и огорчений слесарей. Но Василий Иванович не привык стоять в стороне, когда у товарищей спина мокнет от усталости. Пришел помочь. И помог — опыт у человека большой, и мастер он на все руки.

О коммунистах можно рассказывать долго. Но мой рассказ был бы неполным, если бы я не вспомнил об Абдулкадере Айдерханове. Айдерханов — человек беспокойный. Если увидит какой-нибудь беспорядок, от которого работа страдает, или несправедливость, от которой человеку плохо, будет сражаться, пока все не уладит. Люди за это его уважают, идут за помощью и за советом, и во всяком трудном, казалось, неразрешимом деле Айдерханов умеет найти верный выход. Иногда диву даешься: «Смотри, как повернул! Вроде просто, а никто не додумался». Вот такой совсем простой случай. У нас в бытовках, в помещении, где рабочие переодеваются и отдыхают во время перерыва, было очень тесно. Все собирались построить новое помещение, да не собрались. Айдерханов как-то говорит: «Вы посмотрите на наши потолки! Вон какая высота. По лесенке никому не трудно подняться, построим второй этаж, всем будет удобно, и денег больших не надо». Так и сделали.

Главная сила коммунистов — в их единстве, в их преданности своей партии, которая борется за счастливую жизнь для народа, за коммунистическое общество.

Оттого, что стараются коммунисты не для себя, а для народа, оттого, что вера их в коммунизм, который мы строим, непоколебима, никогда и никакому врагу не удавалось их сломить и не удастся.

Ты вступил в пионеры, стал членом детской коммунистической организации. Это твой первый шаг к тому, чтобы стать коммунистом. Попробуй посмотреть на свои дела, на свои поступки глазами коммунистов, проверь свое отношение к жизни их отношением. И подумай: все ли так ты делаешь?

Недавно в одной школе мне рассказали такой случай. Председатель отряда попросил пионера: «Напиши объявление: завтра субботник — поможем шефам заводской двор убрать». А пионер говорит: «Почему я должен писать? Я в прошлый раз газету оформлял». И мало того, на субботник не явился. «И без меня, — говорит, — обойдутся». Обойтись-то обошлись, но согласись, с такими взглядами стыдно считать себя членом детской коммунистической организации.

А вот еще рассказ об одном человеке двенадцати лет. Тройку он получил, а человек способный. Учительница рассердилась: «Опять тройка, а могла бы быть пятерка!» А человек обиделся. «Как хочу, — говорит, — так и учусь, это — мое личное дело». А если разобраться хорошенько, выйдет, что не такое уж оно личное. Через десять, а то и через восемь лет от этого человека, от его и от твоих товарищей, от тебя самого будут зависеть качество и количество продукции, выпускаемой в стране, развитие ее науки и техники, благосостояние нашего народа. Если ты так на себя посмотришь, то и окажется, что учеба вовсе не личная твоя забота, а государственная.

Девиз твоей пионерской организации «Всегда готов!» — «Всегда готов к борьбе за дело Коммунистической партии». Не когда-то, когда станешь взрослым, а сейчас готов выполнить любое задание старших товарищей — коммунистов и комсомольцев.

В наше время человек, который хочет быть полезным стране, должен многое знать и уметь.

Как раньше работал наш брат, слесарь? Обрабатывал деталь вручную, подгонял сложные детали друг к другу тоже вручную. Сейчас, казалось бы, работать стало легче. Всю сложную обработку деталей делает станок. Но каких больших знаний требуют от рабочего машины, которые облегчили его труд!

Вот работает на расточном станке токарь Григорий Иванович Фукс. От конструкторов он получает чертеж. Он должен суметь разобраться в нем и сделать расчеты. Расчеты Г. И. Фукса составили уже шесть увесистых томов. Раньше такая работа была под силу только инженеру.

Геннадий Дмитриев делает на своем шлифовальном станке уникальные эталоны. Эталон — это образец, по которому потом станут делать все следующие детали. Если слесарь который создает эталон, ошибется хотя бы на пять микрон, все остальные детали окажутся низкого качества. А что такое пять микрон? Подержишь в руках деталь, от нагревания металл расширится — вот и прибавилось пять микрон. Геннадий окончил электромеханический техникум. У нас на заводе имени Владимира Ильича свой техникум. И институт свой. И они каждый год выпускают около четырехсот специалистов.

...На заводе уже тысяча сто десять доморощенных инженеров и техников. Это слово «доморощенный» почему-то не всем нравится. А мне приятно, что в стенах нашего заводского дома выросло столько образованных людей и рабочие наравне с инженерами стали творцами, рационализаторами, изобретателями.

Как видишь, не обойтись тебе без прочных и широких знаний.

Хочешь пойти вслед за коммунистами старшего поколения — научись у них не жалеть себя во имя общего дела, не искать легких дорог, выбирать себе дело потруднее.

Хочешь быть достойным коммунистов старшего поколения — старайся жить для других, не щади сил в борьбе за благо своего народа.

Коммунисты — красивые и гордые, сильные и смелые, знающие и умелые люди. И тебе, мой юный друг, я желаю вырасти коммунистом!

Что есть, что будет

Василия Захаровича Тура не скоро найдешь.

— Уехал,— сказали мне в правлении колхоза.— Был, а сейчас уехал на строительство консервного завода.— И гордо добавили: — Мы завод строим. Свой. Колхозный.

— А он отсюда в Дом животноводов двинул,— объяснил колхозный прораб.— Там у них занятия по науке, кажется.

— Вот незадача, — огорчились девушки-доярки, собирая со столов конспекты: занятия только-только кончились,— а Василий Захарович, он в Глубокое торопился...

«Вот незадача»,— думал я и до самого полудня продолжал сокрушаться, что мне не повезло. А тут вдруг стало выясняться понемножку, что нет, повезло, потому что все, что я видел, все, с чем встречался, разыскивая председателя татарбунарского колхоза, а потом разъезжая с ним по его председательским делам, было удивительно.

Широкие, прямые, покрытые асфальтом улицы, дома, магазины с зеркальными витринами, скверы и кинотеатры (я ничуть не оговорился: в этом колхозе вовсе не один, а целых пять кинотеатров) — все это очень напоминало город. Дом культуры, ничем не отличимый от городского театра, Дворец пионеров — тоже свой, колхозный. В нем свободно разместились и занимаются четырнадцать самых разнообразных кружков. А вот большое, красивое здание. Надпись на здании: «Новинка». Это, оказывается, Дом быта. Тут вам сошьют костюм, и починят радиоприемник, и дадут в прокат мотоцикл. Одна школа, и, посмотрите какая, а вторая и третья еще новее.

Удивительно, как много здесь новостроек. Строится — это им гордились в правлении — консервный за-

— Большие урожаи обещают новые сорта пшеницы «Аврора» и «Кавказ». Пробуем, проверяем.

— В этом пятилетии,— сказал Василий Захарович,— 25 тысяч свиней будет у нас, а еще рогатый скот, а еще птица...

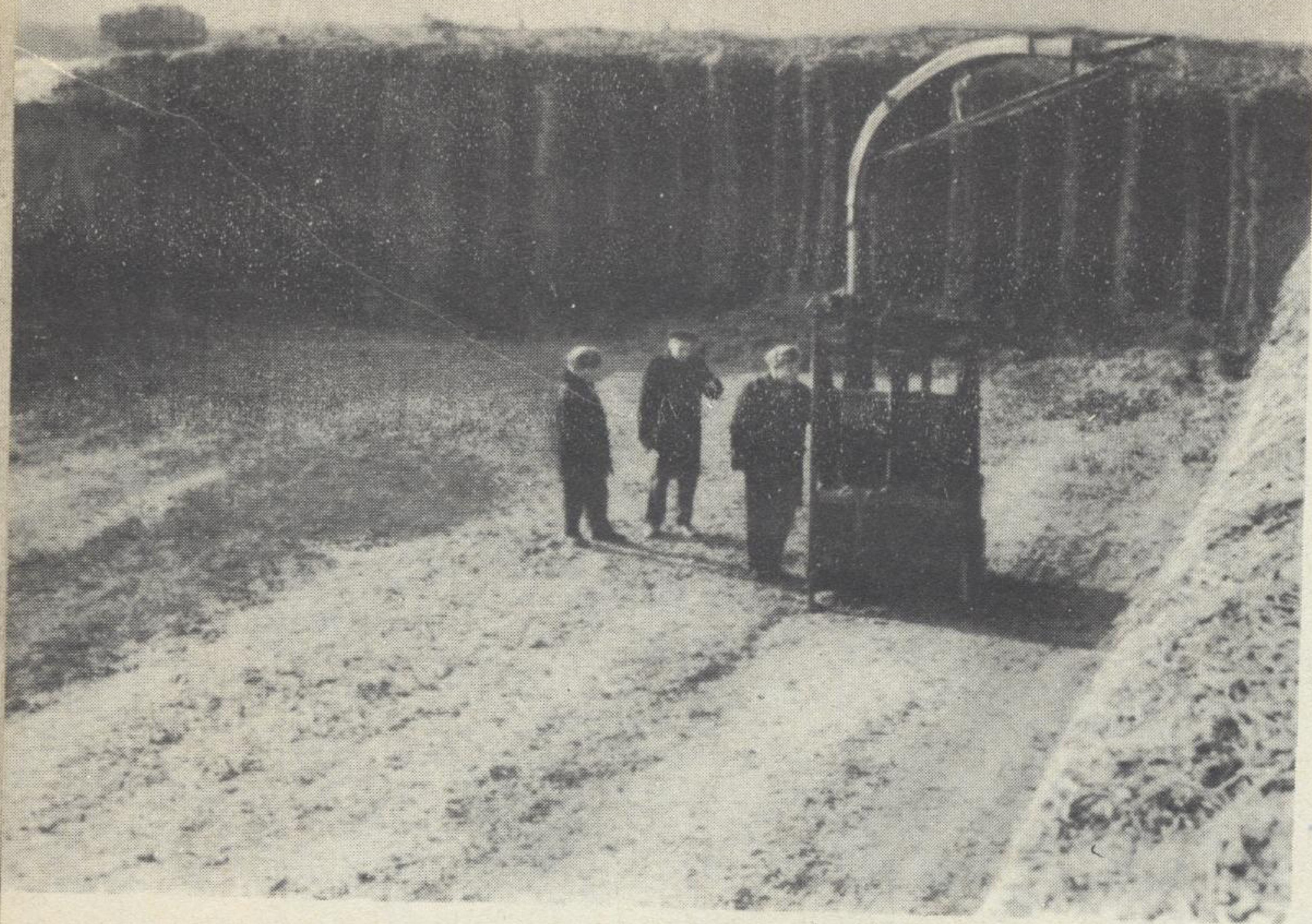
— Быстро растут ребята... И, скажу вам, хорошими хозяевами растут!

вод. Строится огромный, прямо-таки промышленный комплекс по производству мяса. Представьте себе, двадцать пять тысяч свиней — вот мощность этого комплекса. Рядом возводится солидный холодильник. Достраивается цех для розлива вин...

— Это лишь главные объекты нашей колхозной пятилетки,— сказал Василий Захарович. — Мы не только строим, но реконструируем старые постройки: коровники и птицефермы, мастерские. Правление отвело на строительство крупные суммы.

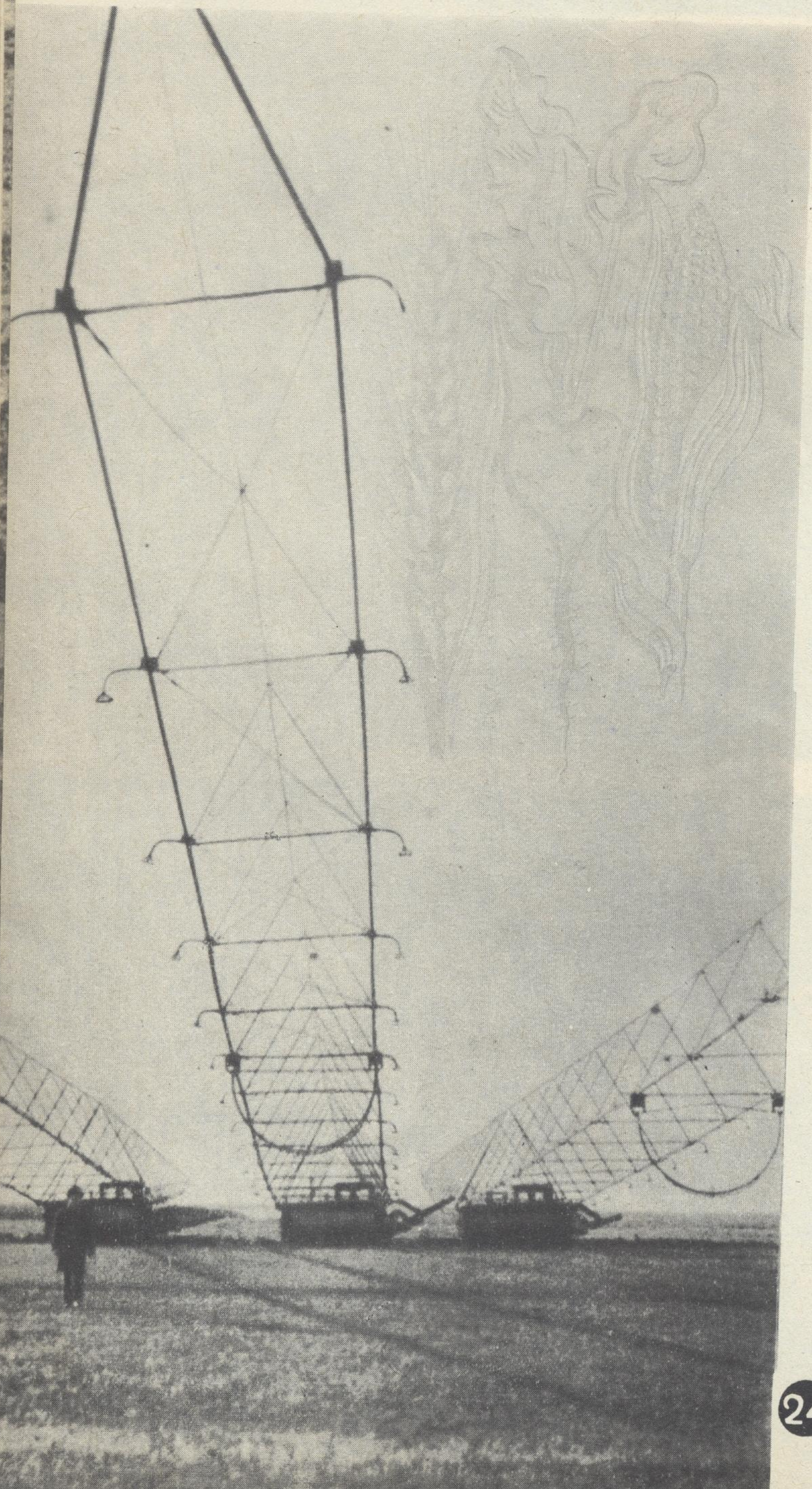
Я вспомнил, как утром в правлении говорили, что на станцию прибыл ва-

— Ветераны нашего колхоза Степан Иванович Сорочан и Степан Тарасович Максимчук вместе с ребятами большое дело делают — создают наш колхозный музей.



— Большому стаду и кормов нужно много. Без механизации и тут не обойтись.

— Таких дождевальных машин у нас тридцать пять, а в новой пятилетке будет еще больше.



гон с новой техникой для колхоза, и спросил у Василия Захаровича:

— А на технику?

— На технику тратим не скупясь. Вот, кстати, увидим сейчас, как действует одна совсем новая у нас машина.

Мы подъехали к огромной силосной яме. Василий Захарович объяснил, что колхозная пятилетка запланировала не только увеличение колхозного стада, но и дала задание животноводам — повысить продуктивность скота. Это значит добиться, чтобы коровы давали больше молока, куры — яиц, а все вместе, и коровы, и свиньи, и птица,— больше мяса.

А для этого надо, во-первых, улучшить условия содержания скота. И колхоз это делает, строя новые фермы и перестраивая старые. Во-вторых, побольше запасти разнообразных питательных кормов, и колхоз ведет работу по улучшению лугов и пастбищ, увеличивает посевы кормовых культур, создает большие силосные запасы. В-третьих, всюду вводит механизацию.

Она уже пришла на фермы, новая техника, и вот уже и на погрузке кормов помогает.

На дне силосной ямы механики испытывали новенький силосопогрузчик. Машина резво, в два счета наполнила грузовик. Василий Захарович был явно доволен.

— Люди при таких помощниках совсем иначе работают.

Председательская «Волга» остановилась среди поля. Над нами нависли ажурные трубчатые конструкции дождевальных установок.

— Вот вам еще кое-что о технике,— сказал Василий Захарович и рассказал, что благодаря дунайской воде, что пришла на поля, треть колхозной пашни дает урожаи, о которых в здешних краях раньше и слыхом не слыхали. Новая пятилетка ставит своей целью основательно расширить поливные земли.

Вечером в кабинете председателя я попытался представить себе, сколько горожан может сегодня обеспечить мясом, молоком, маслом, хлебом, сахаром, овощами и многими другими продуктами колхоз имени Татарбунарского восстания. У меня получилось — целый город довольно приличных размеров!

— И все-таки этого мало,— говорил Василий Захарович.— Мы должны и будем давать больше.

Случайно в разговоре я узнал, что всего лишь 15 лет назад, когда по слову партии пришел в колхоз агроном Тур, хозяйство занимало по урожайности самое последнее, двадцать шестое место в районе.

Василия Захаровича избрали председателем. Но на чудо не надеялись. Все знали: в деревне Глубокое на счету в банке осталось... тринадцать рублей. А о технике смешно говорить — даже простейших конных граблей нет...

Сейчас отделение колхоза Глубокое располагает банковским счетом в два миллиона шестьсот тысяч рублей, и изменилось само село и все кругом до неузнаваемости.

«В чем секрет чуда? — спрашивал я себя.— Как это могло произойти?»

Мы ездили и ходили, ходили и ездили, и ответы на все свои «как?», «откуда?», «почему?» я получал в пути.

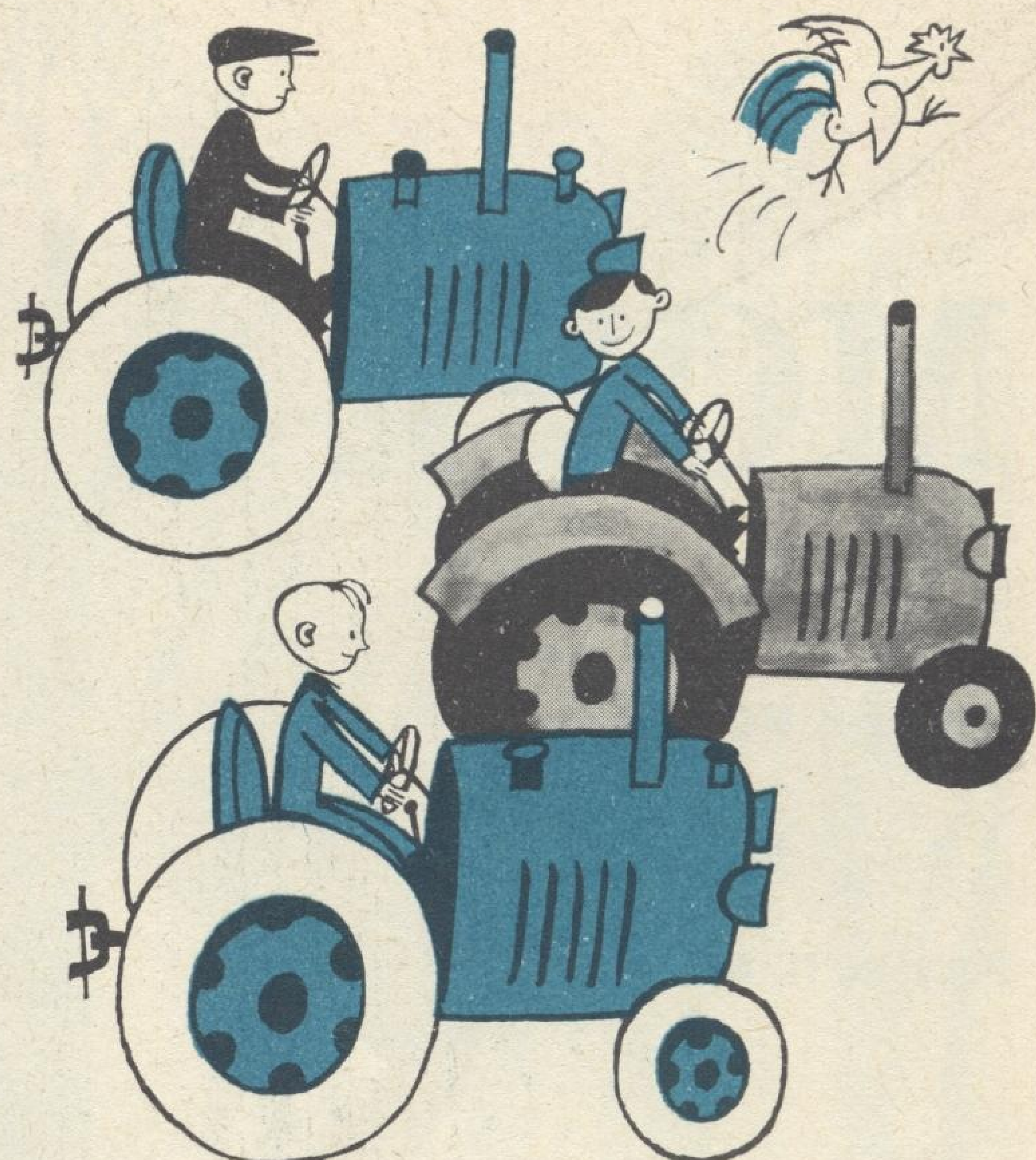
Людей в поле в три раза меньше, чем работало вначале, а продукции колхоз дает в три раза больше. Почему?

Потому что раньше в колхозе было сто механизаторов, а сейчас больше тысячи.

Значит, пришла техника. А откуда деньги на технику?

Продажу колхозной продукции увеличили в семь-восемь раз. Больше продавали государству и больше могли купить.

А продавали больше, сверх плана, потому что сумели повысить урожайность. Но чтобы повысить урожайность, нужно больше удобрений и опять же техники, нужны оросительные системы и новые, более урожайные сорта зерновых и овощных культур. А откуда все это?



— Пришли ребята и говорят: «Хотим быть механизаторами». Раз такое дело, подарим школе трактор. Учитесь!

— Поете-то вы отлично, а арифметика по вас не скучает? — спросил Василий Захарович маленьких артисток.

— Откуда? — щурит глаз Василий Захарович.— А люди? Вы видели наших людей?

Люди, труд, вдохновение — вот что стоит за тем, что достигнуто, и тем, что еще будет...

О себе Василий Захарович не говорил.

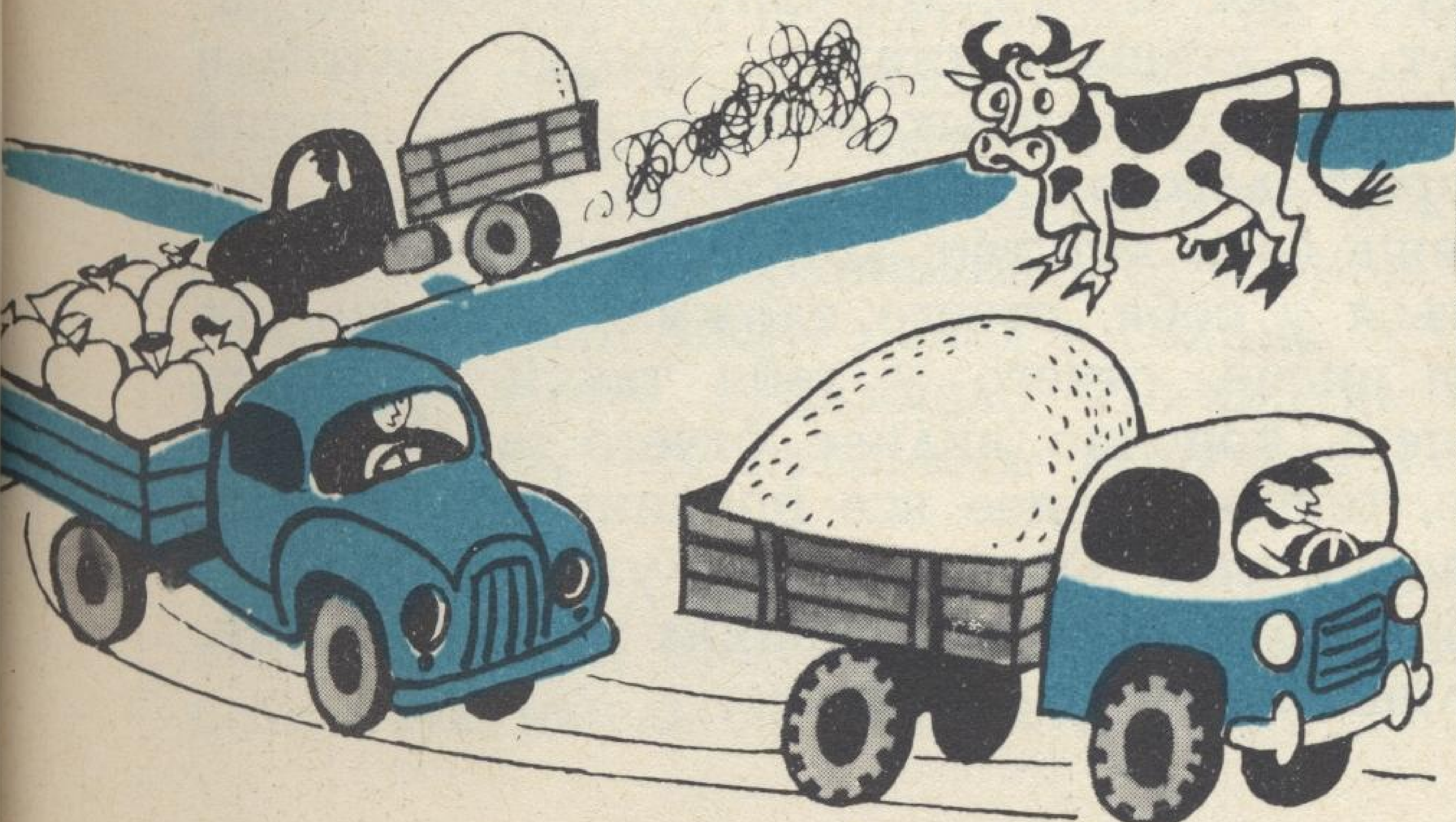
А я посмотрел на него и припомнил фразу, которую слыхал недавно: «Василий Захарович, он человек заразительный».

По-моему, суть характера председателя Тура, коммуниста, Героя Социалистического Труда, в ней передана точно: самоотверженно, вдохновенно, талантливо работать и звать за собой других.

В. ПОСТНИКОВ.

УССР, Одесская область, ордена Ленина колхоз имени Татарбунарского восстания.

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.



Апрельское МОРЕ

Эдуард КОРПАЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

Тень птицы иногда ложилась на пожуркивающую под веслом воду, рядом с лодкой. Степик налегал на весла, почти падая на спину и тут же кланяясь себе в ноги, точно стремился подшибить веслом бесплотную тень или опередить ее, но уже исчезало неуловимое, скользящее очертание, лишь оставался голосом улетевшей птицы всхлипывающий скрип уключин.

А вот и другая крылатая тень пласталась по воде. Степик задирал курносое бледное лицо, щурился, ничего не видя от апрельского, близкого солнца, бьющего с небывалой, точно сквозь увеличительное стекло, яркостью. Тогда Степик отводил глаза с навернувшимися слезками вниз, к воде, ничего не видя и теперь, только круглый диск солнца, темный какой-то диск солнца, продолжавший некоторое время оставаться перед слепыми глазами.

И то ли скрипели уключины, то ли дразнили пролетающие птицы,— не понять, так что Степик уже мысленно, в воображении, хватался за охотничье ружье, бил удачно и сквозь пороховую голубую дымку наблюдал, как снижается подбитая дичь. Очень он любил воображать, представлять, и столько необыкновенного, героического было во всех его вымыслах! Он даже поискал, привыкая видеть вновь, качающуюся на воде тушку дичи, хотя и не могло быть никакой дичи, никто не палил из ружья, он так увлекся выдумкой в минутной слепоте своей, что даже лодку развернул вспять, к городу.

— Но-но! — строго окликнул от кормы Геннадий, держа переломленное и невыстрелившее ружье. — Следи за курсом!

И Степик качнул головой в берете, Степик поиграл веслами, выравнивая лодку, мерно стал грести, заваливаясь на спину и кланяясь себе да Геннадию, себе да Геннадию, крепкому, широкоплечему надежному дружку своему, которого обожал, как старшего, хотя были они одноклассники, но вот обожал за немногословие, за сдержанность, за его мужскую какую-то хватку, за его глаз охотника. Такой спокойный, сильный друг у него, такая у них шикарная плоскодонка, такое ружьецо и такая упругая, гулкая от воздуха камера автопокрышки!

— Ну что,— голосом бывалого странствующего человека проговорил Геннадий, со щелком выпрямляя ружье,— мы вышли в открытое море?

Степик глянул с восторгом вдаль, на высокий, словно крепостной, вал, берег с голыми еще деревьями, с крышами, трубами, зеркальцами окон того города, где они жили и где сегодня с самого утра готовились к походу, к новой какой-то жизни готовились; они совсем другую жизнь начинали, а отец Геннадия, накачивая насосом автомобильный баллон и, безусловно, отгадывая их ощущения перед походом, перед новой жизнью, говорил им раздумчиво такое:

«У каждого из нас детство имеет три возраста. Три возраста детства, запомните».

Да, говорил отец Геннадия, в первом возрасте детства мы жадны на впечатления и открытия, нам так везет, мы так счастливы, если впервые промчимся на мотоцикле или, допустим, выкупаемся зимою в проруби. Все видится нам необыкновенным, каждый день — это новая жизнь! Но мы вырастаем, говорил отец Геннадия, мы уже не пацаны, нам пора открывать другие города и земли. И мы порываем с детством, покидаем город и Днепр: куда-нибудь, только не здесь, где все осточертело! Потом, говорил отец Геннадия, мы учимся и живем в других городах, получаем ранения на войне или даже не на войне, просто всякие житейские раны, живем, наслаждаемся, мучаемся — и вдруг какой-то случай занесет на эту пристань, на Днепр. Мы еще не старики, еще здоровы и сильны, но мы так много повидали и узнали, что все, чем жили в детстве, на что уповали и что, быть может, не сбылось, теперь нам кажется далеким, наивным, ребяческим. Вот это и есть второй возраст детства: со снисходительностью вспоминать о детстве, быть взрослым и снисходительным ко всему первому, раннему. Да, говорил отец Геннадия, но потом, когда-нибудь потом наступит и такая пора, когда сильнее всего захочется увидеть места, где подрастал, где начинал жить. И все вспоминаешь всякие мелочи, подробности, какую-нибудь чепуху из ребяческих лет, и она, эта чепуха, почему-то радует и утешает старых бродяг, знатоков жизни, потрепанных ветеранов. Это третий возраст детства, когда особой любовью жалуешь свое детство, когда пытаешься допытаться у себя, отчего сложилась жизнь так или иначе, отчего у тебя такой характер. Теперь, конечно, виднее, отчего такой характер, теперь виднее все причины! Да только, говорил отец Геннадия, это уж самый горький возраст детства: никаких тебе открытий, а лишь подсчет потерь...

И когда отец Геннадия, накачивая велосипедным насосом черную вялую камеру, становящуюся гладким, лоснящимся спасательным кругом, говорил о странностях человеческой жизни, о трех возрастах детства, когда сам он, уже седоватый, краснея и пыхтя от усилия, был похож чем-то на их сверстника, только седоватого слегка мальчика, Степик в те томительные перед походом минуты с обожанием посматривал то на Геннадия, то на его отца, прикинувшегося седым мальчиком. Так ему нравились оба они — высокие, с крепкими, оголенными по локти смуглыми руками, хранившими след прошлого лета, прошлогоднего зноя и солнца, и так хотелось, чтобы произошло что-нибудь на воде и чтобы ему пришлось выручать Геннадия!

«Сигнала бедствия быть не должно», — словно отгадал отец Геннадия его, Степика, потаенную мысль об опасности.

Сидеть на корме, представлять рискованным, небезопасным поход на плоскодонке — ни с чем не сравнимо это.

Они с Геннадием на это предупреждение мужественно промолчали, а вот теперь Степику все вспомнилось, он вновь подумал об опасности и с нарочитой тревогой повторил слова своего сдержанного друга:

— Мы вышли в открытое море...

Но очень спокоен был немногословный человек на корме, очень спокоен от сознания своей силы, удачливости и везения в открытом море, потому так лениво посмотрел вокруг — на бесконечные, совсем морские воды, на летящих и отраженных синей поверхностью не то альбатросов, не то крякв, посмотрел и попросил с азартом:

— Теперь я, Степик!

— Возьми, возьми! — попытался было Степик сдернуть с рук старые кожаные перчатки, но друг отмахнулся, друг взялся за весла

красными, заветренными руками: теперь не зима, а весна, апрель, еще прохладный, но с каждым часом прибавляющий тепла, несущий перемены месяц.

Ах, какая апрельская, горчащая свежесть отовсюду, какое апрельское бездонье эмалированного неба, какая апрельская, неохватная взглядом водополица!

И Степик, ежась в шуршащей, шелковисто переливающейся на солнце куртке, подумал, давая опять волю воображению, что Днепр уже не Днепр, что этот разлив — море пришлой воды, избыток растаявших глубоких снегов, наплыв всех верхних притоков Днепра — Оршицы, Прони, Друти, Березины, Ведричи, смешение в одной реке всех малых речек, образовавших новое, невиданное водохранилище на всем пространстве от города и до синего дальнего бора. Море, апрельское море, днепровское море! И даже не верится, что уже в мае Днепр войдет в свои прежние берега, что в Черное море схлынет это непостоянное апрельское море и что здесь, где потоп, наводнение, где только тень птицы иногда скользнет, будут в тесных луговых травах птицы вить гнезда, будут лиловые расти колокольчики и карминовые гвоздики, будут взрываться под копытами лошадей грибы-пороховики...

Сидеть на корме, потягивать воображаемую трубку, представлять рискованным, небезопасным морской поход на плоскодонке, вспоминать мудрый разговор перед отплытием и знать, что еще долог первый возраст детства,— ни с чем не сравнимо все это. Сиди, слушай плеск весел, легкий, как хлопок в ладоши, поглядывай на приближающуюся и все еще далекую сушу, надейся на силу рук гребца и говори себе, что прав отец Геннадия, что каждый, кто отправляется в плавание, действительно готов придавать этому невероятную значительность. Ты мореход, ты сейчас не на днепровском море, а бог весть где!

Размечтавшись до того, что почти смежаться стали глаза, Степик на некоторое время даже позабыл о Геннадии, потом очнулся, увидел друга, мерно раскачивающегося за веслами, захотел сменить его, но почему-то и рта не раскрыл, ничего не сказал другу, снова впал в мечтательность. Он знал и видел, что пора сменить Геннадия, самому перебраться к веслам, но медлил, медлил, а потом уже, когда лодка подходила к открывшейся суше, к лесу, Степик протянул было свои руки в перчатках, попытался было приподняться, но Геннадий угрюмо, с раздражительностью усталого человека отказался от помощи:

— Сиди, Степик, сиди. Я сам. Да и между деревьев несподручно тебе...

И правда, уже к затопленным водою деревьям подбиралась лодка, теперь надо петлять меж деревьями, все время менять курс плоскодонного корабля, а ему, Степику, невысокому, узкоплечему, труднее справляться с этим. Степик на мгновение укорил себя тем, что вовремя не помог дружку, но и тут же простил себя, щедро пообещав самому себе не выпускать на обратном пути весел из рук. Ничего особенного, он продержится за веслами хоть полдня!

Кора молодых берез, сосен, кленов казалась нежной, сафьяновой, кора старых берез, сосен, кленов казалась кирзовой, и хотелось коснуться каждого омываемого водою дерева, но едва Степик протягивал руку в сторону, как Геннадий уводил плоскодонный корабль в другую сторону. Ему, Геннадию, приходилось то и дело оборачиваться, обходить деревья и макушки кустов, а Степик в это время воображал, что сейчас врежется корабль в неколебимый ствол, что только его, Степика, предостережение спасет корабль от крушения, и он покрикивал тревожно и отрывисто:

— Лево руля! Право руля!

И Геннадий исправно исполнял его команды.

Он только не сдержал усмешки, немногословный и неулыбчивый друг, и Степик, покоробленный его усмешкой, подумал о том, как мало еще он знает своего друга и как непонятна его усмешка сейчас, в критическую минуту.

— Лево руля! Лево! — спохватился он, напоминая Геннадию об опасности, уберегая корабль от крушения.

Но Геннадий и без того умело выгребал, приближал корабль к суше, к неведомой земле, где ждали их безлюдье и скоротечная, однодневная жизнь вдали от города, на берегу апрельского моря, и они оба так тянулись к новой земле, что, едва ткнулась лодка в берег, сразу же, хватая ружья, побежали по этой новой земле, по сырой почве, увязая в своих резиновых ботфортах.

— Спички... спички не забыл? — жалко воскликнул Степик, единственно ради того, чтобы Геннадий замедлил шаг и чтобы он, Степик, торил тропу, ступал первым по греющейся на солнце и прорастающей юной травой земле.

«Необитаемая земля! — ликовал Степик, устремляясь в чащу. — Необитаемая земля!» И он, уже первым ступая по слежавшейся скользкой прошлогодней листве, осматриваясь опасливо, укрощая шумное свое дыхание, опять стал воображать о невероятном — о том, как они, быть может, заблудятся в апрельском лесу и как ему, Степику, придется выводить друга к апрельскому морю. Измотаются, изорвут одежду, будут напрасно палить в небо, взывать к людям на этом безлюдье, а потом все же выйдут к апрельскому морю, уже не имея сил грести и плыть!

Но все же, как ни настораживали всякие невероятности, а никак не удержаться от искушения рваться, брести в глубь пробуж-

денного леса, навстречу беде. Туда, туда, в чащу, через голые, хлещущие по резиновым сапогам кустарники, через ртутные от студеной воды бесчисленные маленькие, точно многократно увеличенная капля, озерца! Лишь пожалел Степик, обернувшись на зов дружка, что остаются на коричневой палой листве глубокие вмятины и что по этим следам обязательно найдешь апрельское море и корабль.

И тогда он резко свернул в сторону, словно стремился потерять след, сбить себя и дружка со следа. «Сигнала бедствия быть не должно»,— слышал он при этом слова мудрого взрослого человека, оставшегося вдали отсюда, в городе, и возражал ему такими словами: «Не будет, не будет никакого сигнала бедствия. Сами выберемся!»

— Ну спешишь! — вдруг голосом того взрослого человека, оставшегося в городе, окликнул Геннадий. — Все равно далеко не уйдешь, потому что здесь остров.

— Какой остров? — поразился Степик и стал тянуть шею, глядеть, не промелькнет ли за стволами, за жидкими кустарниками синева моря.

И там, за стволами и кустарниками, блеклой синевой подснежников проглянуло оно, море.

И оба устремились к морю нетерпеливой трусцой, как несколько минут назад нетерпеливым порыском бросились в чащу. А здесь, вокруг чащи, оказывается, вода, и можно бежать, бежать берегом, все берегом, пока не окажешься вновь у корабля.

Степик и предложил другу береговой азимут, если и впрямь они высадились на островке, но как только они побрели вдоль кромки, у воды, испещренной, как иероглифами, тенями стволов, он стал воображать, что Геннадий ошибается и что никакого острова быть не может. И он, ломясь через кустарники, вминая черную листву и твердые, как рассыпанные патроны, желуди, с надеждой глядел вперед: вдруг останется в стороне водное пространство, никаких очертаний острова не будет, а только деревья, только небесное пространство над голыми деревьями.

Словно кто-то невидимый, таинственный брел следом за ними, похрустывал в кустарниках, но едва Степик замирал и оборачивался, не веря в существование невидимки и в то же время готовясь оградить Геннадия от незримого преследователя, как затихал хруст, лишь кустарники подрагивали, трепетали. Нет, никто за ними не брел, а просто эхо, просто шорох потревоженных зарослей, и все-таки Степик сторожко слушал, как этот Никто переступает в кустарниках, медвежьей лапой раздвигает заросли, переминается, а потом вдруг пускается вдогонку — и так все время, пока они с Геннадием не миновали заросли. И лишь на голом берегу, таком ясном от солнца, от цветочно-свежей, бегущей, поигрывающей воды Никто отстал, так что Степик уже мог не опасаться за жизнь приятеля, мог спокойно глядеть только вперед, на косой выгиб кромки, мог удивляться и радоваться: «Неужели остров? Неужели и другие острова образовались? Неужели маленький остров?»

Воображал он, как всегда, о самом страшном, что может с ними случиться в эти минуты на необитаемом островке, прижимал к боку охотничье ружье покрепче, а то вдруг срывал его с плеча, сам не зная зачем. Остров, безлюдье, неизведанность, опасность!

— Ты видишь лодку? — тревожно спросил Геннадий.

— Корабль?— улыбнулся через плечо Степик. — Он в заливе Трех Ветров. — И ему самому понравилось, что он так красиво поправил приятеля.

Тут впервые Геннадий досадливо сплюнул, проворчал все тем же тревожным голосом, что нечего выдумывать, что никакой у них не корабль, а лодка, легкая плоскодонная лодка, которую они, кажется, даже не вытащили как следует на сушу и которую может отнести от берега прибывающая вода.

— Я гляжу, вода поднимается, а ты: корабль, залив Трех Ветров... — упрекнул приятель и, оттирая Степика плечом, устремился туда, к тому берегу, где стояло их деревянное судно и где случилась, быть может, беда. Остров, безлюдье, неизведанность, опасность!

Странным показалось самому Степику желание, чтобы с действительной опасностью столкнулись они здесь, на берегу апрельского моря, чтобы оба они поражали друг друга отвагой, бесстрашием, но как только различил он издали отошедший от берега, влекомый раздольной водою свой корабль, порожний, потерявший всякий курс, медленно разворачивающийся корабль, то вскрикнул потрясенно и замедлил шаг, словно сбитый с толку катастрофическим видением. Нет, не то чтобы он очень испугался, а вдруг обмяк, расслабился, наблюдая, как отваливает, отваливает от берега не подвластный никому корабль, и пытаясь успокоить себя тем, что еще не очень далеко отнесло посудину и что можно спасти ее, если ринуться вплавь...

Меж тем Геннадий уже был у неверного берега, у места стоянки корабля, уже сдергивал с себя одежду, уже плясал на одной, на другой ноге, стаскивая ботфорты и посматривая то на уплывающее судно, то на него, на Степика, и как бы требуя, чтобы скорее бежал он, Степик, скорее, скорее! Но, может, никакого зова в угрюмом взгляде дружка и не было, если решился дружок лезть в ледяную воду. Какой резон рисковать обоим!

Потом, через некоторое время, когда у них с Геннадием никак не будет вязаться дружба, когда молчанием и слегка насмешливым

Оставалось стоять в теплой одежде и наблюдать, как входит Геннадий в холод, в зиму, как цепляется розовыми ладонями за борта лодки...

взглядом будет отвечать Геннадий на его приглашения отправиться куда-нибудь на заманчивый промысел, на охоту либо за рыбацкой удачей, Степик будет казнить себя за прошлую осторожность и нерешительность, видеть лишь в ней причину разлада, будет хотеть, чтоб все повернулось иначе и чтоб он, он, Степик, стал героем в этот апрельский день. А уже непоправимо!

Правда, он попытался тоже раздеться, но так медлительно, с неохотой, и Геннадий, который входил в воду, сдавленно восклицал и, подрагивая синюшной пупырчатой кожей, обернулся и предупредил погрубевшим от холода голосом:

— Не дури!

Оставалось стоять в теплой одежде, в надежных ботфортах и наблюдать совершавшийся на его глазах подвиг: как с разведенными руками входит Геннадий в холод, в зиму, в обратившийся в воду лед и снег, как пускается вплавь по стылой, безжалостной воде, как цепляется розовыми ладонями за борта лодки, напрасно пытаясь забраться внутрь, как потом скрывается из виду, заплывает с другой стороны, и вот уже безлюдный корабль медленно, судорожными толчками направляется к потерянной земле.

Наверное, тепла казалась Геннадию стылая земля, когда он, оказавшись на берегу, неповинующимися руками стал разбирать одежду, а может, не ощущал босыми ногами тверди и, пожалуй, не слышал ничего, что говорил ему в эти минуты Степик.

С трудом одевшись, он передернулся, побледнел еще более и наконец взглянул на Степика и снова сказал сиплым голосом:

— Не дури!

И Степик зарделся, отвернулся даже — будто затем, чтобы увидеть корабль на месте, на суше, а на самом деле, чтобы не встречаться с выстуженным и таким цепким взглядом приятеля, потому что приятель и на этот раз отгадал его желание раздеться, поделиться одеждой, верхней курткой и вновь запретил ему это: «Не дури!»

Может, и теперь уж очень медлительно стал он расстегивать куртку, так что Геннадий сумел предупредить, остановить его сиплым, севшим голосом?

Все-таки было, было такое мгновение, когда Геннадий словно выжидал и когда можно было набросить на его плечи еще одну, свою куртку, а самому остаться в свитере, но и это мгновение Степик упустил, и вот приятель уже покинул его, отбежал прочь и принялся на одном месте подпрыгивать.

Нет, не потом, не в третьем возрасте детства, когда станешь старым человеком и будешь немощно призывать ушедшее и раскаиваться в чем-то, а уже теперь, в эти минуты весны, апреля, первого возраста детства, Степик с каким-то замершим в груди вскриком почувствовал, что не вернуть всего случившегося мгновение назад. Он не мог ответить себе, почему не он кинулся в стылую воду, почему не он спас корабль.

Но вот он как будто нашелся, принялся бегать, искать валежник, сбрасывать влажный, черный валежник в груду и спрашивать то и дело у приятеля:

— Тебе не холодно, Гена? Тебе не очень?..

А Геннадий не отвечал и только вскользь посмотрел таким взглядом, что Степик сразу же замолчал и подосадовал на себя.

«Ладно, не злись, я понимаю, Гена,— мысленно сказал он.— И я зажгу костер. Сейчас, Гена!»

Костра еще не было, а Степику уже представлялось блеклое на свету, на солнце пламя и как приятель с разведенными руками, почти на ощупь пробуя игривую поросль огня, стоит у дневного костра, как отогревается он сам, отогревается и его душа — и вот уж приятель прежним открытым взглядом смотрит на него, подмигивает и что-то веселое произносит. И если так случится, то ничего не потеряно, никакая дружба не потеряна, и еще долог, долог, долог первый возраст детства!

Костра еще не было, еще ничего не изменилось на островке, а Степик, как обычно, в своих представлениях опережал события. И видя на суше спасенный корабль, с благодарностью думал о немногословном и таком надежном приятеле и в мыслях тоже выручал его из беды: вдруг они заночуют на безлюдном островке, вдруг ему, Степику, придется ночь не спать, быть в дозоре у прибывающей, обильной воды, поддерживать костер и ночью кипятить чай для друга...

И очень тешило его все, что он сейчас представлял.

Андрей ПОКРОВСКИЙ

Гудит станок

Гудит станок, поет станок,
Из-под резца струится стружка,
И вот в ладони, как игрушка,
Сверкнула теплая деталь.
А на душе немного грустно:
Не потому, что так искусно
И точно выточена сталь,
А потому, что снова вдаль
Уйдет твой труд — твоя деталь,
И где-то, в поле или в море,
Как молния, сверкнет в моторе,
Чтобы тебе послать привет...

Вячеслав КУПРИЯНОВ

Переселенцы

В век атомных субмарин
и авианосцев
медленно
через океан плывут
«Кон-Тики» и «Ра».
Они подтверждают,
что наши темные предки
переселялись
с далекого материка
на далекий материк
через глубокое море
на легких плотах.

В век звездолетов
медленно
через небеса полетят
на бумажных змеях,
склеенных из древних стихов,
написанных нами
на непонятнейших языках,
те полетят,
кто докажет,
что мы,
их светлые предки,
переселялись
с далекой звезды
на далекую звезду
через глубокое небо
на бумажных змеях.

КОРАБЛИК

Журнал в журнале печатает только тебя

Наташа **НЕЧАЕВА** из города Кувандыка, Оренбургской области. Учится в 7-м классе.

МОЯ РОДИНА

Я живу в Кувандыке.
Нет прекраснее местечка!
Видно горы вдалеке,
Протекает близко речка.

А за речкою поля,
Там хлеба волнуются,
И под солнцем вся земля
Щурится и хмурится.

Ира **ДУНИМАН** из Калининграда. Она учится в 4-м классе.

ВОДА И ЛЕД

Речка текла. Теперь стал лед.
Не может пройти здесь никак пароход.
Его заменяют дети с коньками,
Резво бегут они, лед надрезая.
Не верится им, что была здесь вода,—
Кажется, лед к ним пришел навсегда.

Но схлынут морозы, пройдут холода,
И вновь забурлит, заструится вода.
И вновь пароходы пойдут вдалеке,
Забыв, что недавно был лед на реке.

Нина **ПЕТУХОВА** живет под Москвой, на станции Долгопрудная, ей 15 лет.

ВЕТЕР НА КУБАНИ

Дикой яростью ветры стонут,
Рвутся крыши под облака,
Жарко лижут ковыльные волны
Раскаленные берега.

Что-то детское, позабытое
Раскачалося, понеслось,
Так, что хочется в небо выпрыгнуть,
Сердцем высиниться насквозь.

Захотелось орать, дурачиться,
Или — кубарем по траве,
Так, чтоб солнечными зайчиками
Строчки прыгали в голове!

Чтобы солнце плясало рыжее,
Не расчесанное с утра.
Чтоб в ночи трепетали крылья
Умирающего костра.

Миша **ШЕПЕЛЬ** из Иркутска, ему 15 лет.

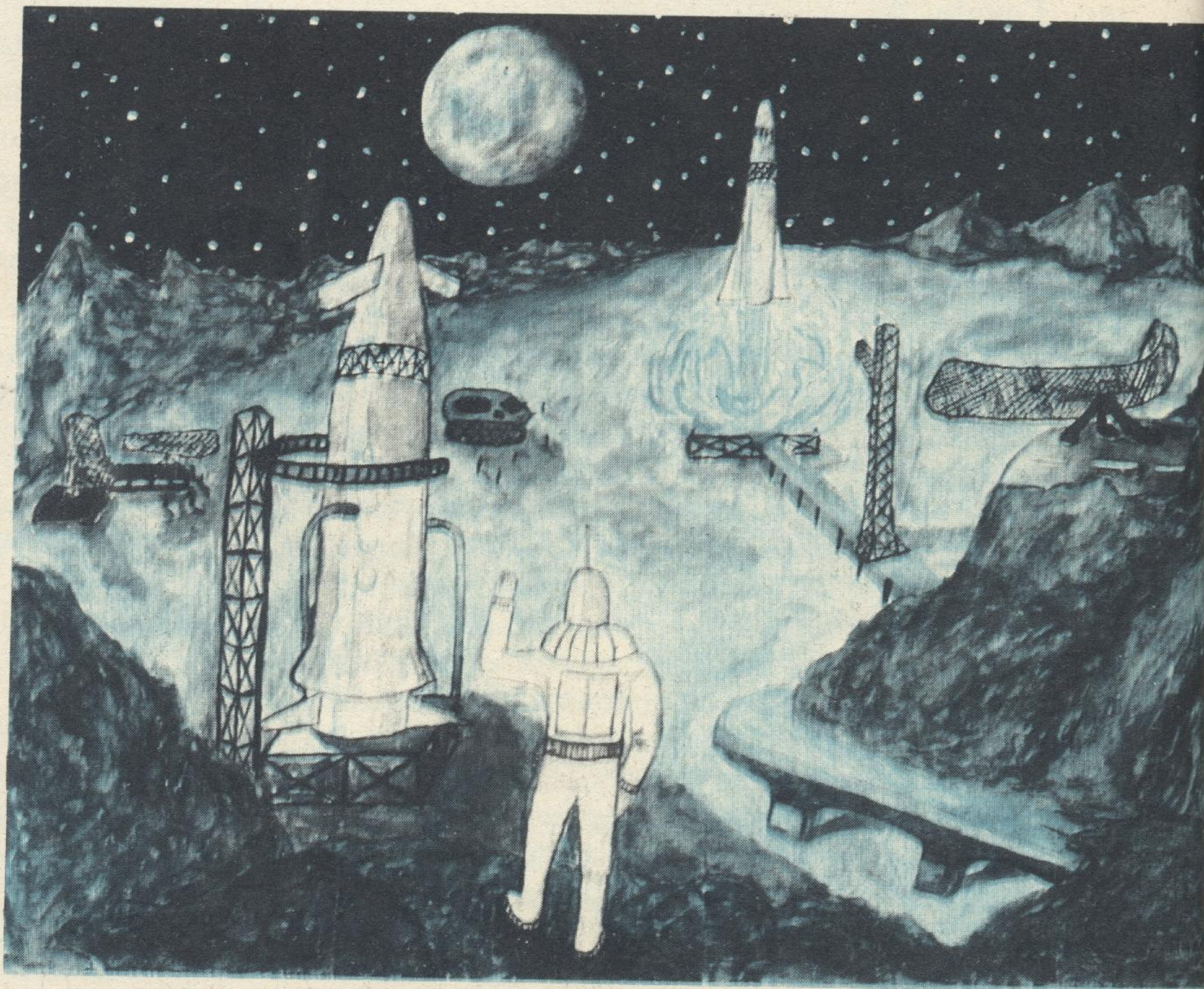
Нотные линии —
Записывай музыку!
Несут ее ливни
И листья шуршащие.

Глаза у всех грустные —
С портфелями тащатся...
Небо запачкалось,
А лужи — зеркальные.

Шагают без зонтиков,
Чудики, лужами.
А осень ранняя
Цветаста до чертиков...

Какой мотив нужен мне?

«ОСВАИВАЕМ ЛУНУ». Сережа **ПАВЛОВ**, 15 лет.



Саша ПРОСВОРИН, 11 лет, живет он на станции Явенга, в Вологодской области.

В МОРЕ

В море встречаются два корабля:
Право руля!
Лево руля!

Два капитана на кораблях:
Руки в карманах,
Трубки в зубах.

В море расходятся два корабля:
Право руля!
Лево руля!

«АНТАРКТИДА»,
Жора ИВАНОВ, 12 лет.

«МЫ СТРОИМ». **Саша ВАСИЛЬЕВ,** 12 лет.

Андрей БЕЛОУСОВ, учится в 5-м классе, а живет в Чебоксарах.

* * *

Лягушки племени коло-коло
Любили играть в водное поло,
Но часто у них возникали споры
Из-за ширины ворот...
И вот
Однажды к ним подошел бегемот.

Он громко сказал:
— Оставьте раздоры!
Я встану в реке и разину свой рот,
Лучше вам не найти ворот!

Лягушки заквакали:
— Мы очень рады!
Но где же ворота другой команды?
— Не беспокойтесь, квакушки, там
Встанет мой друг — гиппопотам.

С тех пор обитатели джунглей
знают,
Что когда поспевает лимон,
На реке Лимпопо начинают
Ватерполиный сезон.

Люда ПРИВАЛОВА из города Бендеры, ей 15 лет.

ОБЛАКА

Плывут облака над пристанью
И смотрят на воду пристально.

А там, на воде, разбросаны
Холодные листья осени.

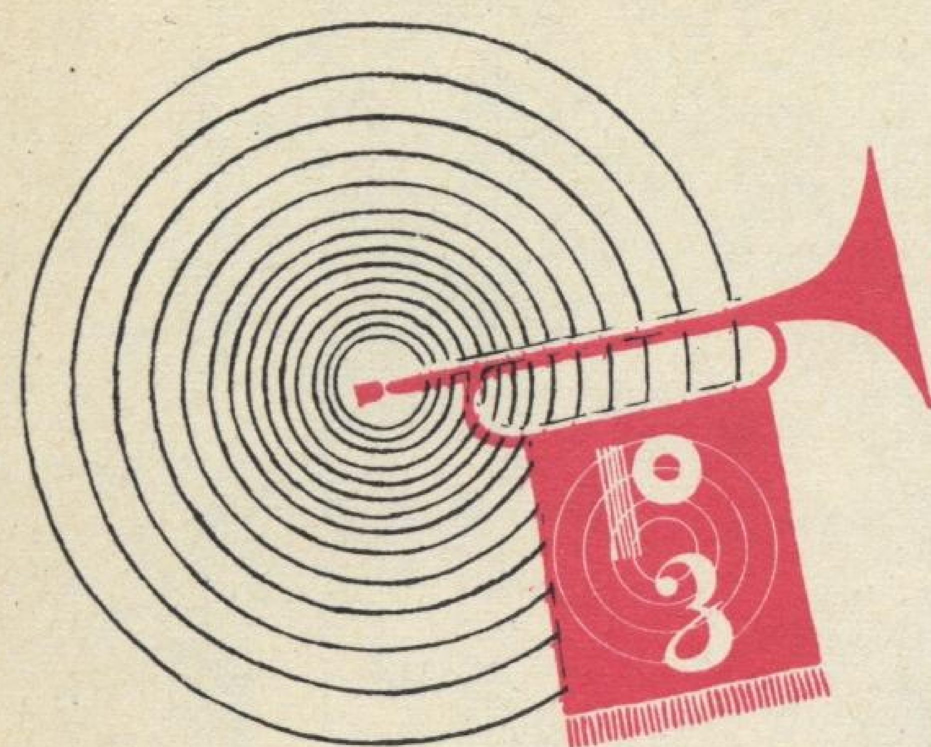
Два берега зябко ежатся —
О белой зиме тревожатся.

* * *

Скрылся мост речной в тумане,
Грусть немая вдалеке,
Но меня, как прежде, тянет
Хмурым вечером к реке.

Посмотреть на пляж пустынный,
Повстречаться с вербой той,
Что в молчании застыла
Над холодною водой.

Знаю: осень наступила,
Но верить не могу,
Что ушло все то, что было
На днестровском берегу.



ВОСЕМЬ ТЫСЯЧ УДИВИТЕЛЬНЫХ ВЕЩЕЙ

Ты мечтаешь о будущем? Мечтаешь, конечно. А как ты мечтаешь? Делать это можно по-разному. Один просто фантазирует: как при счастливом стечении обстоятельств он проберется тайком на океанское судно или космический корабль и отправится в далекое путешествие, полное приключений и опасностей. Но богатый опыт человечества говорит, что толку от таких фантазий немного.

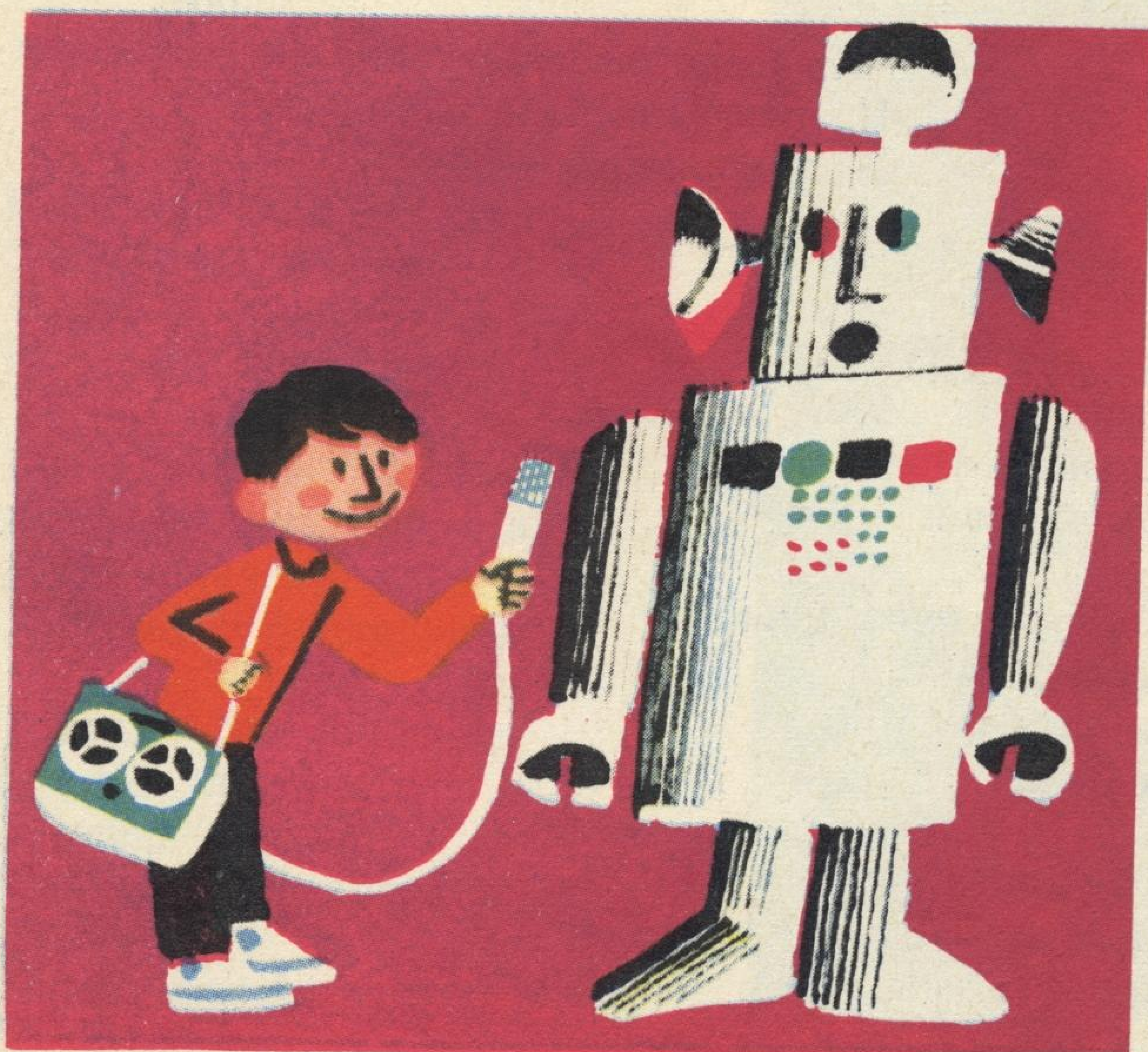
Другие мечтают иначе. После уроков они приходят в кружки Дворцов и Домов пионеров, работают на станциях юных техников и юных натуралистов. Они — в школьных кружках, в походах следопытов, в библиотеках, в музыкальных и художественных школах.

Тот, кто научился творить с юных лет, никогда не потеряет вкуса к творчеству, это на всю жизнь.

Восемь тысяч экспонатов, восемь тысяч лучших образцов творчества юных были собраны на выставке в московском Манеже, которая открылась незадолго до Нового года. Выставка так и называлась — «Творчество юных», и была она отчетом ребят XXIV съезду нашей партии.

Фото С. КАРАСЕВА.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

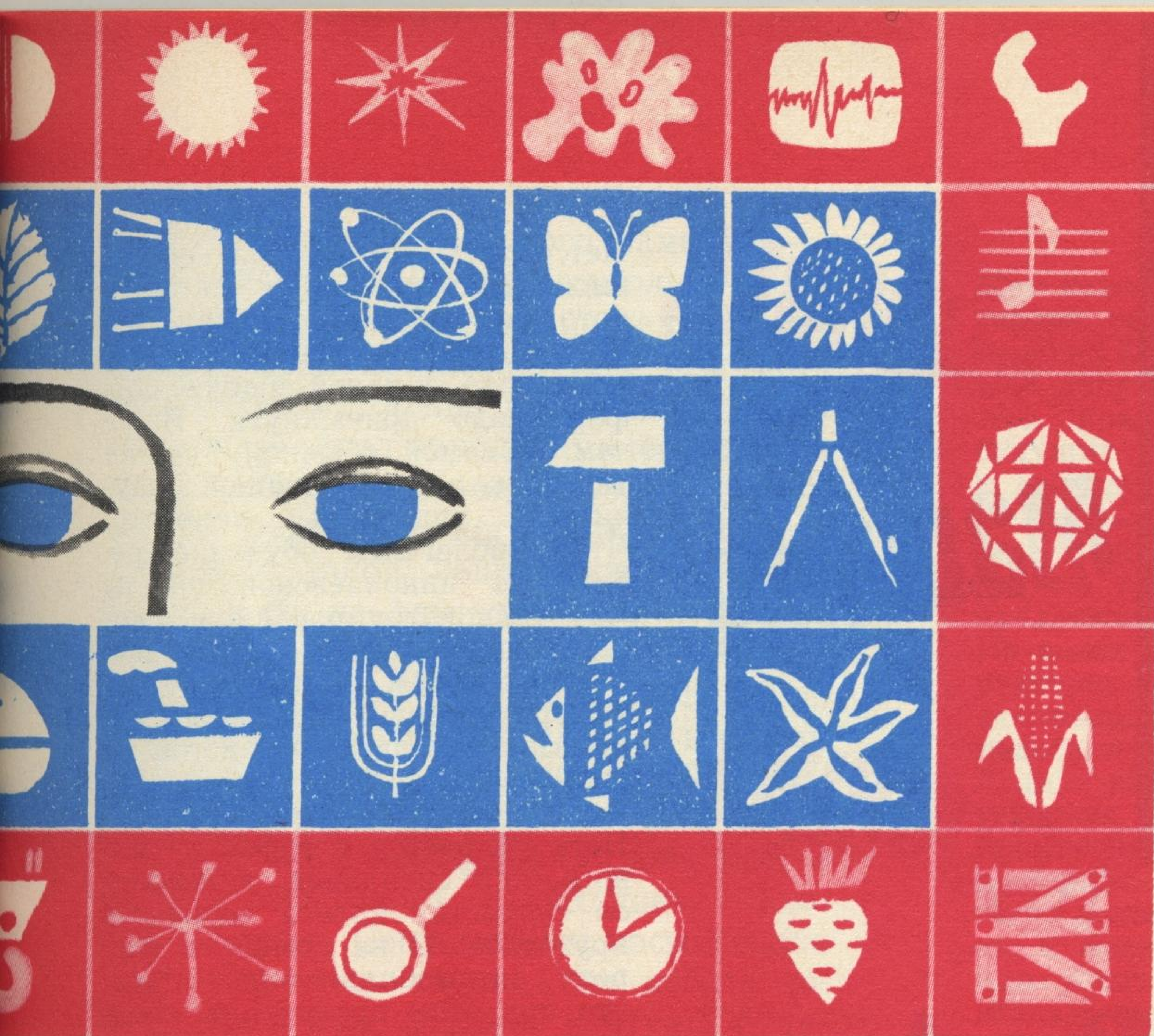


Марсик, Андрюша и другие

Их здесь целая семья. Они собрались возле одной из колонн, будто беседуя друг с другом. «Они» — это роботы.

Вот важный трамвайный кондуктор, весь из железа. Как подобает настоящему кондуктору, он выдает билет, если бросить в прорезь монетку. Время от времени в его глазах-лампочках загорается огонь, и он железным басом объявляет остановку и рассказывает о городских достопримечательностях, мимо которых проезжает трамвай. Вполне понятно, что в Калининграде ребята стараются прокатиться именно в том вагоне, где работает электронный кондуктор.

Это не просто забавная игрушка. С роботом



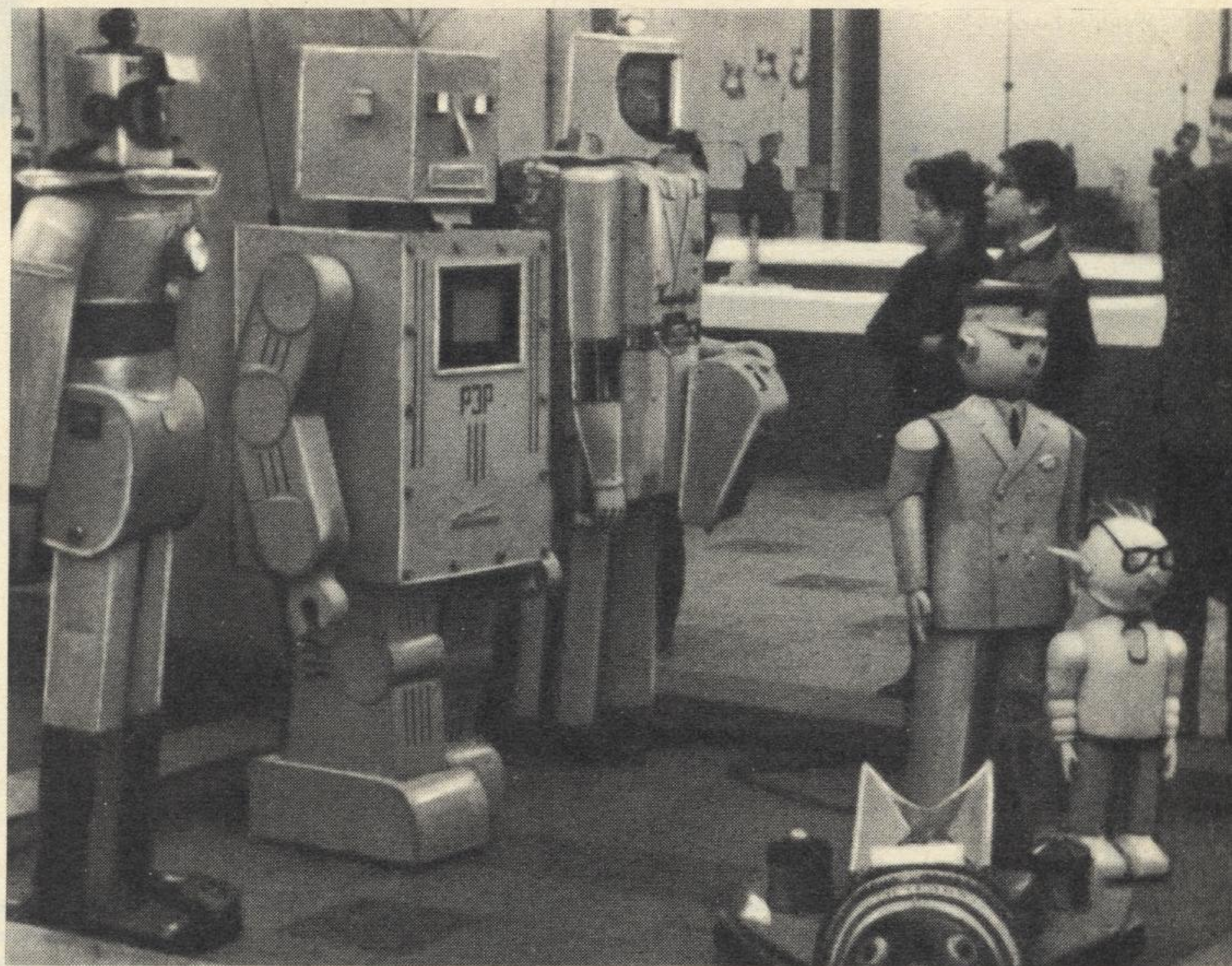
познакомились специалисты городского хозяйства и решили заказать на заводе несколько опытных автоматов для трамваев, троллейбусов и автобусов. Очень было бы заманчиво рассказать об устройстве робота-кондуктора. Только делать этого нельзя: сейчас оформляется авторское свидетельство на это изобретение, и, по законам, разглашать конструкцию не разрешается. Но уже сейчас создателей необычного автомата — калининградских школьников Славу Михеева, Олега Бранченко, Славу Напреенко и Женю Малинина — можно считать настоящими изобретателями.

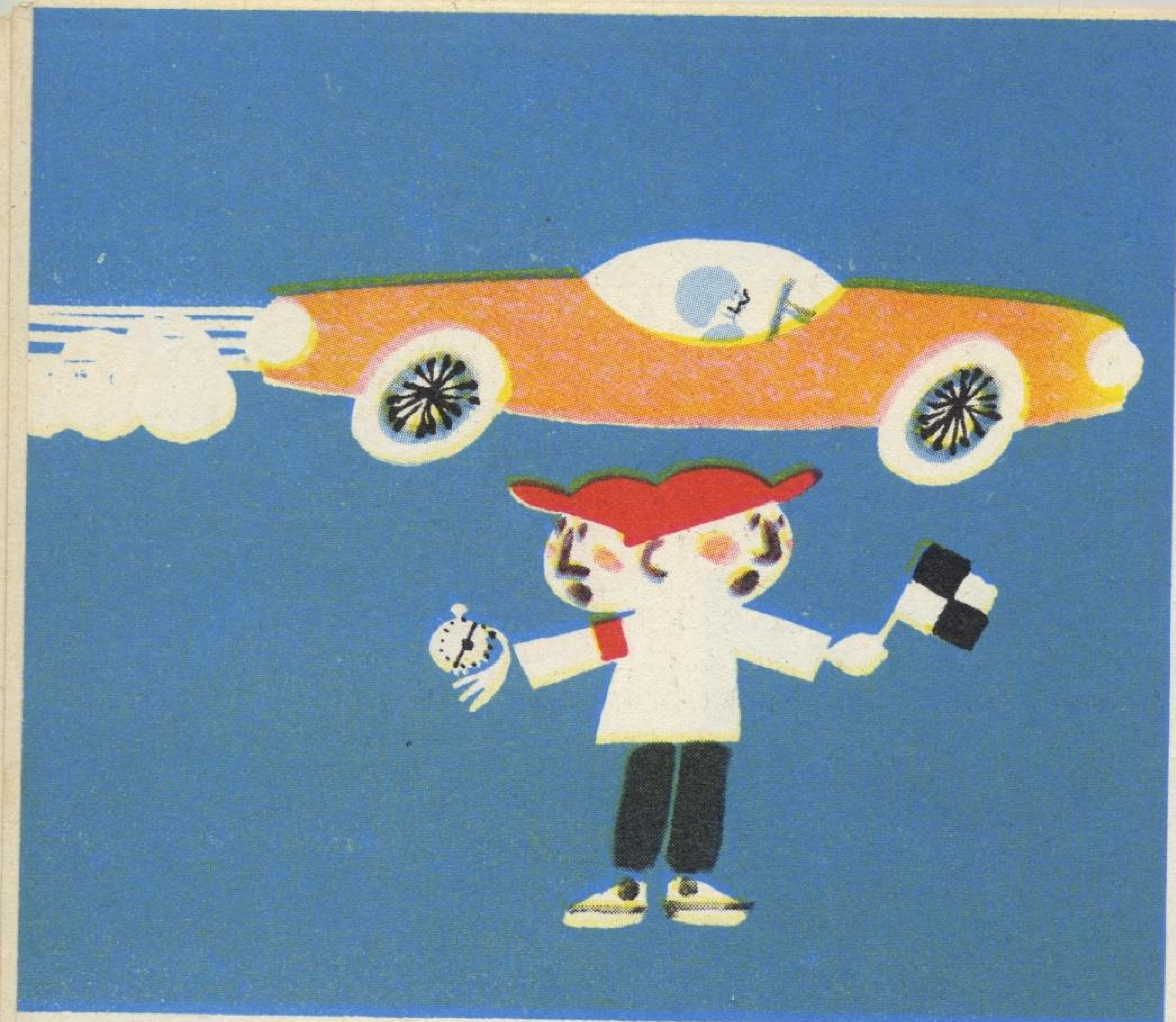
Рядом с кондуктором робот Андрюша кажется совсем малышом: ростом он не выше второклассника. Андрюша тоже железный, одет он в аккуратную морскую форму. Этот маленький симпатичный робот — лектор и экскурсовод. Прохаживаясь по выставочному залу или по сцене, он может рассказать много интересного — все, что записано на магнитной ленте, спрятанной под его железной одеждой. Андрюша выступал во многих школах Калининграда, а один раз его собрались послушать в самом большом кинотеатре города больше тысячи ребят. Он рассказал им о правилах уличного движения, и это был, наверное, единственный случай, когда лектора три раза вызывали на «бис».

Если кондуктор и Андрюша выполняют полезную работу, то стоящий несколько поодаль зеленоголовый Марсик ни к какому серьезному делу вроде бы не приспособлен. Это просто разговорчивый автомат, который отвечает на любые вопросы. «Как тебя зовут?» «Марсик». «Ты хочешь быть пожарным?» «Нет, не хочу». «Кто тебе больше нравится: мальчики или девочки?» «Этого я не знаю, я машина». «Читаешь ли ты журнал «Пионер»?» «Это несущественно»...

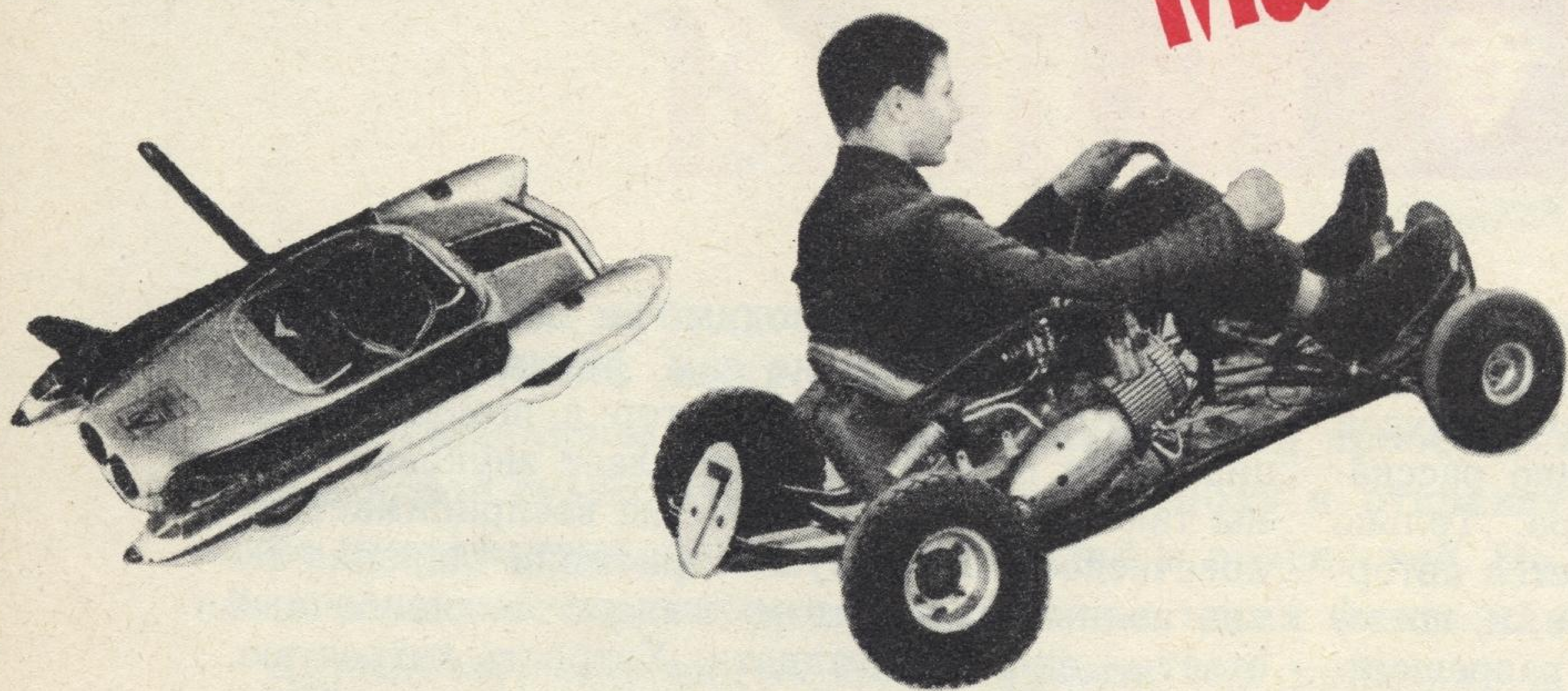
Откуда же у робота такие таланты? Честно говоря, сделавшие Марсика школьники из Орши немножко схитрили: в транзисторной «голове» робота всего двадцать ответов, но подобраны они так, что пригодны на многие случаи жизни. И, конечно, не сам Марсик выбирает ответ. Его хозяин — оператор с помощью специального передатчика посылает звуковые волны такой частоты, которые не воспринимает человеческое ухо. А «ухо»-приемник Марсика такие волны различает и выдает безошибочный ответ — один из двадцати. Хитрость хитростью, а сколько трудов стоило придумать и собрать схему, придать роботу немного смешной и трогательный вид!

Конечно, роботов не обязательно делать похожими на людей. И кондуктор и лектор могли быть просто металлическими ящиками. И все равно они делали бы свое полезное дело. Ну, а Марсик, для чего он нужен? Только для забавы? Конечно, нет (хотя и забавлять людей — тоже серьезное занятие). Распознавать звуки и другие сигналы — очень важная техническая задача. Вспомни: первый в мире луноход двигался по радиокомандам с Земли, и конструкторы обучили его различать эти команды.





Машины, машины, машины...



Самые простые, собранные из «конструктора», дотошно сделанные модели первых автомобилей, и самые настоящие машины — садись и поезжай!

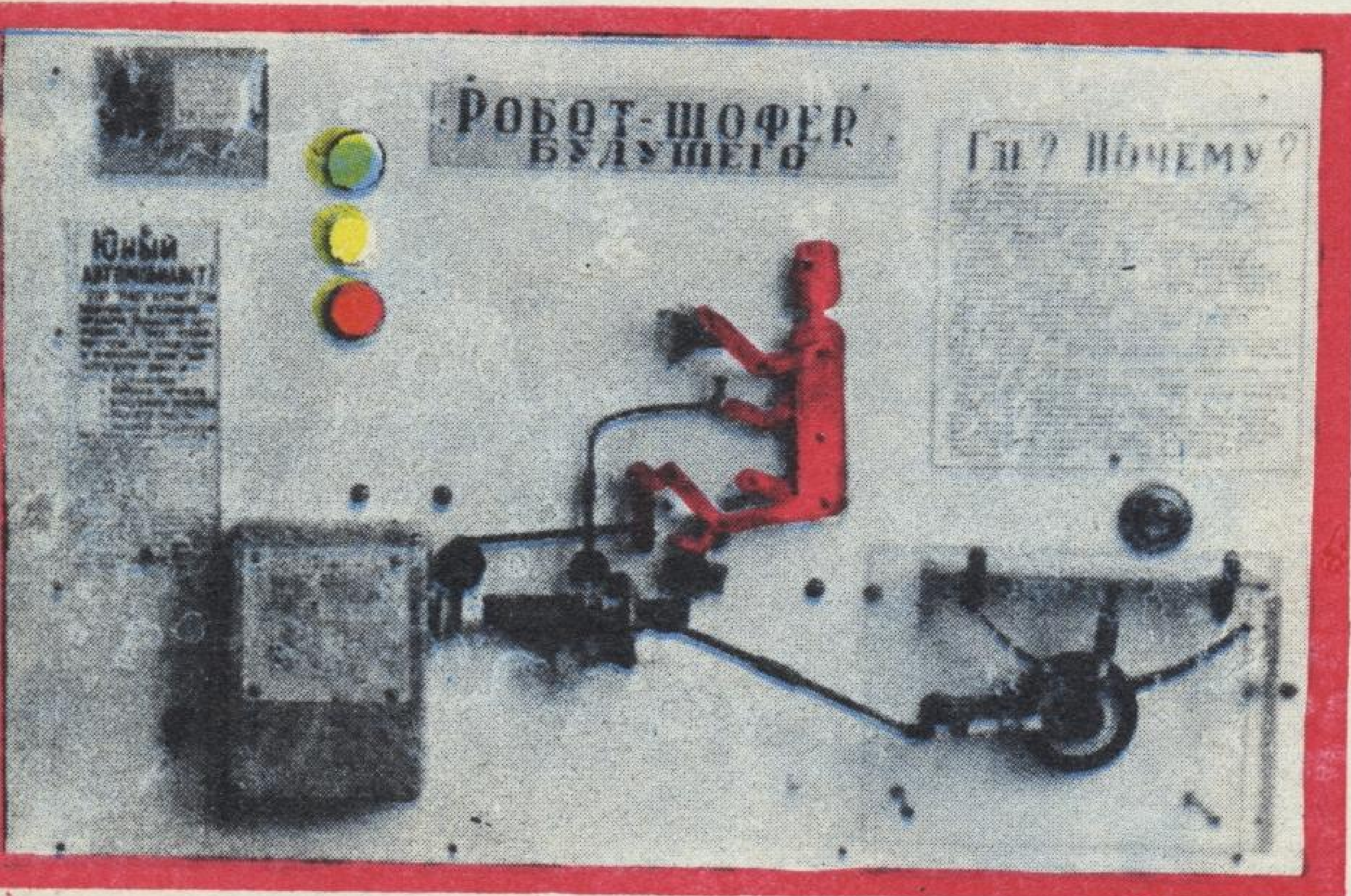
Ребята из Академгородка, что под Новосибирском, сделали необычный автомобиль — на двух колесах. С настоящим двигателем от мотоцикла, с блестящим черным кузовом, с настоящей «баранкой» и приборной доской. Но зачем двухколесный?

Идея двухколесной машины среди автомобилистов не нова. Маленький, юркий автомобиль, маневренный, съедающий мало бензина (меньше трение — меньше расход топлива), очень удобен на тесных городских улицах. Может быть, действующая двухколесная машина поможет конструкторам лучше оценить эту идею. А как же с устойчивостью? Не перевернется ли двухколесный автомобиль на повороте или при остановке?

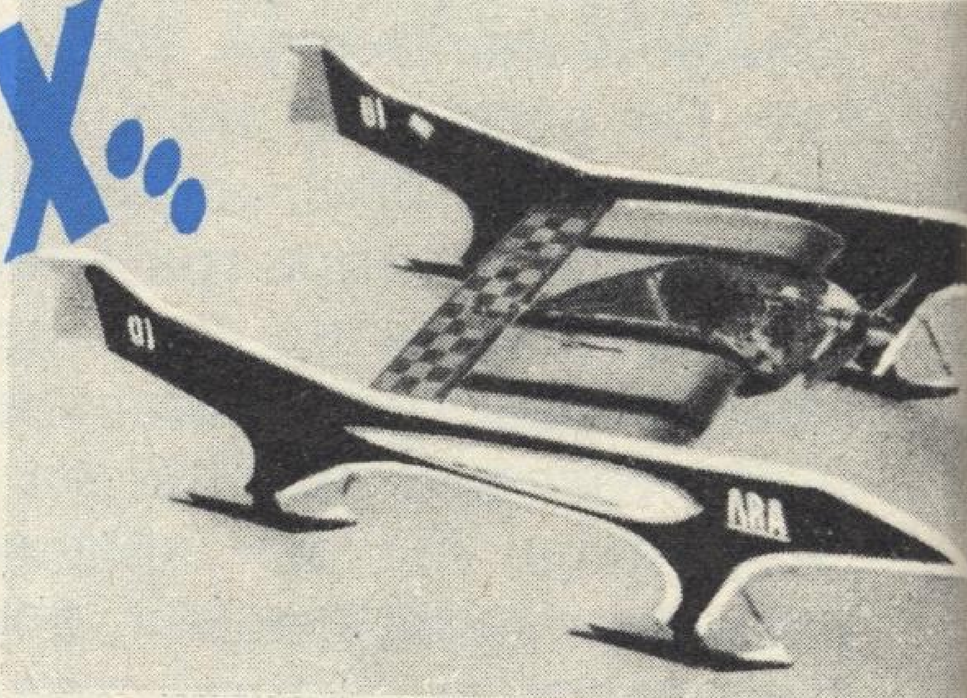
Нет, его поддержат два небольших дополнительных колеса, которые водитель может опускать, как самолетное шасси.

Конечно, к такой машине шоферу надо привыкнуть. Впрочем, и самой обычной, на четырех колесах, машиной научиться управлять непросто. Чтобы облегчить обучение, ребята из николаевской школы № 4 сконструировали и сделали специальный стенд с шофером-роботом. Когда на светофоре красный свет, робот застывает неподвижно с ногой на тормозе. Но вот загорается желтый огонек, затем зеленый. Нога убирается с тормоза, выжимается сцепление, включается скорость, колеса начинают крутиться. И на стенде, в разрезе автомобиля, видно все, что при этом происходит: сцепляются шестерни коробки скоростей, крутятся валы, приводя в движение колеса. Потом, сев в настоящую машину и выжимая настоящие педали, ты почувствуешь сложный ритм работы автомобиля, как говорят маститые шоферы, «сольешься с машиной».

Такое качество — чувство машины — особенно нужно гонщику. Каких только гоночных машин сейчас не делают! И самые быстрые из них — с реактивными, ракетными двигателями. Действующую модель такой машины сделал Валерий Заверняев из подмосковного города Жуковского. Правда, у сверхбыстрых автомобилей двигатели работают на жидком топливе, а Валерий использовал топливо твердое — порох. Сейчас есть ракеты с пороховыми двигателями, а машин, даже гоночных, нет. Но кто возьмется точно угадать даже недалекое будущее автомобильной техники!



О машинах летающих...



На небольших, несколько метров в длину, аэродромах были собраны на выставке чуть ли не все отечественные самолеты. Конечно, их модели. А рядом стояли самолеты, которых не знает история авиации. Не знает, потому что эти летательные аппараты придумали ребята.

Один из них совсем необычной формы. Коля Ерошин и Витя Канаев из Загорска назвали его не самолетом, а

экранолетом. Крыло этого самолета — широкий сплошной прямоугольник, напоминающий экран. А фюзеляжа нет вовсе. Экранолет летает, на нем есть маленький моторчик. Необычная форма машины — плод аэродинамической фантазии ребят. Никто не возьмется утверждать, будут ли когда-нибудь делать самолеты такой непривычной формы. Но если бы не фантазировали взрослые авиаконструкторы, не появились бы на свет ни самолет с вертикальным взлетом, ни самолет с треугольным крылом, ни с крылом складывающимся. Да и были бы самолеты вообще?

Слова «космомоделизм» пока нет, а модели «Востоков», «Восходов», «Союзов» налицо. Современные космические аппараты очень сложны, но ребята хотят уже сейчас угадать контуры будущих межпланетных кораблей. И представить себе космодромы, с которых эти корабли будут стартовать.

Мигают красные лампочки, медленно вращается радар. На взлетном поле «ионодрома» застыли причудливые машины. «Ионодром» — это потому, что у машин, которые называются ионокрафтами, ионные двигатели. Разогретое до высокой температуры вещество, скажем, пары металла, приобретает электрический заряд, ионизируется. Магнитное поле разгоняет ионы и выбрасывает их из двигателя, создавая тягу. Такова суть ионного двигателя. Он будет применяться для межпланетных полетов — так предполагают ученые. А школьники из украинского города Измаила Саша Степень, Витя Алексеенко и Саша Ивин в этом уверены. Иначе они бы не построили макет «ионодрома».

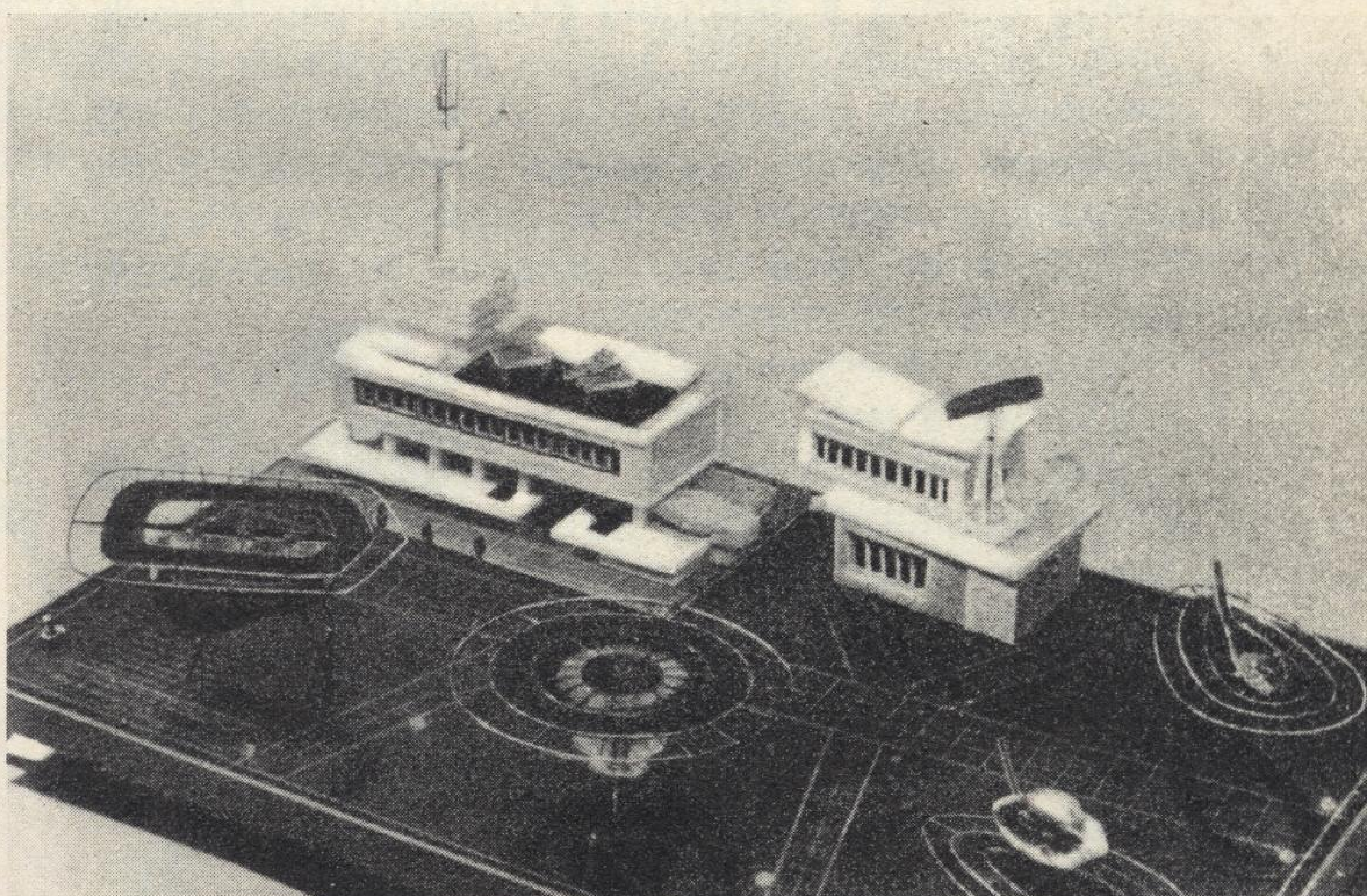
Мне кажется очень важным, что уже за школьной партой ребята делают великолепные действующие модели. Есть среди них прекрасные вещи — настоящая творческая мысль, остроумные решения, чистая, красивая работа. Уже сейчас виден характер будущих конструкторов, характер людей упрямых и творческих, на который, мне думается, можно положиться. Нам это особенно важно, ведь вы наша смена, и от вас будет зависеть, как пойдет дальше развитие конструкторской мысли, что вы предложите Родине через десяток лет.

Из юных любителей техники вышло много конструкторов. На одно перечисление тех, для кого моделирование стало основой будущей профессии, понадобилась бы толстая книга.

Если в вашем городе или селе нет станции юных техников, не организовался пока еще школьный технический кружок или бюро юных конструкторов, постарайтесь среди взрослых найти умелого человека: механика, техника, инженера, рабочего. Он вас и мастерить научит и поможет достать инструмент и материалы.

Желаю вашим рукам точности, голове — сообразительности, сердцу — горячей любви к делу.

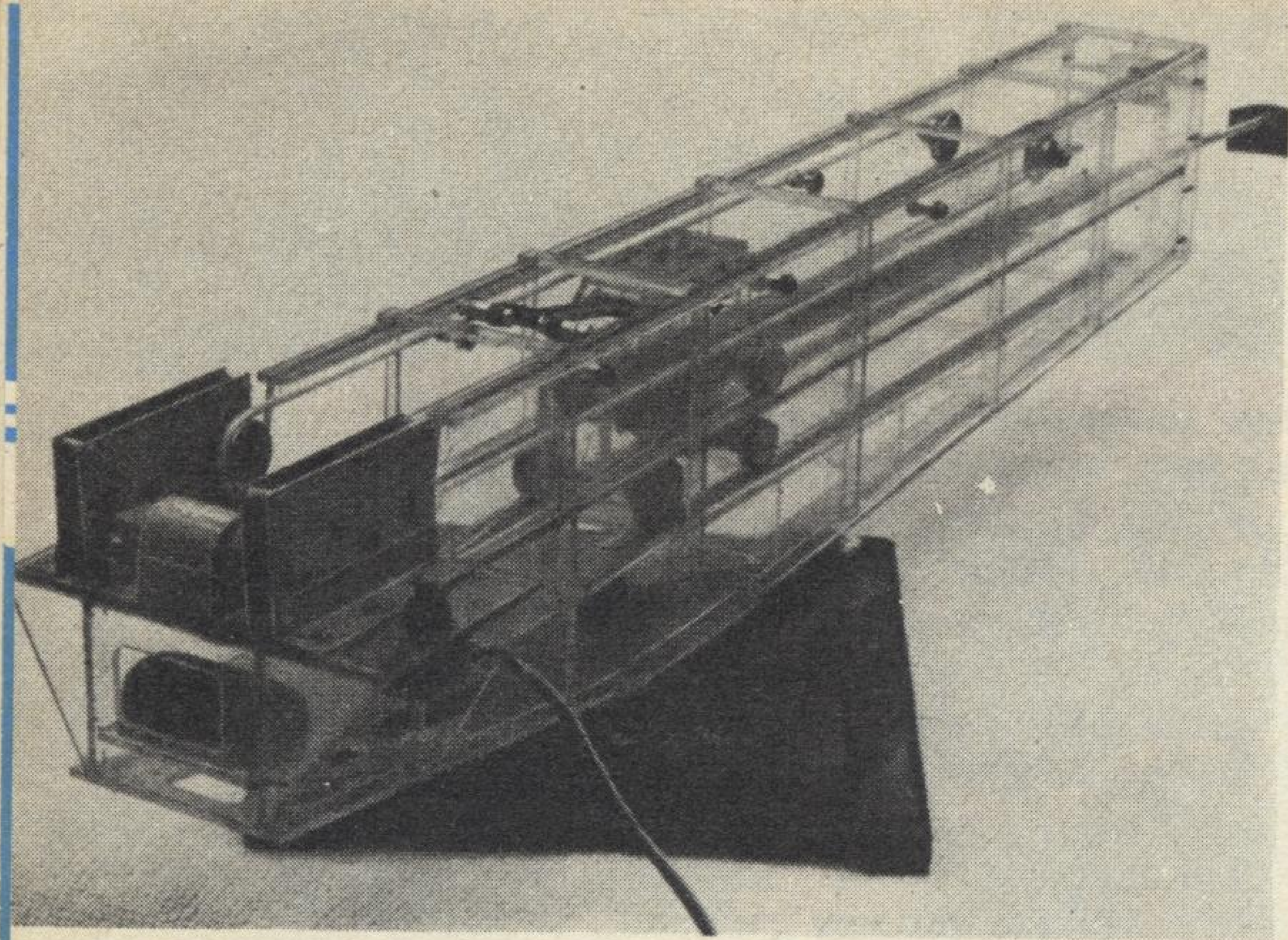
Генеральный конструктор, академик,
дважды Герой Социалистического Труда
А. Н. ТУПОЛЕВ.



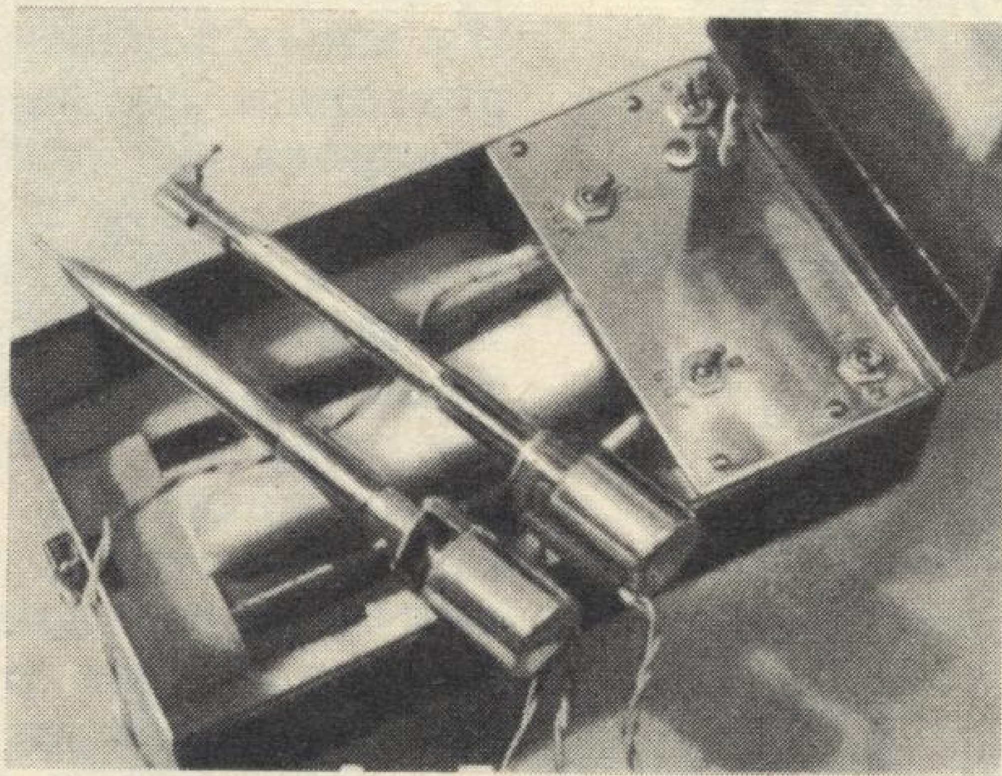
ВЗРОСЛЫЕ *благодарят*

Представь себе: расплавленный в домне чугун, раскаленный, огнедышащий (температура его около тысячи градусов), попал в огромные резервуары — миксеры. Их емкость — 2 500 тонн. На чугуне образовалась «пенка» — шлак. Ее нужно снять, делают это рабочие вручную. Сложно, очень сложно. И дорого.

Конструкторы Ново-Краматорского машинострои-



В этом небольшом чемоданчике — портативная бормашина. Ее сконструировал Олег Гранкин из казахстанского города Талды-Кургана. Бормашина понравилась врачам из городской поликлиники. Вот что они написали о ней:



«Мы на практике проверили работу бормашины. Нам очень понравился ее размер. Машина весит всего 1 700 граммов и может работать от электросети и от батарейки карманного фонарика.
С такой бормашиной можно поехать к тяжелому больному, прикованному к постели, на отгон — к чабанам, в пионерский лагерь. Конструкция машины очень хороша. Врачи рады были бы иметь такие бормашины.

Главный врач Ю. А. АЗБЕЛЬ.
Врачи Н. П. КРАУБЕ,
Р. А. ЕРМАГАМБЕТОВА,
Л. Г. ЕЛМАНОВА

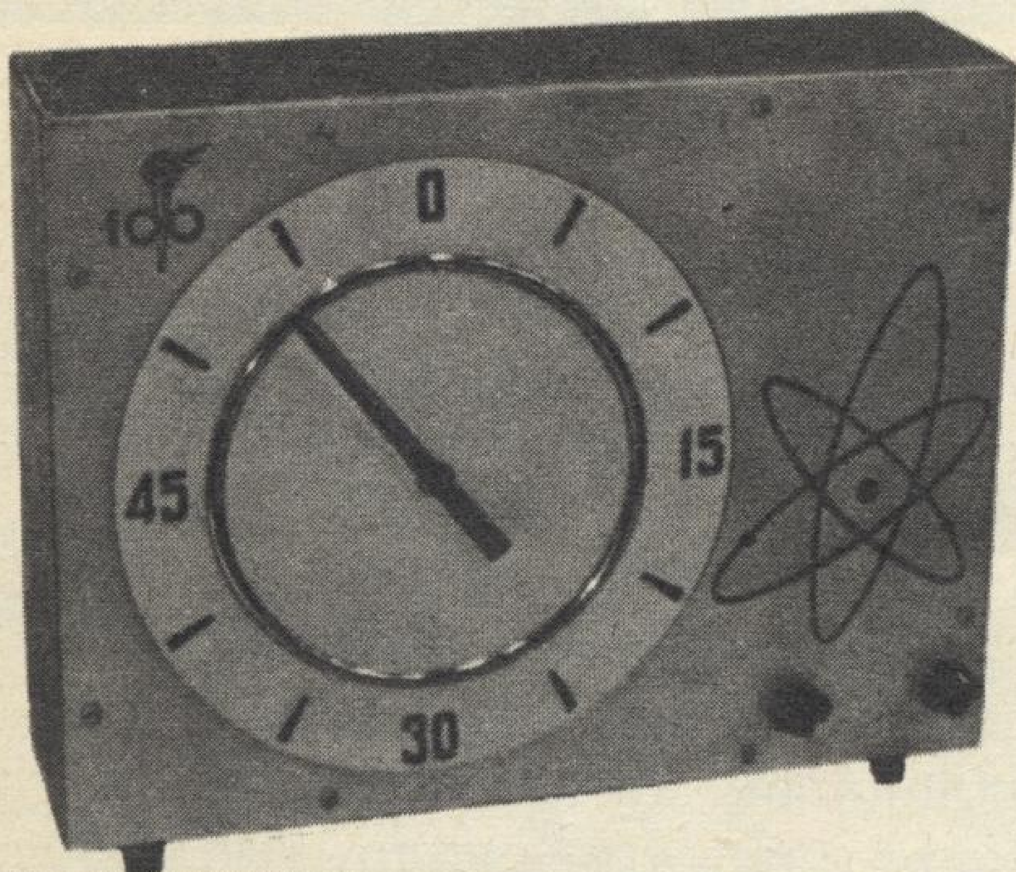
тельного завода А. Я. Рыбалко, В. К. Малаховский и А. В. Троян спроектировали такую машину, которая должна облегчить тяжелую работу металлургов. Чтобы проверить, хорошо ли она будет работать, конструкторы попросили ребят из клуба юных техников построить действующую модель. Юра Кисленко, Володя Журнев и Георгий Лукьяненко построили ее.

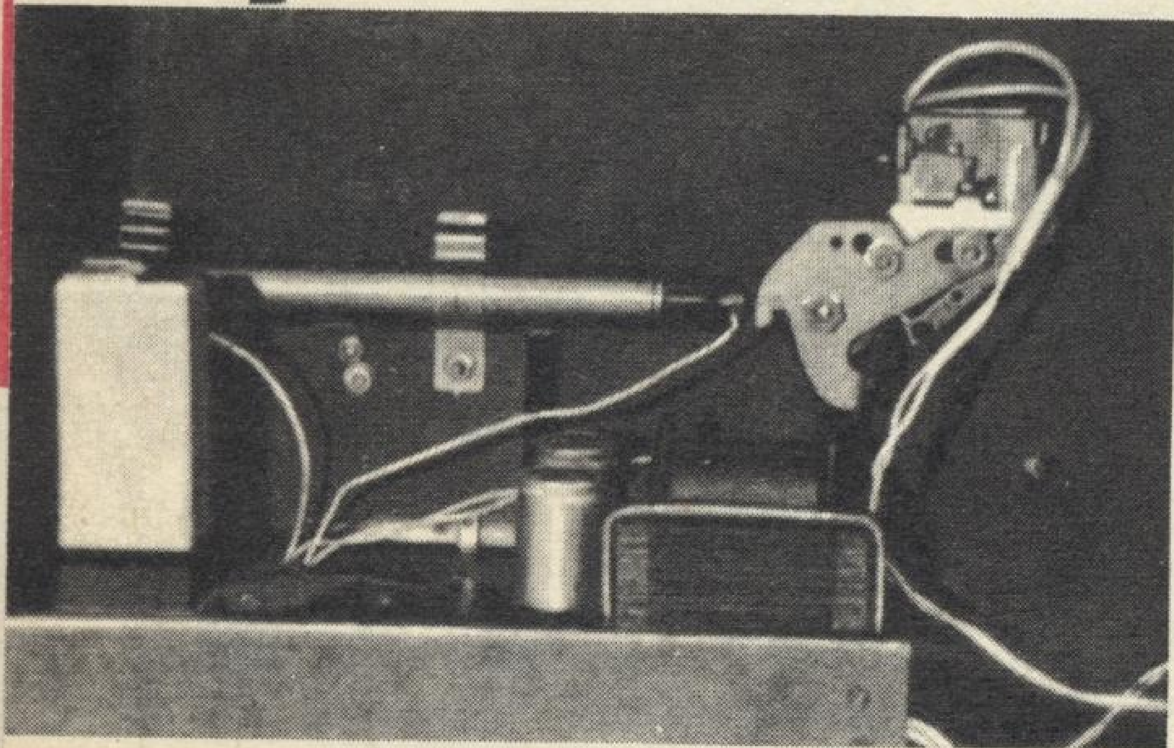
В корпусе из прозрачного органического стекла виден весь механизм. Вот электрический мотор привел в действие тележку, она покатилась по указанной ей дороге и кружным путем вернулась на старое место. А связанный с ней длинным штоком «скребок» сгреб шлак с поверхности металла и вновь вернулся за очередной порцией. Красивая модель, и выполнена она точно по чертежам.

Теперь построена настоящая машина. Она сэкономила уже сотни тысяч рублей.

Мы позвонили в Ново-Краматорск, на машиностроительный завод имени Ленина. Начальник конструкторского бюро Виктор Михайлович сказал нам:

— Ребята прекрасно разобрались в сложных чертежах и построили очень хорошую модель. Мы благодарны ребятам: они помогли нам наглядно показать работу нашей машины.

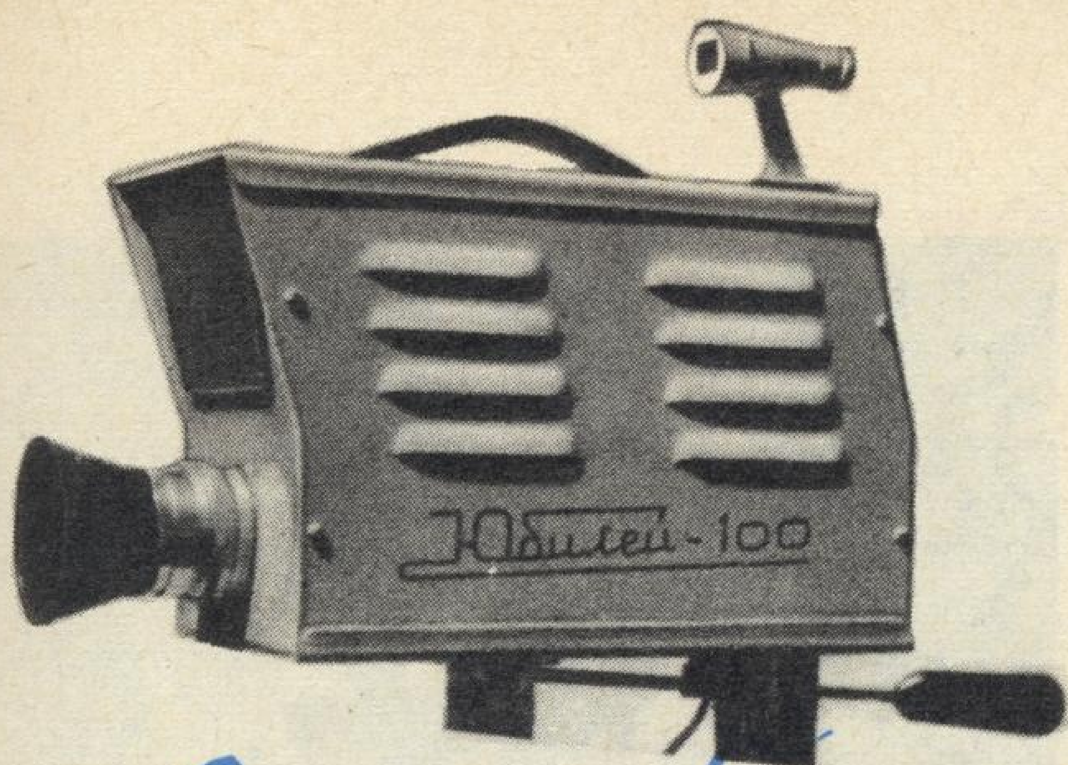




Что такое секунда?

Раньше, когда не было более точного эталона времени, за секунду принимали долю земных суток. А что такое земные сутки? Время, за которое Земля оборачивается вокруг своей оси. Но, увы, это время не так уж постоянно. И то, что считалось точным несколько десятилетий назад, сейчас не удовлетворяет ученых. Недавно они приняли за единицу времени новую секунду — определенную часть времени распада радиоактивного вещества. Более постоянное, независимое от внешних причин время людям неизвестно. И самые точные часы теперь не пружинные, не маятниковые, не солнечные, а атомные.

Криворожские школьники Толя Лялюшко и Володя Мороз сделали работающие атомные часы. Источник излучения в них — тот самый светящийся состав, которым покрывают иногда стрелки обычных наручных часов. Эти часы работают, и довольно точно: они ошибаются за сутки не больше чем на полторы секунды. Принцип их действия такой: есть в них трубка с двумя электродами, а внутри трубки — излучающий состав. Как только накопится в трубке достаточное, заранее рассчитанное количество заряженных частиц, происходит электрический разряд. Включается реле, и стрелка передвигается. Конечно, часам школьников далеко до эталонных. Но согласитесь: нужно хорошее чувство времени, чтобы конструировать не ходики, а действующие атомные часы.



Голубые экраны

Самые обычные телевизоры, какие есть сейчас в каждой квартире. Самые обычные режиссерские пульты, которые есть сейчас на каждой телестудии. А необычное в них вот что: все они сделаны в Курском Доме пионеров. Сделаны для показа передач собственной телестудии. Готовят передачи, работают с телекамерами, обслуживают сложное телевизионное хозяйство те самые ребята, которые собрали своими руками все это современное оборудование.

А их сверстники из белорусского города Орши сделали телевизионную камеру совсем для другой цели. Прежде всего их камера «Юбилей-100» небольшая, вроде ручного киноаппарата. Ее можно, например, установить в классе, чтобы студенты-практиканты, не мешая уроку, перенимали опыт у знающих дело учителей. Или поставить эту камеру в цехе, чтобы диспетчер по телевизору мог наблюдать, как идет работа. А если несколько таких камер будут стоять на разных участках улицы, то милиционер сможет следить за движением транспорта вдоль всей улицы.

Квартет

Изготовление любого музыкального инструмента — тонкое дело. Особенно смычковых: скрипок, альтов, виолончелей. Недаром всему миру известны имена выдающихся скрипичных мастеров.

В клубе свердловского завода «Уралмаш» скрипки делают школьники. На один инструмент уходит несколько месяцев. Надо подобрать нужные сорта дерева, обработать и довести его так, чтобы дерево пело. Для этого нужны не только хорошие руки, но и музыкальный слух, и знание законов акустики, и большое терпение.

На инструментах, сделанных свердловскими ребятами, играют и участники заводской самодеятельности и профессиональные музыканты. На выставке в Манеже был показан классический квартет: две скрипки, альт, виолончель — те, что заслужили похвалу специалистов.

Черемновская юбилейная

Весной 1964 года в Черемновской школе, на Алтае, начался интересный опыт. Юннаты решили вывести такой сорт пшеницы, которая хорошо чувствовала бы себя на Алтае. А природа Алтая суровая. Зима здесь холодная, затяжная. Сильные ветры сдувают снег, и тогда пшеница вымерзает. А то вдруг посреди зимы оттепель, всходы пшеницы покрываются ледяной коркой и задыхаются под ней.

Выбор пал на пшеницу «безостая-1». Она урожайная, но не выдерживает суровой алтайской зимы. Хорошо бы переделать эту пшеницу так, чтобы можно было ее сеять не осенью, а весной. И ребята занялись этим.

Намочили семена «безостой-1» и, когда они проросли, вынесли их на мороз и сорок дней яровизировали. Весной посеяли семена, а осенью собрали урожай. Снова яровизировали собранные семена, правда, уже не сорок, а двадцать дней, и посеяли их весной позднее, чем в первый раз. Шесть лет «воспитывали» ребята пшеницу и добились своего. В год комсомольского юбилея получили долгожданную яровую (оттого-то и назвали ее «юбилейной»). По всем статьям удалась пшеница: зерно у нее тяжелое, крупное. Ветра она не боится, головня и ржавчина ей не-

страшны. Убирать «юбилейную черемновскую» легко: до 20 сентября простояла она в поле и не полегла.

В распоряжение учебной бригады черемновской школы совхоз «Стуковский» отдал 65,5 гектара пахотной земли, два трактора, грузовой автомобиль, сельскохозяйственные машины. И по урожаю зерновых бригада обогнала совхоз, вырастила более высокий урожай.

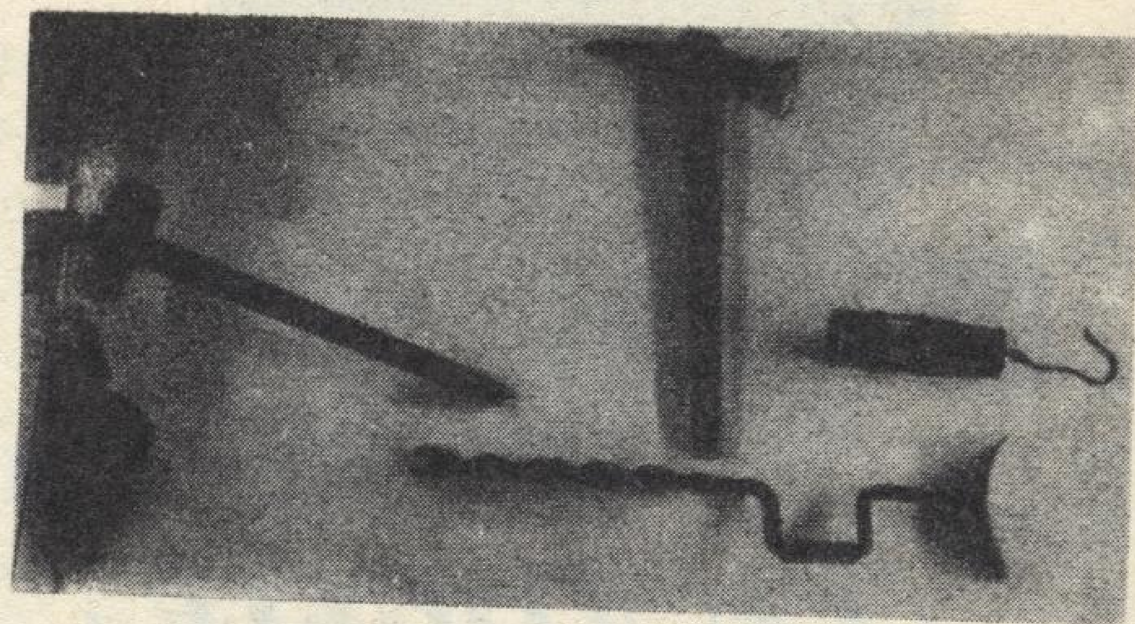
Стаж у бригады черемновских школьников солидный — восемнадцать лет. И главный агроном и многие совхозные механизаторы когда-то работали в ней. Сейчас в бригаде больше двухсот школьников, начиная с пятиклассников и кончая десятиклассниками, а возглавляет бригаду учитель биологии И. Александров.

Я занимаюсь селекцией всю жизнь, а мне уже больше восьмидесяти лет, и знаю, что каждый новый сорт — это итог долголетней работы. Селекционер не кабинетный ученый. Это вечный труженик. Из лодыря, из нетерпеливого человека селекционера не получится.

Я вспоминаю свою работу в Сибири. Было это давно, лет пятьдесят назад. Время тогда было тяжелое, голодное. Вот тогда-то и вывели мы озимую рожь «тулунская зеленозерная», которая до сих пор дает высокие урожаи. Начали мы с изучения местных крестьянских образцов, высеяли пять-шесть тысяч сортов в одинаковых условиях, ухаживали, обрабатывали, а когда посмотрели, какая у них зимостойкость, часть отбраковали, а морозостойкие формы взяли за исходный материал. После обмолота лучшие семена вновь высеяли, и так в течение многих лет. Новый сорт был выведен и получил аттестацию лет через десять. Так создается каждый новый сорт. За всю свою долгую жизнь я вывел семь-восемь сортов. У черемновских ребят меткий глаз, по малейшим деталям они умеют выделить достойные растения. И знания у них есть. Я рад, что на Алтае растут такие трудолюбивые ребята.

Герой Социалистического Труда,
доктор сельскохозяйственных наук
В. Е. ПИСАРЕВ.

Знамя одного из первых пионерских отрядов — он родился в 1924 году в Нижегородском детском доме — разыскали юные следопыты Горьковского Дворца пионеров. Знамя хранится теперь в Музее пионерской славы.



ОНИ — ГОРНЯКИ потомственные

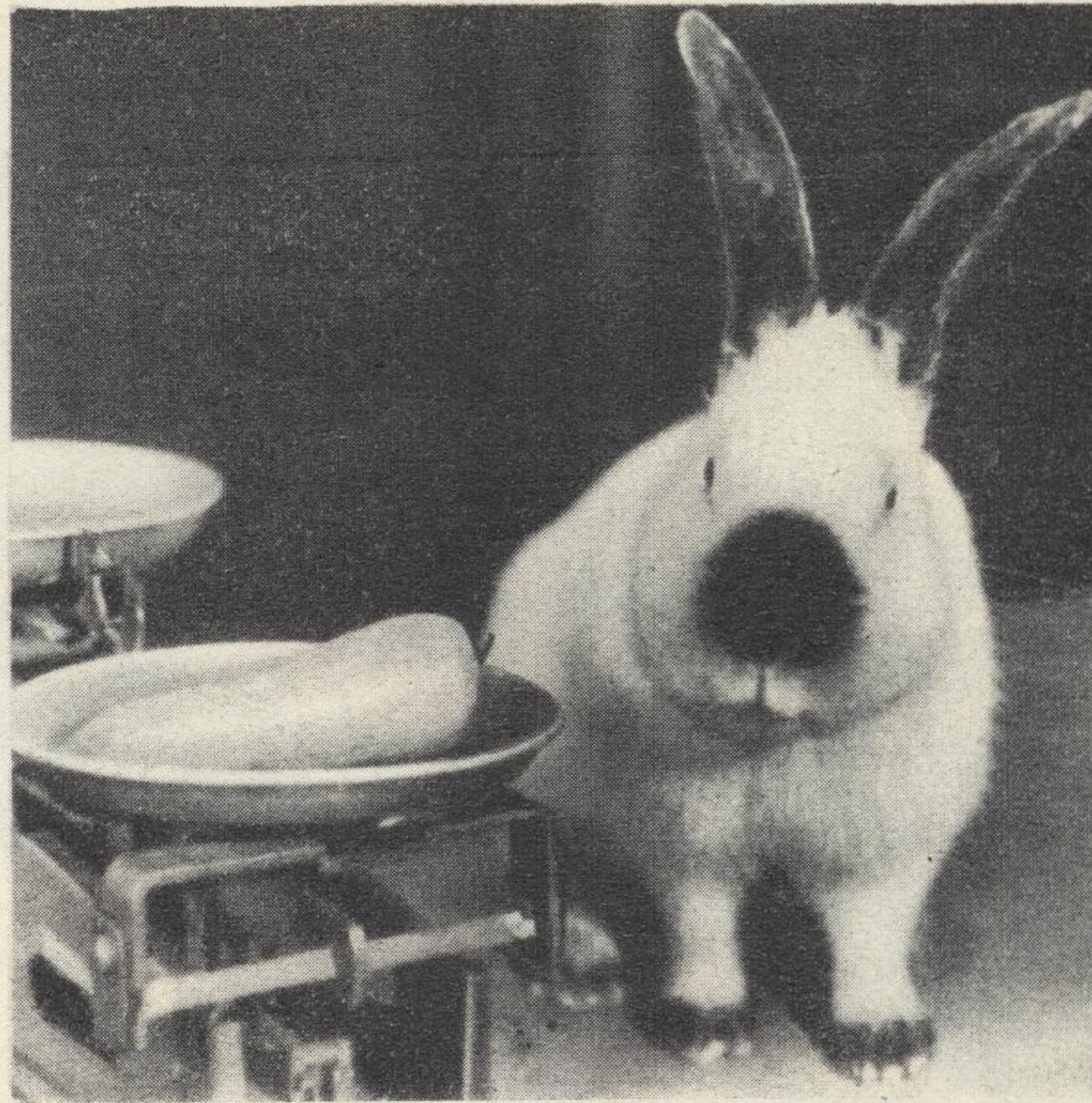
Обушок, кайло, ручное сверло — простые, тяжелые, уставшие от долгой работы вещи, орудия шахтерского труда. Название ласковое — «обушок», а на деле это здоровенный такой молотище, непривычной рукой и с места его не сдвинешь! Кайло и вовсе на вид похоже на старинное оружие, секиру или, может быть, алебарду: с одной стороны — лезвие топора, с другой — кол заостренный. А шахтерская лампа с виду хоть и смахивает на обычную керосиновую, отличается от той, мирной, освещавшей когда-то обеденный стол у твоей прабабушки, густой металлической сеткой, которой забран огонь, чтобы не взорвался рудничный газ. А то не миновать беды.

Свидетели и участники суровой, полной опасностей работы в старых, примитивно оборудованных угольных шахтах, эти вещи собраны и хранятся в музее школы № 21 города Киселевска, Кемеровской области.

Называется музей «Шахтерская слава», и возник он вот почему.

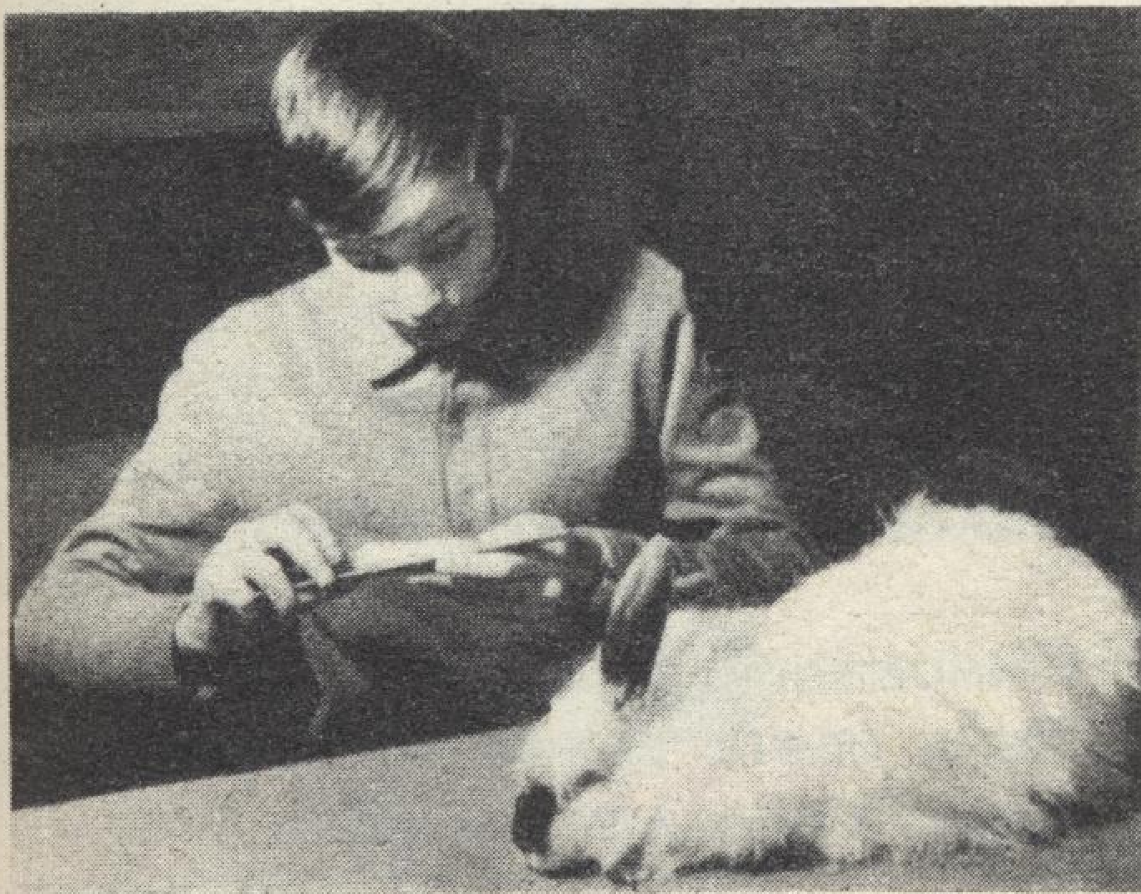
Киселевск — крупный центр добычи угля в Кузнецком бассейне, с углем связана вся промышленность города. И вся его ежедневная жизнь. У всех ребят родители работают — кто на шахте, кто на заводе угольного машиностроения, кто на станции подземной газификации угля. Горняками, наверное, станут почти все ребята: окончат школу и пойдут если учиться, то в горный техникум, а если работать, так на шахту или на завод. И кое-кто окажется потомственным угольщиком в третьем, а то и в четвертом, в пятом поколении: Киселевск — город совсем молодой, но вырос он на месте старо-

ЮННАТСКИЙ ГОРНОСТАЕВЫЙ ПУХОВЫЙ



— Вот это великан! — удивлялись посетители Выставки достижений народного хозяйства, разглядывая огромного пушистого кролика, белого, с черными ушами и черным носом. И еще больше удивлялись, когда узнавали, что вывели породу — юннатский горностаевый пуховый — ученики лосино-петровской школы Московской области.

Кролиководческая ферма в этой школе существует уже двадцать лет. Как-то одна девочка принесла в живой уголок крольчиху. Вскоре она родила восьмерых крольчат. С этого все и началось. Хозяйство развивалось быстро, кролики очень плодовиты: быстро размножаются, быстро растут. Но и ухода требуют внимательного. Сырости они боятся, от перегрева у них обмороки, траву не всякую едят. И если бы не учительницы Любовь Евсеевна и Ираида Сергеевна Тихомировы, кролики вряд ли бы прижились. С самого начала приучили они ребят делать все по науке: составлять рацион питания, разбираться в полезных и вредных для кролика растениях, вести дневник наблюдений, ставить опыты.



Ребята сами ремонтируют клетки и сарай, где помещается кроликоферма, сами тщательно чистят клетки, сами заготавливают на зиму картошку, морковь, капусту, сено, веники из ивовых веток, а главное, все время наблюдают за своими питомцами.

Крольчата очень похожи на своих родителей и внешностью и характером. Недаром Галя Русяева записала в дневнике: «Сын Любимчика и Крошки бросается и кусается, как их бабушка Буланка. Даже лапками бьет и совсем не дает собирать пух. Наверно, это передалось от отца и бабушки».

К счастью, передаются и хорошие качества. А если их поощрять? Скрещивать лучшие породы, отбирать лучших, снова скрещивать, снова отбирать?

Скрещиванием и отбором юннаты улучшили многие породы: сделали более крупным русского горностаевого кролика, развели кроликов, шкурку которых трудно отличить от шкурки норки.

Но, главное, вывели вот таких крупных пуховых кроликов. Весят они около четырех килограммов, длина их пуха почти двенадцать сантиметров. Более десяти лет работали ребята, пока получили новый устойчивый вид — юннатский горностаевый пуховый.

В школу к ребятам приезжает много гостей. Всем, кто заинтересовался новой породой, ребята дарят кроликов. И вот теперь со всех концов страны: из Благовещенска и Ялты, Мурманска и Калуги, Кирова и Ленинграда — в лосино-петровскую школу приходят письма, в которых кролиководы благодарят ребят за выведенную ими породу.

«Лосино-петровская школа — одна из лучших в стране по разведению различных пород кроликов, — говорит старший зоотехник Министерства сельского хозяйства СССР Михаил Сергеевич Погодин. — Своими экспериментами ребята не только помогают ученым, но и сами приобщаются к науке».

го шахтерского поселка. Его жителей, его традиции и его историю получил в наследство.

К шахтерам у местных ребят интерес особый — тут и прошлое их города и их, ребят, будущее.

Для своего музея ребята сделали два макета шахты в разрезе: старой, где добыча велась вручную, и современной, где работы механизированы. Собрали действующую модель экскаватора — тут школьникам помогли студенты из горного техникума. А современную шахтерскую каску — легкую, с электрическим фонарем, работающим от аккумулятора, — подарили музею в день рождения школы знатные шахтеры города. Да не просто подарили, а расписались на ней каждый несмываемой краской! И еще подарили им (на этот раз студенты горного техникума) авторучку шариковую в виде отбойного молотка, вгрызающегося в породу. Копия совершенно точная, а ручка безотказная. Проверено и то и другое!

Кстати сказать, ребята из 21-й школы не только собирают экспонаты и мастерят модели. Они дотошно изучили историю своего края и теперь работают в школьном музее экскурсоводами. Как видно, неплохо работают, если в «Книге отзывов» многие записи начинаются словами: «Нам очень понравилось...», — а кончаются сообщением: «Мы тоже хотим стать шахтерами».

Самые умные машины, самые сложные модели, самые интересные находки, рисунки, вышивки собрались на выставке в Манеже. Можно только порадоваться, что такое множество ребят любит и умеет создавать, что все они ищут, к чему приложить свои руки.

Мы радуемся за всех юных мастеров — и за тех, кто изумляет всех своими успехами, и за тех, у кого пока мало что получается, — за всех, кто мечтает, сочиняет, творит.

Виталий КОРЖИКОВ

Остров

Прибоями омытый,
Вдали от всех тревог
Стоит незнаменитый,
Забытый островок.

Стоит себе неброско.
Лишь светятся вдали
Случайная березка
Да чайки на мели.

А я его порою
В пути благодарю,
А я ему порою
«Спасибо!» говорю.

Не знаменит одежкой,
Ведь это он со скал
Листвою, как ладошкой,
Матросу помахал.

Пусть невелик, но светел,
За столько дней один
Меня приветом встретил
И с грустью проводил,

Плеснул волной: «Зашли бы
На часик к дикарю!»
И я машу: «Спасибо!
Спасибо!» — говорю.

Оглядываюсь с вышки,
Светло и грустно мне,
Как будто я братишку
Оставил в стороне.

Морской камень

Я ехал в песках плоскогорья
И вот у ветшающих скал
На дне пересохшего моря
Диковинку вдруг отыскал.

Смеркалось. Пустыня уснула.
Но в свете вечерней зари
Вдруг капелька в камне блеснула
С морскою травинкой внутри.

Гранит, переполненный влагой!
То море, что нынче мертво,
Когда-то с шуршащей ватагой
По миру катало его.

Каких повидал он громадин,
К каким он глубинам привык?
Прочти иероглифы ссадин,
Распутай их гордый язык!

Но схлынули волны; и, споря
С песками, вдали от дорог,
Он сжался, а каплю, а море
В прозрачном сердечке сберег.

Он тверд, но прозрачнее воска,
И только на свет посмотри —
Живет горизонта полоска,
Качается море внутри!

Я вез этот камень по свету,
По сотням далеких дорог.
И сам я, как кремушек этот,
Порой каменел от тревог.

Случались и беды и горе,
Сушили в степной стороне...
Но синие волны, но море
Качалось и пело во мне.

Трамвай

Среди шумихи городской
Под дружный крик «Давай!»
Сажусь на улице Морской
Я в свой родной трамвай.

Старик тихонько дребезжит,
Бежит и час и два,
А сбоку царственно лежит
Морская синева.

Суда веселые плывут,
Кочуют по волнам
И, увидав дружка, зовут:
«Давай, братишка, к нам!»

Что тут ответишь? На бегу
Мотаешься, как пес,
Торчишь весь век на берегу,
Не замочив колес!

И хоть понятно, никуда
Не денешься от рельс,
Трамвай решает иногда:
«Сбегу! Последний рейс!»

И вдруг он чует дым в трубе,
Матроса за рулем,
И вдруг он кажется себе
Бывалым кораблем.

Плывет, качается слегка,
Минует берега,
Бортами кажутся бока
И парусом дуга.

Друзья кричат:
«Не забывай!»
Вокруг богатыря.
Подумать, их родной трамвай
Отправился в моря!

И я плыву и не спешу
Толкаться у дверей.
Мечтаю тихо и дышу
Туманом всех морей.

Везет меня мой верный друг
Домой в вечерний час —
Плывем, пока трамвайный
круг
Не разлучает нас.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Мальчишки Парижской коммуны

Римма КАНДЕЛАКИ

Сто лет назад — 18 марта 1871 года — в Париже победила пролетарская революция.

Всего семьдесят два дня существовала Парижская коммуна, отрезанная и от Франции и от всего мира штыками вражеских армий. Но за эти дни Коммуна сделала то, чего не сделала вековая история. Восставший народ Парижа сломил буржуазное государство и создал новую власть, власть трудящихся — диктатуру пролетариата.

Каждый год 18 марта французские коммунисты устраивают торжественное шествие на кладбище Пер-Лашез, к Стене коммунаров, где были расстреляны последние герои Коммуны.

Десятки тысяч рабочих, бойцов Национальной гвардии отдали за Коммуну свою жизнь. Под натиском контрреволюционных армий они отчаянно дрались за каждую улицу, каждую пядь мостовой, не покидая баррикад по многу суток подряд. Рядом с бойцами Коммуны сражались сотни парижских мальчишек, не уступавших в мужестве взрослым...

Ох, и лютая выдалась в тот год зима.

Сожгли заборы, спилили деревья на бульваре, стащили леса вокруг дома, которому все равно не суждено было быть достроенным,— ничего не помогало. Ребята коченели от холода. В хибарах и тесных каморках рабочих жилищ оседал иней на стенах, ступени покрывал лед. Обледенели фонтаны и колодцы. Куда веселее собираться дружной вата-

Рисунки Е МЕДВЕДЕВА.

гой на пустыре и, разложив костер из всяческого хлама, беседовать о новостях.

Новости были интереснейшие.

В декабре из зоологического сада продали на мясо двух слонов и медведей.

— А почем нынче кошки? — деловито справлялся кто-нибудь из ватаги.

И ему отвечали, что кошачье мясо на рынке идет по двадцать франков фунт, собачье — по четыре франка, ворона — пять франков, а голуби... ну, голубей съели еще в начале осады.

— Долго ли пруссаки будут держать город в кольце? — задумывался вслух кто-нибудь из мальчишек.

— Их сюда не пустят...

— Кто не пустит?

— Наши отцы не пустят. Или ты забыл про пушки?

Четыреста пушек отлили парижские трудящиеся на собственные деньги — об этом ребятам рассказывала в школе учительница. Теперь орудия стоят на всех холмах, на всех горках Парижа. Берегись, пруссак!

Вокруг костра становилось веселее. Четыреста пушек — это здорово. Учительница говорила на уроке: «Смотрите, что может сделать народ, когда он дружно берется за дело, когда защищает свое отечество».

Толковали об учительнице. Луиза Мишель — таких, как она, поискать. Ходит в военной форме, командует патрулем Национальной гвардии, по утрам в школе учит...

— Моя мама тоже ходит с ружьем, — скромно заметил худенький светловолосый Леруа.

— И моя! И моя! — понеслось отовсюду, и вокруг костра воцарилось веселое, горделивое хвастовство. Ликование вызвал приход «меткого стрелка» Жака с двумя воронами, подбитыми из рогатки через чердачное окно. Ворон тут же ощипали и поджарили на выдернутом из железной ограды пруте. И хотя «дичь» была жесткой, безвкусной, как всякое мясо без соли, ее, разделив по-братски, тотчас уничтожили.

Кто-то вспомнил о владельце ресторана в богатом квартале. Говорят, он получил в подарок от своих клиентов золотую медаль. В благодарственном адресе (по случаю дня рождения, что ли) ему написали: «Вы никогда не дали нам почувствовать, что мы живем в осажденном городе». Подумать только, там ели жирный суп буйябесс и даже засахаренные каштаны!

Тьфу! Мальчишки плевались от возмущения, один заорал, что пора всех аристократов перевешать, и, не сговариваясь, хор грянул дружно старую песнь еще времен революции 1793 года:

Ah ça ira, ça ira, ca ira...

Хорошо притопывать под такой боевой припев: ногам теплее, на душе легче.

— Тихо! — раздался мужской голос, и из мрака выступил глава патруля Национальной гвардии, широкоплечий мужчина. — Не орите, ребята. Вы забыли: враг близко. Надо держать ушки на макушке, иначе подкрадется, а мы не услышим. Идите-ка по домам. Вашим родителям спокойнее, когда вы под крышей.

Это был приказ, а приказ положено исполнять.

Вздыхая, ребята разошлись. Старшие перемигнулись и гурьбой повалили к Эрнесту Дюнану, отец которого, работая на оружейном заводе, получал по карточкам немного угля. Там можно остаток ночи провести у горячей жаровни, болтая шепотом, чтобы не разбудить сестренок.

А пушкам Парижа действительно грозила опасность

Она надвигалась вкрадчиво и неслышно, не со стороны пруссаков, как думалось мальчишкам, а изнутри. Предательство ползло из старинного Версальского дворца, где когда-то жили короли Франции.

Версаль находился всего в восемнадцати километрах. В конце зимы там засели враги рабочего Парижа, богачи, аристократы. Их верным слугою был Тьер, глава буржуазного правительства, «злобный карлик», как прозвали его социалисты. Тьер потихоньку сговаривался с германским канцлером Бисмарком о том, как удобнее, без боя сдать французскую столицу императору Вильгельму I.

Бисмарк и Тьер поняли друг друга. Для виду немецкие войска даже отошли немного. Но пушки, пушки! Сторожевые орудия рабочего Парижа стояли на всех холмах, их жерла были повернуты в сторону врага. Как справиться с этими пушками?

Тьер велел тайно налепить на стенах парижских домов афиши-прокламации, в которых объявил, что пушки Национальной гвардии «похищены у государства». Ночью началось осторожное продвижение в город военных частей. Шли жандармерия, полицейские и отряды бретонских солдат. Бретонцев послал один знатный генерал. Сам родом из Бретани, он рассчитывал на отсталость и невежество своих солдат. «Они у меня совсем дикие», — хвастал генерал.

Чуть-чуть светало. Край неба позеленел, как бывает перед рассветом. Звезды еще мерцали. Поеживаясь от холодного ветра, Луиза Мишель шла с патрулем в дозор. Внезапно ей послышалось движение на холме. Сомнений быть не могло — там осыпались камни. Значит, кто-то стаскивал пушки вниз, одну за другой. Наши пушки!

— Стой! Кто идет? — крикнул неподалеку караульный.

В ответ грянул выстрел. Караульный рухнул, обливаясь кровью.

— Враги! На помощь! — отчаянно кричала Луиза Мишель. Перевязав раны часового, она выстрелила в воздух раз, другой. Ее услыхали женщины, собравшиеся на рассвете кто по

воду, кто в очередь за кониной. Бросились к мэрии с криком:

— Измена! Враги в городе! Они уводят пушки!

Послышался топот бегущих ног, звон сабель, щелканье затворов, проклятия врагу.

— Отобьем пушки! — кричал народ. — Не беспокойтесь, гражданки. Не отдадим орудий.

И грянули колокола Парижа.

Сколько раз они поднимали тружеников на защиту революции, колокола великой столицы! Их набат гремел, призывал, внушал отвагу. Так случилось и теперь.

Напрасно «злобный карлик» Тьер рассчитывал на свои регулярные воинские части. В то мартовское утро совершилось чудо: толпы народа окружили военных. Народ призывал:

— Братья, не стреляйте в нас, здесь все свои! Не убивайте ваших отцов, матерей, сестер!

И тогда солдаты подняли ружья прикладами вверх.

— Они поднимают винтовки прикладами вверх! — ликовала на трибуне Луиза Мишель.— Победа! Граждане Бретани, вы тоже простые люди, будьте и вы с нами.

И «дикие» бретонцы подняли оружие прикладами вверх.

Несколько полицейских под командой разъяренных офицеров-версальцев пробовали стрелять в толпу. Их окружили, разоружили и отправили в тюрьму.

Под вечер из столицы мчалась карета с зашторенными стеклами. Кто-то очень низенький, с коком на голове, в измятом фраке торопил кучера:

— Скорее, скорее, скорее!..

Это правитель Тьер удирал в Версаль, тайно известив немецкое командование: «Чернь перешла в наступление, положение опасное, помогите!»

Воскресенье 19 марта 1871 года было не просто солнечное. Это был яркий праздник, который суждено помнить до конца жизни.

Везде по ветру полощутся алые знамена. На груди у всех граждан приколоты красные кокарды. Мальчишки прикрепили красные ленточки к школьным беретам. Впрочем, какие там береты?! Это для малышей. Подростки считали за честь носить отцовские кепи, как солдаты Национальной гвардии. На скульптурный бюст, изображавший Францию, надели красный фригийский колпак, символ Свободы.

Руководители восставшего Парижа проводили бессонные ночи, среди множества важных дел составляли списки народных представителей. А десять дней спустя на всех площадях зазвучали оркестры. Им откликнулись вдали пушечные салюты. На трибуну поднялись избранники народа.

Мальчишки висели на железных оградах, некоторые сидели на черепичных крышах — оттуда виднее! — и говорили, показывая друг другу:

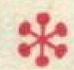
— Вон там Лефрансе, учитель нашей школы. А с ним рядом Шардон, котельщик. Тот высокий — Дюваль, литейщик, смелый боец, его все рабочие уважают. А тот, что уселся сбоку и делает зарисовки в альбомчик, художник, забыл, как его зовут. Он тоже в правительстве.

Когда окончилась официальная часть провозглашения Коммуны, на всех парижских площадях началось веселье. Ребята тоже плясали и пели. А поздно вечером, когда их возбужденная ватага направлялась домой, Эрнест Дюнан, ставший вдруг грустным и серьезным, сказал:

— Я думаю: если придется отдать жизнь за великую идею, то я готов.

— Надо будет — все пойдем сражаться,— поддержали его приятели.— Мы все за Парижскую коммуну умрем.

Они не знали, как скоро им придется доказать это делом.



Мирные недели Коммуны подходили к концу.

На монетном дворе чеканили новую монету, бездомных вселяли в квартиры бежавших богачей, в школах (впервые в мире!) ввели бесплатное обучение.

Парижская коммуна «во имя свободы совести и справедливости» взялась за реформу школ. То была подлинная революция. Ведь до 1871 года больше половины французских детей училось в католических школах. Там были железные решетки на окнах, повсюду кресты и распятия. Угрюмые монахи в черных одеждах учили закону божьему. Жестоко наказывали, заставляя провинившихся носить власяницу, били. А теперь в восьмом ок-

руге Парижа, например, школьников встретила приветливая молодая учительница с букетом маргариток и повела в классы. Ребята увидели вместо решеток распахнутые окна, свежевыкрашенные стены и парты сверкали солнечными бликами, на кафедре учителя — большой глобус, на книжных шкафах — чучела зверей.

Первый урок учительница начала словами:

— Дорогие дети, никакого бога нет, молитвы нам не нужны, споем лучше хором нашу «Марсельезу».

Радостно грянули ребята великий гимн свободы: «Вперед, отечества сыны...»

В одной католической школе монахи заперлись и на требование освободить помещение ответили градом камней. Тогда видный деятель Коммуны рабочий Аллеман крикнул в окно привратнику:

— Если через десять минут вы все не уберетесь, я арестую всех и пошлю на передовую рыть окопы под бомбами версальцев!

И монахи исчезли, разлетелись, словно воронье. Отцы будущих школьников, войдя в дом, засучили рукава и принялись плотничать, красить, обновлять помещение. Над входом взвился плакат: «ТРУД ДЛЯ ВСЕХ».

Особое оживление вызвала толчея возле «тетушек». Так простой народ с давних времен прозвал парижские ломбарды. Оттуда бедняки несли по домам перины, подушки, узлы с одеялами, сундучки с рабочим инструментом. Ведь один из декретов Коммуны объявил: ломбарды возвращают все залоги трудящимся безвозмездно.

Во многих церквах собирались рабочие клубы. По вечерам здесь слышалось стройное пение революционных песен. Многие женщины ходили в клубы с детьми на руках.

В одном таком клубе перед сотнями людей выступила однажды прачка:

— Если бы я была правительством, я бы устроила так, чтоб и рабочие могли отдыхать. Я работала у буржуазии сорок лет без отдыха. Даже на Новый год работала, даже на пасху. Теперь надо бы построить дома за городом, где бы и рабочие могли отдыхать (конечно, не все сразу) и хоть чуточку развлекаться. Если б народ имел каникулы, как богачи, он бы не жаловался. Вот что я хотела вам сказать, граждане.

Так поведала коммунарам свою мечту парижская прачка ровно сто лет назад.

*

А враг не дремал. Два хищника стояли у ворот Парижа, две огромные армии: сто тридцать тысяч версальцев и сто пятьдесят тысяч пруссаков. Великий город переживал дни тревог.

Мальчишки Парижа, обучившись стрельбе, теперь готовились к бою. Надо было помочь взрослым строить баррикады — парнишки возили землю в тачках, разбирали мостовые, опрокидывали ворота, решетки. Свыше пятисот баррикад возникло на улицах города.

Но слишком многое оказалось гибельным для Коммуны. Слишком великодушны были коммунары. Они не приняли крутых мер против буржуазии, хотя этого требовала обстановка. Пробираясь в ряды Национальной гвардии, враги выведывали пароли, узнавали слабые места укреплений и передавали свои сведения версальцам и пруссакам.

Так поступил один мелкий служащий. Ему доверила Коммуна строительство линии обороны. Улучив минуту, предатель влез на остатки укреплений и помахал белым платком.

— Входите! Здесь никого нет.

Бесшумно, сперва мелкими отрядами, потом батальонами, потом корпусами армия версальского генерала Мак-Магона ворвалась 21 мая в Париж.

И тогда наступили страшные, кровавые дни расстрелов без суда. Десятки тысяч людей были убиты на улицах, в домах. Тяжелораненых приканчивали в лазаретах.

Расстреливали тех, кто носил штаны с красной полоской или обувь военного образца. Тех, у кого был след на правом плече от ружейного приклада. И тех, у кого были просто мозолистые руки.

Но пролетарии не сдавались без боя.

Палач Коммуны — отныне он войдет в историю под этой кличкой — генерал Мак-Магон докладывал правительству в Версале:

— Некоторые сражались с невероятной энергией, были такие, которые умирали на баррикадах с красным знаменем в руках. Кажется, чернь считает священным долгом бороться за независимость Парижа!

Генерал был вне себя от ярости, видя, что коммунары умирали, как солдаты.

Потом начались «суды». Стоял жаркий июнь 1871 года. Дым пожарищ еще окутывал город.

Что же наши мальчишки?

Эрнест Дюнан во главе юношеского отряда взял в штыки баррикаду в Мулино, вышиб оттуда целую свору врагов, водрузил красное знамя, но пал, сраженный пулей предателя. Брат его — Феликс погиб, пытаясь унести тело Эрнеста. Перед этим Феликсу удалось уничтожить немало ненавистных версальцев.

В отряде Дюнанов сражались и их товарищи по школе. Ребят захватили в плен озверевшие враги. Допрашивая, били беспощадно. Подростки замыкались в себе, ничего не говорили следователям, все отрицали или сочиняли какое-нибудь объяснение, от которого никаким образом не отступали. Многих из них приговорили к длительному заключению, отправили в дальние деревни на самые тяжелые работы. Будущие батраки шли, шатаясь, связанные веревкой, но на лицах их, закопченных и исхудавших, можно было прочесть что угодно — озлобленное упорство, усталость, горе,— только не страх.

Один версальский сенатор неодобрительно отозвался о приговоре суда над детьми — назвал его «слишком мягким»:

— Их нельзя оставлять в живых! Что будет, если через десять лет эти сопляки вспомнят то, что они видели сегодня? О, тогда нам несдобровать!

А через десять лет была амнистия.

С разрешения буржуазного правительства уцелевшие коммунары — их осталось так немного — вернулись с каторги, из ссылок и изгнания. Куда? Конечно, в любимый Париж.

Они брели по городу, не веря глазам и ничего не узнавая: на центральных улицах сверкали золоченые вывески банков, катились элегантные экипажи с пузатыми дельцами и богатыми дамами. По бульварам прогуливались щеголи с тросточками.

«Неужели именно здесь мы выбирали камни из мостовой, возводя баррикады, а вон там, забравшись на крыши, палили в версальцев, притаясь за выступами чердаков?»

Усталые, поседевшие, герои Коммуны тихо ступали по мягкому песку аллей, обмениваясь горькими улыбками. Что делать им, пролетариям, в нынешней столице капитала? Но тут случилось неожиданное.

Их узнали.

Сперва десятки, потом сотни людей потянулись к бывшим коммунарам.

— Они вернулись! — летела весть из уст в уста, перекидываясь из нарядных кварталов в скромные улицы рабочих предместий.— Вы слышали? Они вернулись!!

И понемногу в парке собралась громадная толпа. Раздались крики «Ура!». Полетели вверх шапки. Раздался тысячеголосый крик:

— Да здравствует Парижская коммуна!

Женщины плакали, целуя ветеранам руки. Девушки кинулись расспрашивать:

— Скажите, вы видели моего папу? Его сослали в рудники Каледонии. Расскажите, какой он был. А моя мама? Я ведь только смутно помню, как она выглядела. Ее звали Кристина д'Аржан. Она была канониром, стреляла из пушки...

Вопросам не было конца. Девочка лет тринадцати с алой ленточкой в толстой белокурой косе протиснулась сквозь толпу, назвала себя Эрнестиной и торопливо спросила:

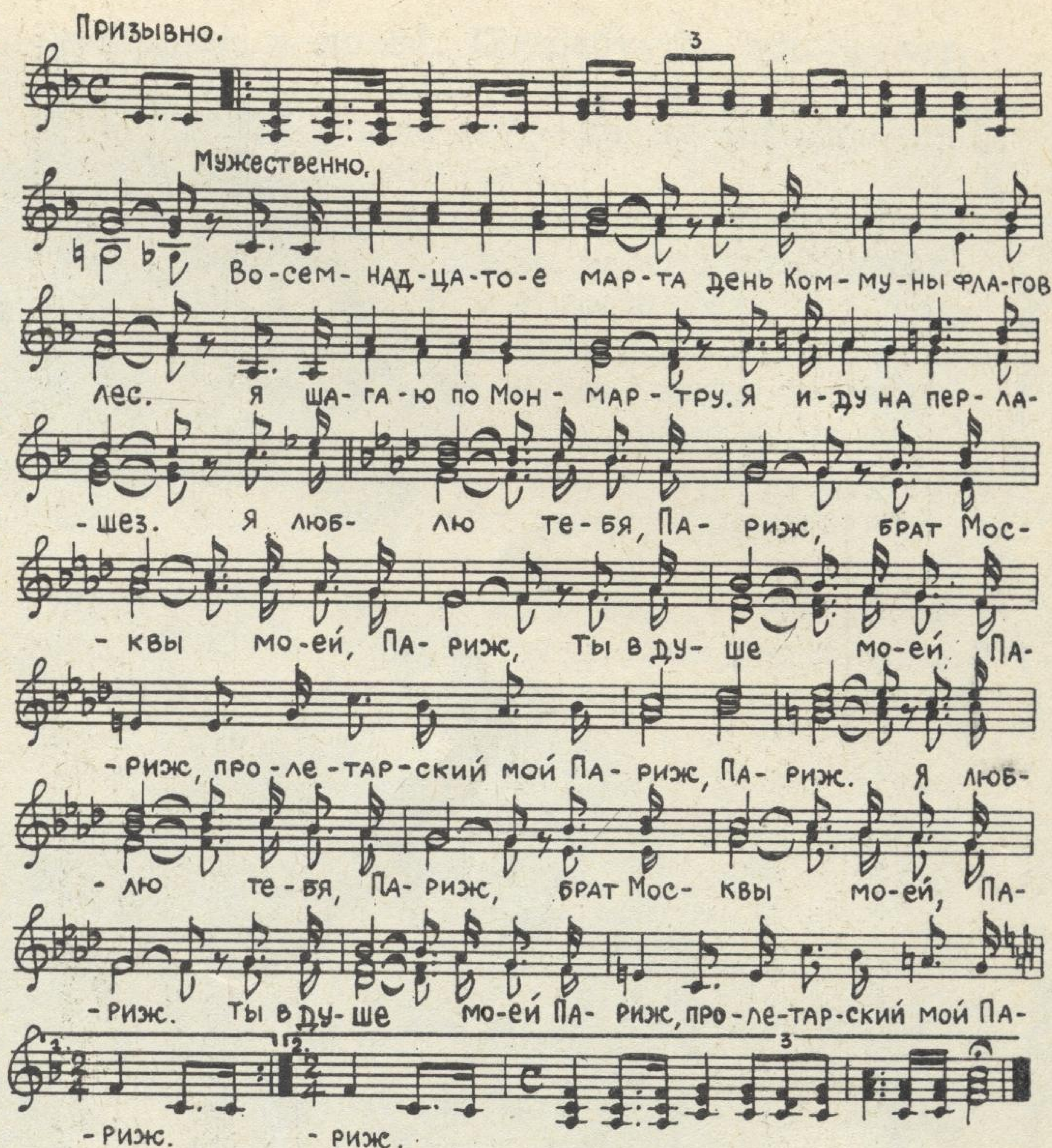
— Как держался на баррикаде мой брат — молодцом? О, до чего обидно, что я была мала, не умела помочь...

— Да здравствует Парижская коммуна! — гремело раскатами вокруг.

И в страхе шарахались, отступая, богатые дамы и щеголи. Злобно косились дряхлые генералы, носившие старые версальские ордена на выпяченной груди. Те и другие спешили уехать из парка.

— Кто бы мог подумать, что прошлое вдруг оживет,— хрипел жирный коммерсант, торопливо садясь в коляску.

Нет, ничто не умирает в памяти народной. «Дело Коммуны... бессмертно»,— скажет Владимир Ильич Ленин многие годы спустя.



Слова А. КОВАЛЬ-ВОЛКОВА.
Музыка М. ПРОТАСОВА.

Песня о КОММУНЕ

Восемнадцатое марта.
День Коммуны. Флагов лес.
Я шагаю по Монмартру.
Я иду на Пер-Лашез.

Припев:

Я люблю тебя, Париж,
Брат Москвы моей, Париж,
Ты со мною говоришь,
Пролетарский мой Париж!

Я встаю у изголовья
Той несломленной стены,
Коммунаров честной кровью
Камни здесь обагрены.

Припев.

И на Пресне в бой недаром,
Как твои, Париж, бойцы,
Вышли наши коммунары,
Наши деды и отцы.

Припев:

Я люблю тебя, Париж,
Брат Москвы моей, Париж,
Ты со мною говоришь,
Пролетарский мой Париж!

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ВСЕХ

Евгений **КУБИЧЕВ**,
корреспондент газеты «Комсомольская правда».

Конечно же, ты знаешь, что такое Вьетнам. Ты знаешь, что в этой далекой теплой стране уже много лет идет война. Огромная армия Соединенных Штатов Америки пытается поставить на колени маленький, но небывало мужественный и гордый вьетнамский народ.

На этой войне, как и на всякой другой, гибнут люди. И молодые и старые, но больше — молодые. Одни гибнут, защищая свою родину с оружием в руках. Другие потому, что они еще маленькие и у них нет сил защитить даже себя. Люди — главное богатство каждой страны. И ты только представь себе, сколько, возможно, великих ученых, замечательных поэтов, талантливых музыкантов, хитроумных изобретателей, певцов и рисоводов, путешественников и зодчих уже погибло, даже не узнав о своем огромном таланте, не успев подарить его человечеству,

а это значит и тебе. Так мы начинаем с тобой вести наш счет империализму.

Люди — основа будущего каждой страны. Они превращают богатства природы в полезные и нужные вещи. Но что делает война, которую ведет во Вьетнаме Америка, с природой? Огромные американские самолеты «В-52» могут взять в полет тридцать тысяч килограммов бомб за один раз. Эти бомбы они обрушивают на землю. Сейчас на земле Вьетнама — на рисовых полях и в джунглях, на пепелищах сожженных деревень и городов, на прекрасных пляжах побережья — как безобразные рваные раны зияют два с половиной миллиона воронок — это только от самых крупных бомб. В этих воронках застаивается вода, и они становятся рассадниками невиданного множества малярийных комаров. Земля Вьетнама по вине американцев становится источником угрозы малярийной эпидемии для всего человечества.

Больше сорока пяти тонн ядовитых веществ сбросили американские самолеты на поля и джунгли Вьетнама. Сворачивается и жухнет листва деревьев. Сохнет буйный лес, и неисчислимые стада обезьян, находивших приют на верхних этажах джунглей, в густой зеленой тени, вынуждены искать теперь убежища на земле, в жалких колючих кустарниках. Обезьяны болеют болезнями, которые опасны для людей. Раньше это было неважно: обезьяны практически не вступали в контакт с людьми. Теперь все изменилось. Бактерии, поражающие обезьян, распространяются в деревнях Вьетнама и среди американских солдат.

Это преступление против всех людей, и мы тоже приобщаем его к нашему счету.

Огромные, неделями не затихающие пожары бушуют в джунглях: американцы поджигают их напалмом и фосфорными бомбами. От этих пожаров в атмосферу Земли поднимаются тучи дыма — многие тысячи и тысячи тонн сажи и углекислоты. Они изменяют состав атмосферы, делают ее менее прозрачной. Это уже замечено учеными. Значит, уменьшается количество солнечного света и тепла, падающего на Землю. Может измениться климат на всей планете, а это касается каждого из живущих на ней людей.

Наш счет империалистам Соединенных Штатов Америки увеличивается.

Земля и вода — источники пищи. Но как может давать урожай сожженное рисовое поле? Тысячи тонн ядохимикатов смываются из джунглей дождями в реки и губят в них рыбу. Отравляются моря, в которые впадают реки, уходит от берегов Вьетнама рыба, голод начинает косить людей, оставшихся без рыбы и риса. Морские течения от берегов Вьетнама несут отравленные войной воды к берегам Японии, в Тихий океан. А ведь в нем ловят рыбу тысячи судов разных стран...

Когда горят леса, реки мелеют, углубляются овраги, и дожди смывают в них плодородный слой с полей. Потребуется много лет, чтобы восстановить плодородие почвы. И еще больше нужно лет — целые десятилетия, чтобы восстановить леса.

Этот печальный список бед, принесенных американской агрессией, можно продолжать еще очень долго. Но и того, что сказано, хватит с избытком, чтобы ты сделал самый важный, самый главный вывод: когда империалисты затевают войну, они ведут ее не только против избранного ими в жертву народа. Они совершают преступление против всего человечества. Они личные враги каждого из нас. Лишенные будущего, они стараются отравить нам его на возможно большее количество лет. Это подлость, творимая в мировом масштабе.

Что можно сделать? — спросишь ты. Нужно остановить эту войну. Посмотри, как нас много: число сторонников Вьетнама гораздо больше, чем число пособников американцев, и главным союзником Вьетнама выступает наша Родина — Советский Союз. Твои старшие братья и сестры объединены в две мощные международные организации молодежи — Международный союз студентов и Всемирную федерацию демократической молодежи. Это несколько десятков миллионов человек, и все они помогают народу Вьетнама.

Чем больше людей на земле узнает правду о преступлениях США во Вьетнаме, тем скорее вынужден будет агрессор прекратить войну. Вот почему недавно молодежь мира начала самое широкое в своей истории движение, которое назвали «Юность обличает империализм!».

Знание рождает силу. И, значит, что от тебя требуется? Чтобы и сейчас и тем более к тому времени, когда ты станешь взрослым, ты отчетливо знал, как бесчеловечен и поэтому преступен империализм. Тогда ты сможешь бороться против него умело, эффективно. А это значит, что быстрее наступит то прекрасное время, когда народы навсегда вычеркнут это черное слово из всех словарей на всех языках нашей планеты.

Вот с кем он воюет, американский «герой»!

ПРЫЖОК

Над баскетбольным обручем с остатками полуистлевшей сетки взлетела не то жокейская, не то «велосипедная» кепка. Возвращаясь вниз, она аккуратно прошла сквозь обруч. Через секунду кепка взлетела вновь и проделала то же самое. С неизменной точностью ей удалось это несколько раз подряд. Восьмиклассник Леша Жильцов, не соблюдая обычной дистанции, а стоя под самым обручем, бросал и ловил кепку одной рукой. В другой он держал портфель.

На захудалой дворовой площадке за таким занятием настоящего спортсмена не застанешь. Да и не стал бы настоящий спортсмен так упиваться собственной ловкостью. А Леша был в восторге. Он действовал легко, даже слегка небрежно, и только одно огорчало его — отсутствие зрителей.

Как только Леша надел кепку, во дворе появился мальчик лет одиннадцати.

— Пойдем,— сказал мальчик.

— Смотри, Волик! — обрадовался Леша и метнул кепку. Но не попал.

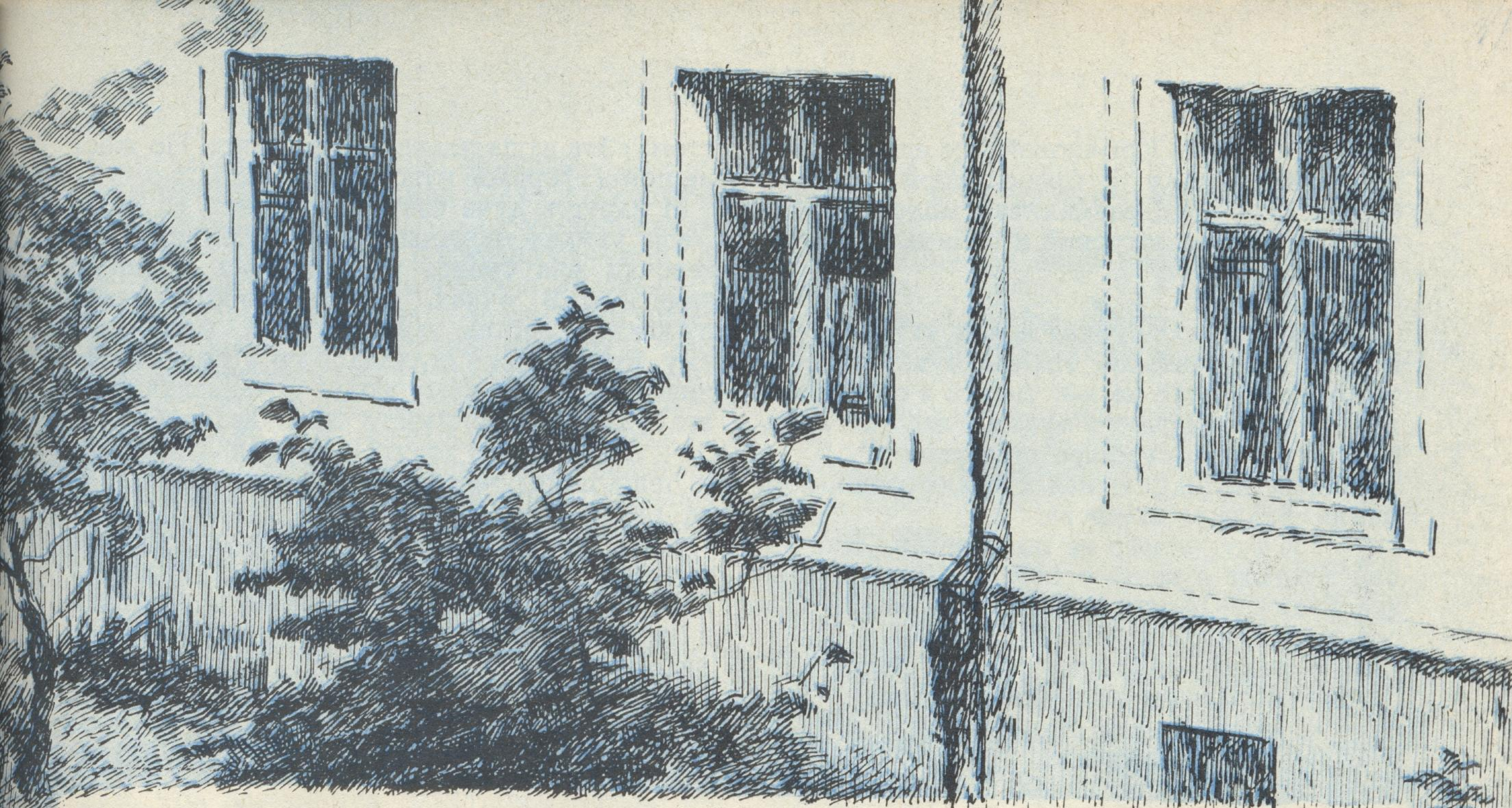
— Сейчас пойдем,— сказал Леша, поднимая кепку с земли.

Он метнул кепку второй раз и опять промазал.

— Честное слово, я только что семь раз подряд попал,— разозлился Леша,— не веришь?

На этот раз Леша целился долго. То собирался метнуть, то передумывал. Наконец решился, и кепка изящно «наделась» на угол деревянного щита.

— В школу опоздаем, пошли,— огорченно сказал Волик, когда Леша принялся сбивать кепку камешками.



В ВЫСОТУ

М. ЛЬВОВСКИЙ

КИНОПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Ему не сразу это удалось. Волик уже шел к арке ворот.

— Волик! Волик, смотри! — пытался Леша его задержать, но Волик не оглядывался.

— Опоздаем,— сказал он, не оборачиваясь.

Леша, на секунду оторвав взгляд от удалявшейся спины друга, почти не целясь, метнул кепку, и она с удивительной точностью прошла кольцо.

— Попал! — завопил Леша.

Он догнал Волика.

— Но ты опять не видел, как я попал.

— Я тебе и так верю,— сказал Волик.

Леша и Волик шли по улице.

— После уроков там, где всегда? «Фрукты — овощи?» — спросил Волик.

— Да. У телефонной будки,— ответил Леша хмуро.— Но у тебя сегодня пять уроков, а у меня шесть.

— Ничего, я подожду,— сказал Волик.— Ты что такой мрачный?

Леша не ответил. Он всегда мрачнел, приближаясь к школе.

От модели атома с серебристым ядром и укрепленными на проволочных орбитах электронами веяло космосом, электронной музыкой и фантастическими романами.

Модель стояла на покосившейся полке, которую поддерживала Зиночка Крючкова — очень маленькая и очень гордая девочка с острым личиком. Вокруг нее на фоне стеклянных шкафов, схем и таблиц физического кабинета кипела бурная жизнь.

Вахтанг Турманидзе — стройный гигант в тренировочных брюках — объяснял девочкам, что такое хук и апперкот, нахально дотрагиваясь своими кулачищами до их нежных подбородков.

Вадим Костров царил в своей хихикающей компании.

А Леши Жильцова не было видно.

Только окинув взглядом пустынные ряды лабораторных столов, где-то за одним из последних, у распахнутого окна, можно было заметить его одинокую фигуру. Никому, кроме неприметной девочки в очках, уткнувшейся в книгу, не было до него никакого дела, а она нет-нет да и посматривала украдкой на Лешу. Все-таки в людях, несправедливо обойденных славой, есть что-то привлекательное, а Леша в своем восьмом «б» был именно таким человеком. Это подтвердилось, когда в класс вошла Галя Вишнякова — самая красивая девочка школы.

— Ребята, кого поцеловать? У меня, кажется, грипп начинается, а завтра контрольная по алгебре,— сказала Галя и чихнула.

Класс притих, но конкретных предложений не последовало.

И вдруг из дальнего угла донеслось:

— Меня.

Это сказал Леша и ужаснулся.

Все, кроме неприметной девочки, смотрели на Лешу так, будто Галя была андерсеновской принцессой, а Леша свинопасом. Кто-то даже хихикнул. А неприметная с тревогой ждала Галиного ответа. Она боялась за Лешу.

Но самые красивые девочки школы всегда старше своих лет, и Галя не растерялась.

— Лешенька — золотой мальчик, а вы все трусы.— И она направилась к своей верной

подруге Зиночке Крючковой, все еще поддерживающей полку с проволочной моделью атома. Галя шла, размахивая молотком, потому что была дежурной и собиралась укрепить полку.

Снова закипела бурная жизнь восьмого «б», и про Лешу забыли. Но он, чувствуя себя униженным, уже не мог сидеть в одиночестве. От этого горького чувства его могло избавить только всеобщее признание.

Сперва Леша подошел к хихикающей компании Вадима Кострова.

— ...И тут, ничего не подозревая, Жан Габен заходит в ванную комнату...—рассказывал Вадим.— Неужели никто не видел? Она же в «Комете» идет...

— Я видел,— попытал счастья Леша.

Конечно, все на Лешу набросились:

— А мы не видели! Иди отсюда!

Вадим закапризничал:

— Если Жильцов видел, тогда неинтересно, тогда пусть он сам рассказывает.

И все стали Вадима упрашивать:

— Нет, нет. У тебя смешнее получается.

— Уйди, Лешенька, а то Вадим рассказывать не будет, а у него всегда обхохочешься.

— Никто у него не отнимает,— сказал Леша,— только ведь настоящий юмор...

— Ты кукарекать умеешь? — перебил Лешу Вадим.

— Как? — удивился Леша.

— Вот так...

Вадим очень похоже кукарекнул. Все засмеялись, и Леша отошел, пожав плечами. Костров опять начал рассказывать. Смех за Лешиной спиной подтвердил, что он оправдал ожидания. Леша оглянулся и грустно посмотрел на чужое веселье. А неприметная девочка поспешно уткнулась в книгу.

Вторая попытка закончилась еще обиднее.

— Ну что, так никто и не поможет гвоздь забить? — возмущалась Галя Вишнякова. Она вместе с Зиночкой никак не могла справиться с полкой.— Мальчики, я уже себе все пальцы отшибла.

Леша очень ловко забил бы этот гвоздь. Невеликий подвиг, а все же было бы как-то легче. Но только он подошел к девочкам, как у Гали опять появилось стремление к самостоятельности. Она явно ждала чего-то иного. И дождалась. Молоток перехватил стройный гигант в тренировочных брюках — Вахтанг.

Зиночка пожалела Лешу.

— Пускай этот тип прибьет,— чтоб утешить Лешу, Зиночка пренебрежительно кивнула на Вахтанга,— он выше ростом.

Ничего себе, утешила.

Леша печально смотрел, как Турманидзе, сделав несколько «разминочных» движений, саданул молотком мимо гвоздя и запрыгал, дуя на ушибленные пальцы. Забыв про Лешу, девочки благосклонно засмеялись: Вахтангу прощалось все.

Леша отошел от них с презрительным жестом: «Эта ваша полка мне по пояс». Но жест не помог: горькое чувство не проходило.

И вдруг в луче света, падавшего из окна, Леша увидел «новенькую». Из неприметной девочки она теперь превратилась в самую заметную. В очках, шоколадно-коричневая от южного загара, девочка так улыбалась ему, что он даже огляделся по сторонам. Но никого другого, кому могла предназначаться эта улыбка, поблизости не оказалось.

— Тебя Лешей зовут? — спросила девочка, и Леша понял, что она давно уже наблюдала за ним.

Леша ответил не сразу, потому что в таких случаях, как известно, невидимый дирижер дает знак невидимым скрипкам, а вступить в звучащий оркестр нелегко непривычному человеку.

— Запомнила,— осторожно сказал Леша и, кажется, ничего не испортил.

— Потому что как раз про Клеро читаю, а его звали Алексис.

— А ты Женя Каретникова. Из Краснодара,— ответил Леша, опасаясь, как бы разговор не застрял на неведомом Алексисе.

— Запомнил,— сказала Женя.

Постепенно Леша понял, что оркестр исполняет не такую уж трудную мелодию, что в ней возможны некоторые вольности и что он, Леша, тоже вполне на уровне.

— А почему ты на уроках все время в окно смотришь? — спросила Женя и подошла к Лешиному окну.— Что ты там увидел?

Леша встал с Женей рядом.

Из окна им был виден большой открытый павильон «Фрукты — овощи», расположившийся на другой стороне улицы. Рядом отражала ослепительную синеву осеннего дня стеклянная телефонная будка.

— А на уроках надо обязательно слушать, что говорят учителя? — спросил Леша с иронией, которую ему еще ни разу не удавалось продемонстрировать ни перед одной девочкой.

— Если не придумал что-нибудь новенькое вместо: «Я учил, но забыл».

Леша засмеялся.

— Эти слова надо высечь на мраморе,— сказал он.

— Ты можешь... за мой стол... Я тоже одна сижу,— предложила Женя.

И потому что растерявшийся Леша молчал, добавила:

— Если хочешь...

Вошел учитель физики Иван Федорович Приходько.

Все встали.

Как будто ничего не замечая, но замечая все, Иван Федорович приближался к кафедре. Только здесь он сказал: «Можете сесть».— И Жене пришлось под его взглядом прошмыгнуть на свое место.

По улице, размахивая тяжеленным портфелем, прогуливался Волик. Оглядывая на

ходу лакомый прилавок «Фрукты — овощи», он подошел к телефонной будке и посмотрел на противоположную сторону улицы. Увидев Лешу в окне, Волик подпрыгнул — вот он я — и произнес одними губами: «Леша».

— Жильцов! — вызвал Лешу Иван Федорович.— Как только начинается урок, твоя голова, как магнитная стрелка к Северному полюсу, неукоснительно поворачивается к окну. А может быть, мы здесь о чем-нибудь интересном говорим? Например, что называется углом склонения? Ты не в курсе, Жильцов? М-м-м-м... Турманидзе! — Иван Федорович произнес эту фамилию с уважением. Но Вахтанг не встал, а, дуя на ушибленные пальцы, проворчал:

— Угол между меридианом данной местности и направлением магнитной стрелки.

— Турманидзе в курсе. Вы не думайте, что раз мы тему давно закончили, то больше никогда к ней не вернемся. Жильцов, объясни нам, что называется электромагнитной индукцией.

Леша молчал.

— Чтобы в катушке возник ток, к ней надо поднести... Что? Крючкова!

Встала подруга Гали Вишняковой — Зиночка Крючкова. Но Галя даже не подумала помочь ей. Зина держалась с каким-то особым достоинством. Как будто ее для того и вызвали, чтобы она немного постояла в гордом молчании.

Ей попробовала помочь оправившаяся от смущения новенькая.

— Магнит,— подсказала Женя.

Но Зиночка промолчала.

— Вот, оказывается, кто у нас в курсе — Каретникова,— оживился Иван Федорович.— Я интересовался твоими отметками. Там, где ты училась раньше, у тебя по физике и математике было «отлично». Слыхал даже, что ты на краевой олимпиаде какое-то место заняла. Смотри не ударь в столице в грязь лицом. Вспомнил, Жильцов?

— Нет,— ответил Леша.

Зиночка Крючкова села, а Леша продолжал стоять.

— Я так и думал. Ты не можешь вспомнить потому, что за лето ни разу не раскрыл учебник, да?

Леша еще раз сказал «нет».

— А почему? Ведь слово давал...

Леша начал привычно:

— Иван Федорович, честное слово, я учил, но...

— Забыл? — услужливо подсказал физик.

Леша посмотрел на Женю, и какая-то скрипка из недавно звучавшего оркестра пропиликала свою лирическую тему, как дразнилку.

— Что ты ищешь спасения у Каретниковой? Тебя никто сейчас не спасет, кроме тебя самого.

Стало очень тихо, и тогда Леша, сам не зная почему, сказал правду:

— Иван Федорович, вы не подумайте... дело в том... Я не понимаю, что такое электрический ток...

Класс зашумел. Леша попробовал пойти на попятный:

— Я не то хотел сказать...

Но шум усилился. Теперь отступать было поздно.

Иван Федорович даже растерялся:

— Ну, ну... Мы же столько часов и на молекулярку и на электронную теорию угрохали. Костров!

Вадим встал.

— Объясни Жильцову, что такое электрический ток, а то он что-то странное выдумал. Только своими словами. Чтобы он ясно представил себе.

Вадим не забывал своей обязанности веселить класс:

— Электрический ток, Леша... Это, как бы тебе сказать... Это направленное движение заряженных частиц,— сказал он солидным басом.

— Без фокусов! — одернул Вадима физик.— Чего вдруг эти вредные, непоседливые частицы ни с того ни с сего решили двигаться? Помните, я образный пример приводил? Насчет мошкары и ветра? Что их гонит? Вишнякова?

— Разность потенциалов,— ответила Галя.

— Слыхал? И тебе не стыдно перед такой девочкой? — Иван Федорович даже отвернулся от Леши.— Что нам с тобой делать? Посоветуй,— сказал учитель, не глядя на Жильцова.

— Как птица летит и на воздух крыльями опирается,— начал Леша очень искренне,— я представляю...

— Так,— подбодрил его физик, глядя в классный журнал.

— Пар на поршень давит — вижу...

— Так...

— А как электроны по металлическому проводнику...

Иван Федорович не выдержал:

— Ты не философствуй, а соображай. Сообразить не можешь — вызубри. Я этого слова не боюсь. Тем более, что Ньютона из тебя все равно не получится. Вот давай спросим: кто еще до сих пор не знает, что такое электрический ток? А? Кому в семидесятых годах двадцатого столетия это не ясно?

Учитель выжидающе оглядел класс.

— Видишь, Жильцов, ты в полном одиночестве.

Взгляд Ивана Федоровича вновь добрался до Леши, и учитель увидел, что этот, один из самых слабых его учеников, упрямо смотрит в окно.

— Подумать только, — в отчаянии сказал физик,— он опять в окно смотрит... Кого, кого ты там высматриваешь?

Новенькая подняла руку.

— Что тебе, Каретникова? — спросил Иван Федорович.

— Я не знаю, что такое электрический ток,— сказала Женя.

Волик купил две груши. Надкусив одну, а другую оставив для Леши, он буквально танцевал напротив Лешиного окна с надкусанной грушей в руке. Волик делал вид, что ест грушу, и, закрывая глаза, показывал, какое это блаженство. Потом он стал приглашать Лешу присоединиться, объяснив жестами, что вторая, нетронутая, груша принадлежит ему, Леше. Он до того разошелся, что на него начали обращать внимание прохожие. Заметив это, Волик принял чинный вид и стал прохаживаться напротив Лешиного окна.

По школьной лестнице Леша и Женя шли рядом. Им теперь не хотелось расставаться. Это очень хорошо понимали Галя Вишнякова и ее друзья. Они спускались за Лешей и Женей, многозначительно переглядываясь.

Наверно, потому, что по лестнице, обгоняя школьников, сбежал седой мужчина в тренировочном костюме с волейбольным мячом в руках и девушка в джинсах, размахивавшая резиновыми скакалками, Турманидзе спохватился. Он обернулся назад и крикнул:

— Не забудьте, сегодня секция!

Это были преподаватели физкультуры — дядя Костя и Наташа.

— Слыхал, Леша? — спросил солидным басом Вадим, поглядывая на своих спутников. И те почему-то захихикали. — Смотри не опоздай!

— Я очень люблю гимнастику,— сказала Женя Леше.— А ты?

— Угу,— стараясь, чтобы его услышала только Женя, ответил Леша.

— Придешь сегодня на секцию? — спросила девочка.

— Приду,— пообещал Леша.

Волик, заметив, что появившийся из школьного парадного Леша беспокойно оглядывается по сторонам, тактично отступил еще глубже в тень телефонной будки. (Его другу всегда грозила опасность насмешек: «С шестиклассником связался!»)

Не ожидая какого-нибудь подвоха, Волик спокойно грыз свою грушу, как вдруг увидел, что Леша и совсем незнакомая девчонка — почти черная, с абсолютно белыми, выгоревшими на солнце волосами — отделились от других ребят и медленно пошли вперед.

Волик вышел из-за телефонной будки и по другой стороне улицы последовал за ними. Он грыз грушу и терпеливо ждал, когда все это кончится. Но это не кончалось.

Нехотя Волик перешел через дорогу и волей-неволей услышал, как Женя спросила:

— А у тебя бывает так?..

Что-то насторожило Волика в этих обыкновенных словах. Но только он навострил уши, как Женя и Леша скрылись за углом.

Волик быстро шмыгнул за угол и услышал Лешин ответ:

— Бывает...

Некоторое время Леша и Женя шли молча. А потом Леша спросил девочку:

— А так у тебя бывает?..

Волик рванулся вперед, чтобы не проронить ни слова, но рядом загрохотал трамвай. А когда утих трамвайный грохот, Женя сказала Леше:

— Бывает...

Все это очень не понравилось Волику. Что-то вроде легкой брезгливости отразилось на его лице. Он еще продолжал идти вслед за своим другом и девчонкой в очках, но теперь все, что происходило с ними, вызывало у Волика раздражение. И то, что Леша споткнулся (так тебе и надо!), и то, что девчонка улыбнулась (ишь, ты!).

А когда Леша и Женя остановились у будки с газированной водой и Женя попросила:

«Мне с вишневым»,— а Леша, сунув продавщице двугривенный, сказал: «Мне тоже!» — да еще прибавил: «До чего у нас вкусы сходятся!» — Волику стало все ясно.

— А у тебя бывает так,— спросила Лешу Женя, глядя на какой-то причудливый особняк с остроконечной башенкой и делая глоток из стакана,— увидишь такое здание, и как будто ты в другом городе и в другом веке?

— Бывает,— ответил Леша, залпом выпивая газировку.— У меня бывает, знаешь, как...

— Как? — спросила Женя.

Все это было уже слишком. Волик выбросил огрызок груши в урну, вытащил из кармана грушу, припрятанную для друга, и, надкусив ее, пошел домой.

По школьному коридору с жужжанием неслась электронная черепаха. Рядом с черепахой шагал юноша в пионерском галстуке. Он распахнул перед ней дверь с двумя табличками: «Пионерская комната» и «Зам. по воспитательной работе». Здесь электронная черепаха заметалась, почти вплотную приближаясь к ножкам столов и стульев и лихо объезжая их. На ее пути, очевидно, для испытания, попеременно возникали то мужские туфли, то женские босоножки. Мужские туфли были молчаливы и самоуверенны, босоножки «ойкали» и хихикали.

— Саша все-таки молодец,— сказали туфли голосом учителя физики Ивана Федоровича,— ведь он ее сконструировал, когда у меня в восьмом классе учился, в пятнадцать лет.

— А мне ваш любимый Саша помогает плохо,— пожаловалась физику молодая привлекательная женщина — Лидия Николаевна.— Для него должность старшего пионервожатого — стартовая площадка. На будущий год побежит в МГУ.

Юноша в пионерском галстуке вытащил из портфеля кеды и тренировочный костюм. От

одного только вида этих замечательных предметов в нем произошла перемена. Продолжая разговор, он уже незаметно проделывал легкие разминочные движения.

— Саша должен относиться к себе серьезно,— встал на его защиту физик.— Видите, какие у него способности? — Иван Федорович кивнул на жужжащую черепаху.

— Таких черепах,—хмуро ответил Саша,— в каждом районном Доме пионеров стада пасутся. Это теперь для кружков «Умелые руки».— В его словах чувствовался упрек учителю, и Лидия Николаевна забеспокоилась:

— А что же, по-твоему, умелые руки плохо?

— Никто не спорит, хорошо, только это не физика.

Лидия Николаевна даже растерялась.

— У Саши травма,— объяснил ей Иван Федорович.— Пришел на консультацию в МГУ потолкаться среди абитуриентов, встретил там какого-то мудреца... и забрал документы.

— Он настоящий физик! — заявил Саша.

— Ерунда! — возразил Приходько.

— Я готова,— сказала Лидия Николаевна, используя застекленную грамоту в качестве зеркала.

— А сегодня, представляете, — продолжал Иван Федорович,— встает у меня еще один умник. Жильцов из восьмого «б». «Я,— говорит,— не понимаю, что такое электрический ток». Здравствуйте! Это в восьмом-то классе!

— Бедненький,— сказала Лидия Николаевна.

— Так прямо и сказал?! — удивился Саша.

— Вот именно,— подтвердил Иван Федорович, открывая дверь перед Лидией Николаевной.— А у тебя же незаурядные способности!

В гулком спортивном зале учитель физкультуры объяснял элегантному гостю со следами международных турниров в одежде:

— Ты рано пришел. Сейчас одни отстающие. А тебя ведь не они интересуют.

Действительно, по залу круг за кругом бежала довольно странная группа — впереди очень толстая десятиклассница — «тучница», за ней несколько ребят из пятых-шестых классов, тоже неспортивного вида: кто увалень, кто сутул. Замыкали строй малыши.

— Опять один Жильцов отсутствует. Остальные по уважительной,— сказала Наташа, передавая список дяде Косте.

— Ишь, чего захотела,— ответил дядя Костя, просматривая список,— чтобы Жильцов явился! Жучкова, перешла на шаг! — неожиданно скомандовал учитель, и толстая девочка пошла, тяжело дыша.— Вот кого уважаю! — сказал он про нее гостю. — Через месяц будет худая, как щепка.

Потом учитель спросил элегантного гостя:

— Может, в другой раз придешь?

— Ничего, дядя Костя. Подождем секцию,— ответил гость.— Ты от меня своих орлов не спрячешь.

«Орел» Леша Жильцов надел тренировочный костюм не в раздевалке, а в туалете.

С комком одежды в руках он хотел было выйти в коридор, но, услышав чьи-то шаги, захлопнул дверь. Мимо туалета прошла нянечка. Леша снова выглянул в коридор, но опять раздались чьи-то шаги, и Леша остался в туалете.

По коридору прошел старший пионервожатый, и, когда замер звук его шагов, грянула бравурная спортивная мелодия.

Один за другим великолепно тренированные мальчики-гимнасты подтягиваются на специальной скобе, укрепленной над дверью, и входят в физкультурный зал. Это ритуал. Учитель объяснил:

— У нас такая традиция: входишь в зал — подтянись, выходишь — опять подтянись.

Постепенно мальчики сменяют друг друга на скобе все быстрее.

— Мальчики как будто все. Девочки дольше переодеваются. Вот они, мои орлы. Равняйсь!

И действительно, ребята что надо. В красивых тренировочных костюмах, и у каждого какая-нибудь кокетливая деталь — у одного яркая нашивка, у другого — цветной карманчик. Мальчики стоят не шелохнувшись. Их ультрасовременные прически в таком строю — тоже интересное зрелище.

— Напра-во! На пятках шагом марш! — командует дядя Костя.

Леша, прислушиваясь к гулкому топоту, доносящемуся из спортивного зала, вошел в раздевалку «для мальчиков». Еще более утрамбовав комок своей одежды, он выбрал для нее самое укромное местечко. Потом Леша обратил внимание на плакат, висевший на стене и называющийся «Наши рекорды». Это были столбцы, почти сплошь состоящие из фамилии Турманидзе. Леша пальцем нашел графу «прыжки в высоту» и некоторое время постоял в задумчивости, глядя на цифры.

В спортивном зале одна за другой появлялись девочки. Каждая, подтянувшись на скобе, догоняла шагающий на пятках строй.

— Все? — спросил дядя Костя.

— Все! — ответил Вахтанг.

И тут в дверях возник Леша.

Даже не взглянув на скобу для подтягиваний, он не стал догонять строй, а постоял в дверях, пока с ним не поравнялась замыкающая Зиночка, и заковылял за ней на пятках.

— На тебе! — тихо сказал дядя Костя и спросил Наташу: — Выгнать его, что ли? У нас ведь сегодня снаряды...

В строю тоже ощутилось какое-то смятение — все оборачивались на Лешу. А Женя недоумевала.

— Ладно, пущу его на канат, а там посмотрим,— решил дядя Костя.— Во двор шагом марш! — скомандовал он.

Спортивная площадка возвышалась над школьным двором.

Группой девочек, работавшей на брусьях, руководила Наташа.

— Перемах левой внутрь, с поворотом налево кругом в сед на правом бедре. Так. Перехват рук. Так. Перемах двумя внутрь, мах назад. И махом вперед соскок.

Это упражнение великолепно выполняла новенькая — Женя Каретникова.

Леша был в другой группе. Издалека он смотрел на Женю зачарованно.

Элегантный гость вел себя, как богатый коллекционер, которого может заинтересовать только чрезвычайно редкий экземпляр. Но тут он вытащил блокнот.

— Фамилия?

В это время, по всем правилам проделав «отход» от снаряда, Женя взяла у одной из девочек свои очки и надела их.

Лицо гостя вытянулось.

— Кроме того, боремся с последствиями ревмокардита,— сказал дядя Костя ехидно.

Гость спрятал блокнот.

— Слушай,— сказал учитель,— скажи откровенно, за кем пришел? Тебя ведь старшеклассники никогда не интересовали.

Канат, перекладина и кольца были размещены рядом. Поэтому и группы общались между собой. На кольцах и канате занимались мальчики. На перекладине — девочки.

Леша стоял в очереди на кольца, как приговоренный к казни через повешение.

— Жильцов, на канат! —скомандовал учитель.— Да, да, сначала на канат.

Леша молча перешел в другую группу. Ею руководил старший пионервожатый Саша. Турнисток страховал Вахтанг.

Работали на перекладине девочки лихо.

Гость смотрел на турнисток доброжелательно, но без особого восхищения.

Уже выполнившие упражнения Зиночка и Галя Вишнякова о чем-то оживленно болтали.

— Крючкова! — сделал замечание Зиночке Вахтанг Турманидзе.— На физике ты сегодня молчала как рыба.

— Потому что я ни бум-бум,— гордо ответила Зиночка.

Галя Вишнякова погладила подругу по голове и сказала Вахтангу:

— Вот за это я Зиночку и люблю. Ни бумбум, и все. В этом есть какая-то широта. Ты отличник, а она ни бум-бум. У меня Зиночка — личность.

И Галя даже поцеловала Зиночку. Красивые девочки любят это делать публично.

— А я? — спросил Вадим Костров, подставляя голову, чтобы и его погладила Галя.

— Ты тоже личность! — И Галя погладила Вадима по голове.— У тебя юмор есть. А вот у кого юмора нет, те для меня пустое место.

Старшего пионервожатого Сашу так заинтересовал этот разговор, что он забыл об очередном гимнасте своей группы. Спохватившись, Саша увидел, что это Леша Жильцов.

— Может, тебе не надо без ног? Давай в три приема,— сказал он Леше тихо.

— Без ног! — твердо сказал Леша. Он видел, что Женя Каретникова отделилась от своей группы и смотрит на него.

Саша щелкнул секундомером.

Никогда в жизни Леша не сумел бы повторить то, что он проделал на канате в этот раз. Ни о каких приемах не могло быть и речи. Леша их не знал. Вместо того, чтобы держать ноги вместе, он болтал ими, выделывая замысловатые коленца. Но руками он работал как мог, и невероятное напряжение всех сил позволило ему буквально взвиться по канату.

Внизу Леша очутился неизвестно как. Это произошло в одно мгновение, и оно оставило багровый след на Лешиных ладонях.

Во всех группах раздался смех. Кто-то зааплодировал, кто-то свистнул, случайные зрители, проходившие по двору, тоже смеялись.

— А с такими что делать? — кивнув на Лешу, спросил гостя учитель.

— Бесперспективный,— ответил гость.— Кураж есть, но... рост ни то ни се... и потом он уже старик...

Дядя Костя засвистел.

— Группы, поменялись местами!

— А Жильцов — личность? — спросил Саша у Гали Вишняковой.

— Жильцов? — удивилась Галя и, сообразив, что Саша слышал ее недавние изречения, усмехнулась. Но ответила категорично:

— Он вне игры!

И тут же прицепилась к Жене:

— Каретникова, у вас в Краснодаре все такие оригинальные — на олимпиадах первые места занимаем, а что такое электрический ток — ах, ах,— нам неизвестно.

Женя не успела ответить.

— Один знаменитый ученый,— сказал Вахтанг Турманидзе,— утверждал, что квантовую механику, например, никто не понимает. Вообще «понять» так, как этого хочет Жильцов, в физике нельзя очень многое.

— Ого! У тебя, Каретникова, уже защитники нашлись. Быстро...

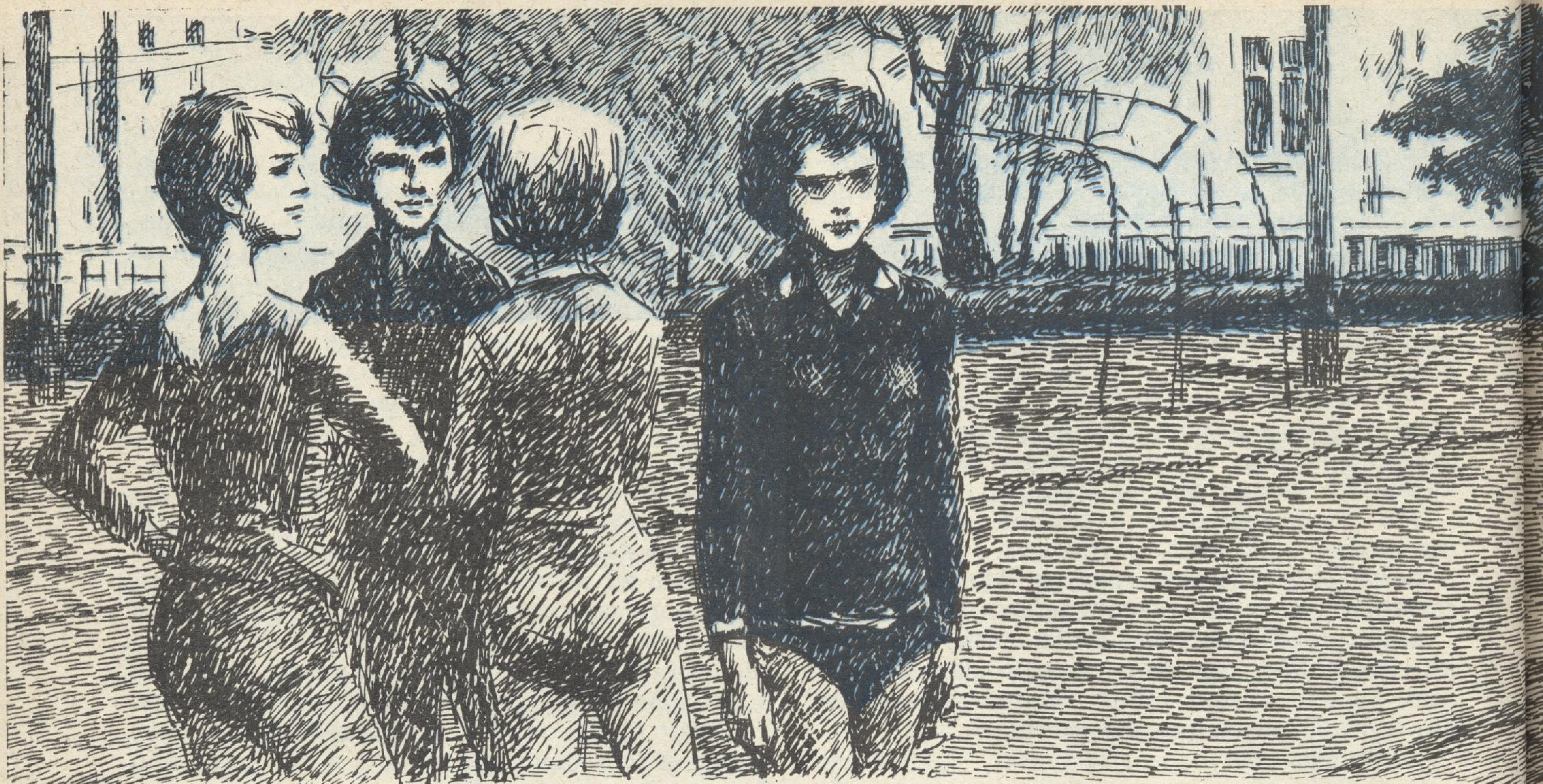
— Просто я за справедливость,— ответил Вахтанг весело.— Женя на порядок выше всех нас.

— Слыхал? — сказала Галя Леше очень многозначительно и в обнимку с Зиночкой направилась к брусьям.

Теперь Женя была в очереди у каната, а Леша — у турника.

— Показываю упражнение,— обратился к своей группе Вахтанг.

То, как работал на перекладине Турманидзе, было чудом. Вокруг площадки собрались зрители — останавливались все проходившие по двору.



Участники гимнастической секции тоже смотрели на работу Вахтанга, который делал упражнение, называя его элементы таким спокойным голосом, словно сидел в кресле.

— Махом одной и толчком другой перемах, согнув ногу в вис завесом...

Неожиданно он проделал на турнике нечто такое, чего и в цирке не увидишь.

— Этого, конечно, можете не делать... Это я увлекся...— сказал Вахтанг виновато.

— Ну? — спросил учитель своего гостя.— За ним пришел?

— Чудо! — ответил гость.

Леша смотрел не на Вахтанга, а на зрителей. Одно за другим проплывали перед его глазами восторженные лица...

А когда Леша обернулся к подошедшей Жене, она только и смогла сказать:

— Да-а, такого я в Краснодаре не видела...

— Начали! — скомандовал учитель.

Одной из первых на канате оказалась Женя. Она быстро достигла самого верха и оттуда, с высоты, увидела, что по дороге от спортивной площадки к зданию школы, сильно сутулясь, идет Леша.

— Женя, ты что?! — кричали ей девочки снизу. — Слезай, Каретникова!

Но Женя не спускалась до тех пор, пока Леша не вошел в здание школы.

И сразу возникла планка для прыжков, установленная на высоте школьного рекорда.

В гимнастическом зале нет никого, кроме Леши.

Короткий разбег, прыжок... и Леша, упав на мат, с удивлением смотрит на нешелохнувшуюся планку. Затем он повторяет попытку, и опять ему удается взять высоту.

В спортивный зал вошел старший пионервожатый.

— Ты что сбежал?

— Смотри,— показал Леша на планку,— школьный рекорд.

Он разбежался и прыгнул, но планка упала вместе с ним.

— Понятно,— сказал Саша, собираясь выйти из зала.— Пошли.

— Я только что... два раза подряд...— взмолился Леша...— сейчас... еще одну попытку

Но Саша направился к раздевалке.

— Я тебе и так верю. Иди сюда,— донеслось из-за раскрытой двери.

Леша прыгнул. Планка не шелохнулась.

— Леша! — донесся голос вожатого.

— Сейчас! Ты ушел, и у меня получилось...

Занятия спортивной секции продолжались. Но теперь страховал турнистов не Вахтанг, а кто-то другой.

С Вахтангом беседовал элегантный гость.

— Вот так, Вахтанг, за свое будущее с этой минуты можешь не волноваться.

— Я и не волнуюсь,— ответил Вахтанг.— Большое спасибо за предложение. Только я уже отдаю спорту столько, сколько могу. Больше, к сожалению, не имею права.

— А ты понимаешь, что я из тебя чемпиона мира сделаю? — горячился гость.

— Допускаю такую возможность,— спокойно ответил Вахтанг.— Но это не входит в мои жизненные планы.

В раздевалке для мальчиков Леша торопливо одевался. Ему хотелось поскорее отвязаться от старшего пионервожатого.

— Что ты ко мне пристал? Я ведь уже давно не пионер. Иди увлекай младших школьников. Организуй досуг по интересам. И вообще уроки кончились...

— Во-первых, настоящим пионером ты никогда не был,— ответил Саша,— твои одноклассники, как я понял, тем более. А во-вторых, что же, по-твоему, пионерская организация — это нечто вроде хобби?

— Чего ты от меня хочешь?

— Ты читал по физике что-нибудь, кроме учебников? Например, это? — Саша вытащил из своего портфеля толстую книгу, бережно обернутую в глянцевую бумагу, и раскрыл ее.

— С ума сошел! — испугался Леша насмешливого взгляда человека, который был изображен на портрете. — Это же Эйнштейн. Да я учебник по физике для шестого класса с трудом читал. А ты мне Эйнштейна.

— На чем же ты там споткнулся? — спросил Саша.

— На первой странице, где сказано, что объяснить кратко слова «пространство» и «время» невозможно.

— Прочти здесь «Эволюцию физики». — Саша протянул Леше толстый том. — И учти, по трудным книгам легче учиться. Это я на себе испытал.

Саша стал стягивать с себя рубашку.

— Прочтешь? — спросил он.

— Дать честное пионерское?

— Дай. Себе, — ответил Саша, когда рубашка уже закрыла ему голову.

Леша, воспользовавшись тем, что вожатый его не видит, с постно-значительным выражением лица отдал пионерский салют и аккуратно положил книгу рядом с Сашей. Проделав это, он вышел из раздевалки.

В тамбуре между раздевалками «для мальчиков» и «для девочек» на гимнастическом коне сидела Женя. Леша понял, что она ждала его, и от внезапной радости не мог произнести ни слова.

— У тебя так бывает, — спросила Женя незнакомым голосом, — что тебе все время кажется, будто ты... с каким-то человеком, которому ты... этому человеку?..

— Бывает, — сказал Леша тихо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Со мной на выставку

Ирина УВАРОВА

Я иду по центральным и нецентральным улицам и везде читаю афишу, одну и ту же, одну и ту же: «...Выставка-конкурс народного
и самодеятельного...
и самодеятельного...
и самодеятельного...»

И столько раз попалось по дороге это знакомое и понятное слово, что вдруг стало незнакомым и непонятным.

В самом деле, а что такое «самодеятельность»?

Выставку населяют вещи — деревянные игрушки, железные подсвечники, медные фонари, стеклянные цветы, кинжалы из серебра, платья из кружев и чаши из глины. Любой очень хороший мастер и любой знаменитый художник под ними подписался бы с удовольствием. А подписи объясняют, что люди, сделавшие все это, вовсе не профессиональные художники: «слесарь», «служащий», «рабочий», «техник» и просто «пенсионер».

Они сделали эти замечательные вещи — эту художественную самодеятельность. А что она сделала с ними?

А самодеятельность делает с человеком что-то такое, от чего он меняется. Он превращается из обыкновенного человека в необыкновенного художника.

Человек, как и все, встает рано утром, завтракает и спешит на работу, приходит домой, и у него, как у каждого, еще много дел по дому. Жизнь, как и у всех, укладывается в сутки, в двадцать четыре часа, времени пустого нет. Но вот с ним что-то происходит, и появляется в сутках двадцать пятый, двадцать шестой час, и он успевает сделать удивительные свои вещи.

И поглядите: ворох зеленой соломы, и какие-то тряпки, и клочья пакли валяются на доске в беспорядке. Я пробираюсь в толпе, заглядывая через чьито спины. Я еще не вижу толком, что там, на этой доске, но вдруг будто внутри меня включили радио, и я слышу любимые стихи:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют,
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.

Почему цыгане, почему Пушкин? Подхожу близко: да это же цыганки! Цыганки в лохмотьях, цыганки в широких нарядных юбках. Лица у них смуглые, волосы у них черные, будто на голову им нахлобучены грозовые тучи. А рты у них до ушей — улыбаются, а глаза у них печальны. Разводят костер, кормят детей, устраиваются на ночь. Шатры их изодраны, хоть бы дождя не было, хотя им и дождь не страшен.

И странно мне было, что пушкинские строки вспомнились раньше, чем стало понятно, что это цыгане. И еще больше странно стало, когда из таблички узнаю, что автор — кишиневец. Автор из города, где жил Пушкин, где он полюбил бессарабских цыган и написал свою поэму.

На табличке написано: «Граур Л. Служащая. Кишинев». Наверное, кто-нибудь поглядел на ее цыганок и подумал: «Вот дел-то, так и я смогу». И правда, просто, очень просто сделаны ее куклы. Но вряд ли кто-нибудь еще смог бы сделать эту панораму так, чтобы потянуло дымом костра и сырым воздухом вечерней реки, и чтобы захотелось вдруг петь, и захотелось, чтобы у тебя появился чудный голос, и захотелось поскакать верхом на самой горячей лошади и на всем скаку вырвать звезду из тучи.

И если ворох тряпок, пакли и соломы излучает все это, значит, это не просто изделие. Значит, здесь скрыто то, что люди называют словом «искусство».

А это что за большие деревянные звери? Это коты. Большущие, с усами. Один поменьше, ждет, чтоб его покормили. Другой огромный, с мышью в зубах. Собрались обедать, видите ли, сейчас рассядутся вокруг деревянного блюдца. Они не какие-нибудь домашние киски, они коты-звери. Сделал их мастер из Литвы Л. Шепка. Кто он? Почему он в обыкновенных кошках домашних увидел диких зверей? Таких, наверное, остерегались в дремучих лесах наши предки. Мне хочется поехать в Литву и разыскать человека по фамилии Шепка.

А кто вылепил из глины этих людишек, смешных, толстоголовых, с глазами, круглыми от ужаса: испугались они чего-нибудь или собрались испугаться? Они герои сказки Ованеса Туманяна «Барикентан», которую я не знаю. Зато я знаю мастера — он очень высокий, очень бородатый, очень добрый и очень веселый. Он литейщик, зовут его Саак Саакян. Он лепит свои фигурки из глины и отливает их в бронзе. Он лепит прохожих, которых встретил на улице. Человека в футляре, о котором прочел в книге Чехова, знакомого рабочего из литейного цеха и царя древнего государства Урарту. Они, конечно, все очень разные, но я всегда узнаю в них добродушный юмор Саака, его общительный нрав, способность знать всех на свете.

— Как поживаешь, Саак? — спрашивают его в Ереване на улице, на базаре, в кино.

И я думаю, если бы царь Урарту вдруг покинул свое четвертое тысячелетие до нашей эры, он явился бы прямо в Ереван, чтобы спросить: «Как поживаешь, Саак?»

...Литейщик из Еревана, штукатур из Киева, слесарь из Ставропольского края; Минск, Якутск, Улан-Удэ, Алма-Ата и Таллин...

Кажется, в какой город ни приедешь, везде найдешь интересного художника, который видит все так, как никто больше не видит, и изображает так, как никто больше не сможет.

Почему я пишу «кажется»? Так оно и есть. Куда ни приедешь, везде можно найти такого художника. Как было в Переяславле? Иду по улице, думаю: «Не может быть, чтобы в таком маленьком деревянном городе не было бы...» Тут из-за забора вылезает крыша, на крыше — деревянные раскрашенные солдаты машут руками. Их называют «ветряки» — вот они, кстати, тут, на выставке. Тут ветра нет, и они стоят по стойке «смирно». Приехали из своего Переяславля, снялись со своей крыши.

Когда-то, говорят, часто делали таких деревянных кукол, а сейчас их умеет делать только один мастер, Ф. Жильцов. Значит, был когда-то такой промысел — деревянные ветряки. Промысел — это вроде бы обычай; здесь, в этом месте, в этой деревне, люди делали именно такие вещи. Промыслы были разные: сундуки, деревянные ложки, гончарные вещи. И тут уж все делали по обычаю: в Хохломе, например, ложки и миски расписывали красными и черными цветами по золотому полю. А под Вяткой глиняные белые игрушки расписывались малиновыми, желтыми и черными яблоками. И какие

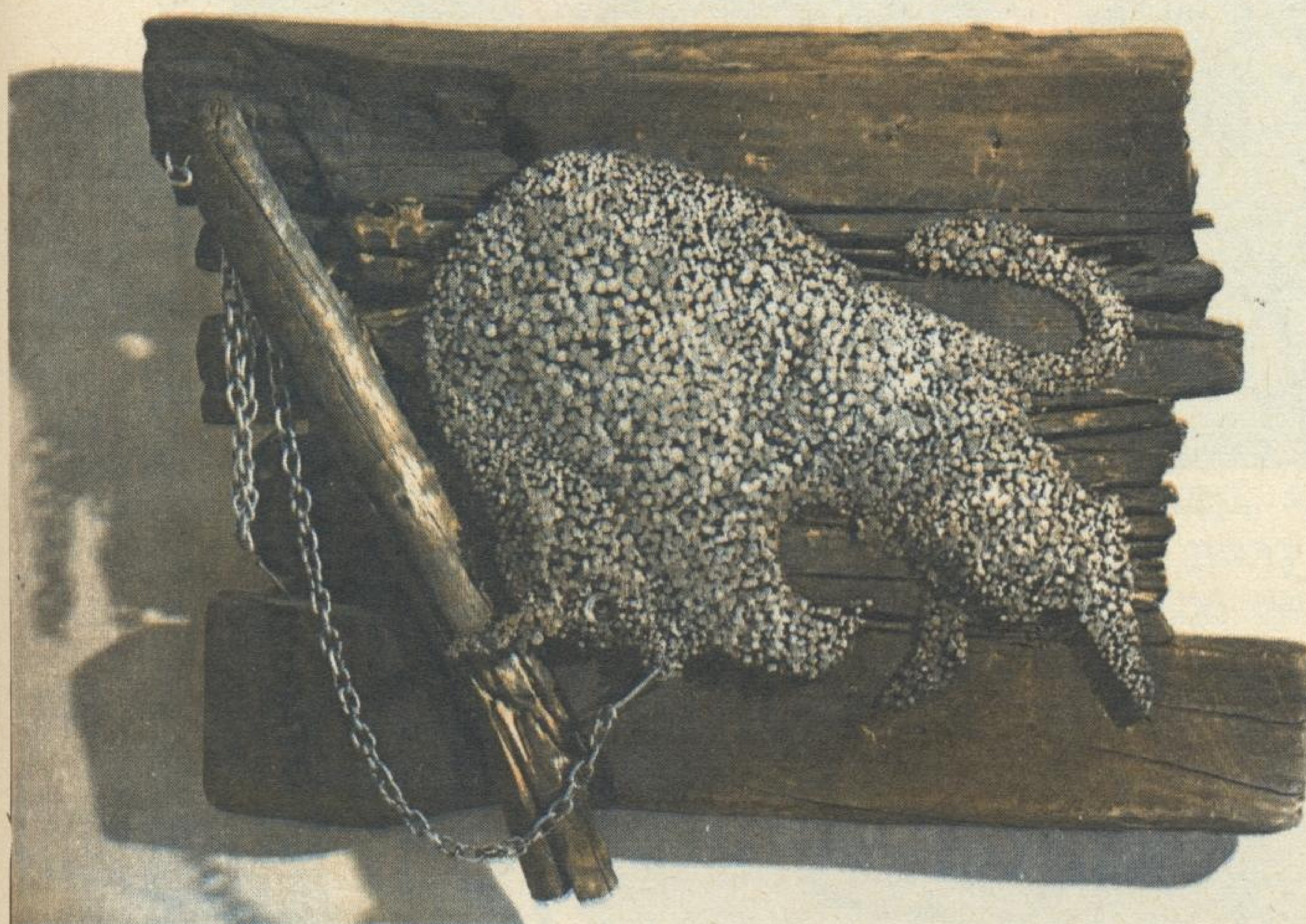
бы разные художники ни занимались промыслом, они всегда делали, как принято, как положено, как учили старшие. Это и было народное искусство. Если на промысле делали соломенных кукол, то это никак не могли быть «Кишиневские цыганки» Граур. Куклы были «изобретены» раз и навсегда, и мастера твердо держались старых правил. Так что в самодеятельном искусстве любую вещь делаешь сам, а в народном делаешь так, как делали твои предки.

Многие промыслы забылись, пропали. Часто люди не знали, зачем их нужно беречь, и не сберегли. Потом спохватились ученые и художники, бросились спасать. Но уже умерли старики, которые знали состав клея, породу дерева и то, как замешивать глину, и когда собирать травы, и как варить из них краску.

И вот на выставке выяснилось, что в дальних деревнях, селах, аулах есть люди, которые стали припоминать, что знали в детстве, слышали от дедов. И сами стали восстанавливать, возрождать то, что давно забыто. Это и есть вещи народных художников.

Припомнила колхозница Росубу из Хабаровского края, как делали ее предки красивые и легкие берестяные коробы, белые, отделанные черной рыбьей блестящей кожей. Пенсионерка из Бурятии Ш. Буланова сшила малагай — шелковую остроконечную шапку, отороченную мехом с серебряной шишкой на макушке. И другой мастер, Б. Танеева, вспомнила дагестанские национальные сапожки — хитрое остроносое сооружение с затейливым золотым шитьем по белому войлоку, с красной кожей, с какими-то сложными завитушками, крючками и шариками. Скульптура, а не сапог!

А слесарь Ильмярв живет в Таллине. Удачливый он человек — вот как здорово знает секреты железа, меди. Эту чеканку по меди он назвал «Рыбацкое счастье».



Из самых обычных гвоздей сделал рабочий А. Балтенков своего «Разъяренного зубра».

И чтобы люди знали, откуда что пошло и как вспомнилось, на выставке развесили еще и самые старые вещи, какие отыскали в бабкиных сундуках или на чердаке где-нибудь. Вот выплыл из сундука рязанский наряд, такой пестрый — искры из глаз сыплются, когда смотришь: обшит кучей цветных лент, и на фартуке ленточная выставка. А марийцы — недальние соседи Рязани — носили строгие белые рубахи-платья, по вороту обшитые тонким кантом. Зато пояс у них был — целая копилка: тут и монетки, и цветные нитки, и ленточки, и пестрые пуговицы.

Ушли люди, которым эти вещи служили,— вещи остались. Изменилась жизнь и быт народов — вещи не изменились. А за всеми этими вещами стоят легенды, сказания, история. Скачут бурятские джигиты в острых шапках — пыль столбом, витязь в тигровой шкуре, герой Грузии, вытаскивает из узорных серебряных ножен тяжелый меч, лукавый Ходжа Насреддин сидит на бухарском ковре, поджав ноги, и пьет чай из голубой пиалы...

Это только вещи. Но они создавались веками, они сами получались от опыта жизни, от того, кто где живет и какая природа вокруг. Природа вошла в вещи: глина — в посуду, руды — в оружие, шерсть — в ковер и лен — в ткани. Каждая вещь выстроена по законам гармонии с природой, с климатом, с лесом, с пустыней или с горами. Она продолжение природы вокруг человека. Она продолжение человека в природе. Когда-то человек стал обращать природу в вещи, окружившие и одевшие его. И оказалось, что людям необходимо не только есть и пить и строить крышу над головой. Им необходимо еще и создавать красивые вещи. Без этого жизнь человека будет неполной.

Я ходила по выставке и вспомнила старую легенду, которую мне рассказали в Сибири. Вот она.

Жило в лесах бедное племя. Решил вождь племени повести своих людей в новые, счастливые земли. А чтобы не было помех в пути, он приказал убить всех слабых стариков. И один воин пожалел своего отца, спрятал его в мешок, а мешок взвалил на спину и понес. Вот пришло племя в новые земли, к глубокому горному озеру. Вода в озере была прозрачна, в ней отражались прибрежные скалы. А на дне озера сверкал огромный алмаз. Сказал вождь своим воинам: «Ныряйте на дно, добудьте алмаз, в нем богатство и счастье нашего племени». Один за другим ныряли мужчины — и не возвращались. И тот воин, что пожалел своего отца, наклонился над мешком и спросил, что делать. И ответил отец: «Камень этот — на вершине скалы, в озере — его отражение». Поднялся сын на гору, и вернулся с алмазом, и поведал племени, кто подсказал ему верный путь. Молчало племя. И сказал вождь:

— Я виноват перед вами, ибо я уничтожил мудрость предков, а без нее не добыть счастья.

Я вспомнила эту легенду, когда увидела восточные шелковые одежды, рукавицы, шитые бисером, и серебряные пояса с Алтая. Эта легенда родилась где-то там, где сделаны эти вещи. В них тоже скрыта мудрость предков.

НО ВЕДЬ РУБЕН НЕ ЗНАЛ...

Карен СИМОНЯН

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— А ну, мотай отсюда,— сказал мальчишка, сжимая кулаки.

— Не уйду,— заявил я. Можешь сам уходить.

Он наклонил голову и не глядя пошел прямо на меня. Словно баран. Только безрогий.

Я тоже наклонил голову и угрожающе двинулся вперед. Сделав по шагу, мы остановились.

— Я чемпион по боксу в нашей школе,— сказал он.

— Испуга-а-л! — сказал я.

Он беспомощно огляделся.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— А тебе что?

— Ну, а если отойду, скажешь свое имя?

— Тогда скажу.

Я подвинулся к краю тротуара.

— Ну, говори.

— Рубен.

— А я Авик.

— Ты что, недавно приехал сюда? — спросил Рубен.

— Всего два дня,— ответил я.

— В какой школе будешь учиться?

— Пока не знаю. До начала уроков еще целый месяц.

— А где лучше: здесь или на Земле?

— И там и здесь,— ответил я.— Мне все равно.

— Для меня не все равно,— сказал Рубен.— Уж очень по бабушке соскучился. Она не может прилететь на Луну. Не выносит дороги.

— Раз так, сам поезжай к ней,— посоветовал я.

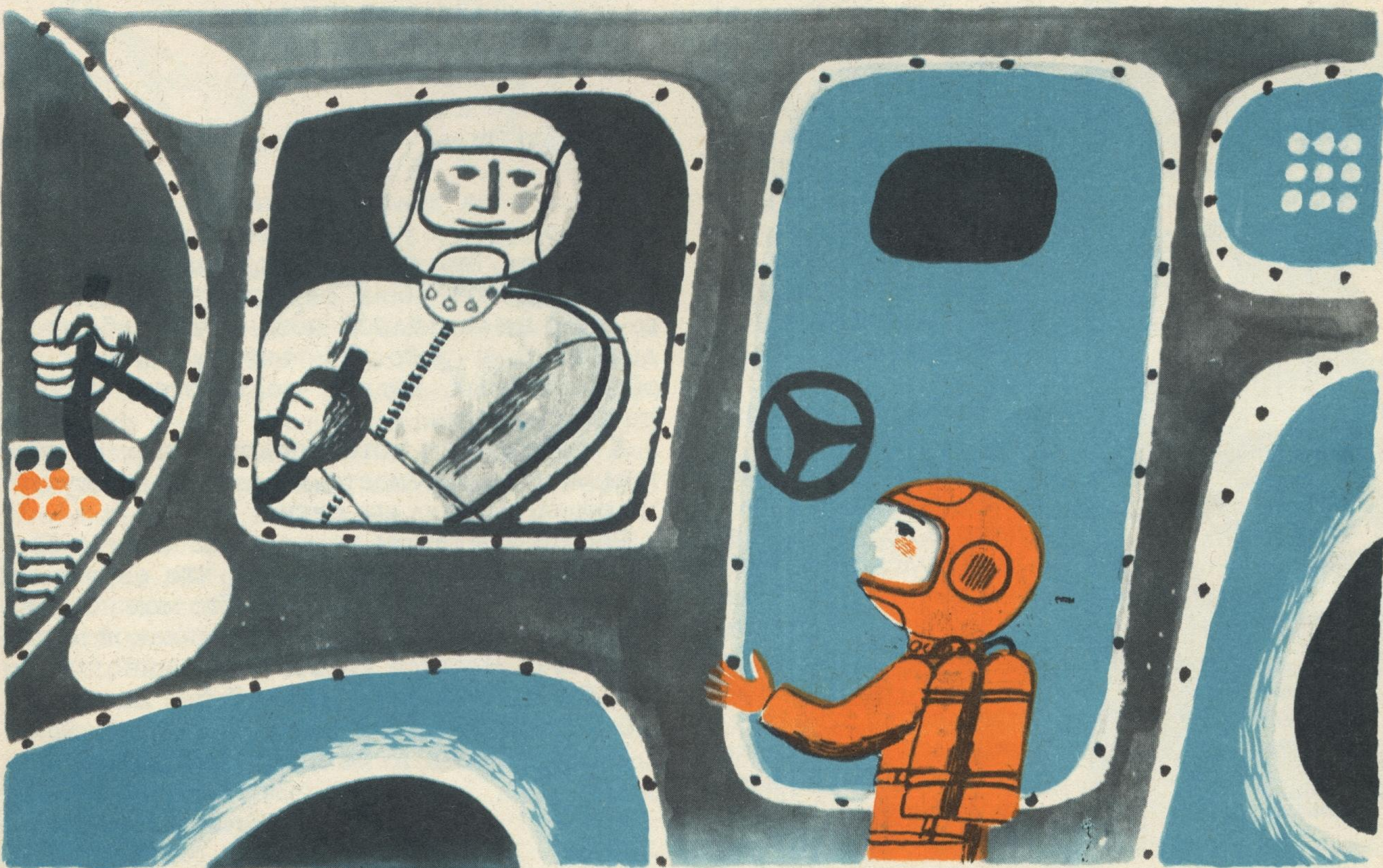
— Да,— сказал он,— я поеду с отцом.

— Так что же ты стоишь? Ведь я ушел с дороги,— сказал я.

— Не хочу.

— Чего?
— Не хочу домой. А ты?
— Я собирался погулять.
— Играешь в теннис? — спросил Рубен.— Может, пойдем поиграем?
— Вообще-то играю,— сказал я.— Только здесь, на Луне, еще не обвыкся.
— Ничего, научишься,— сказал он и махнул через забор.— Иди сюда, это наш двор.
Я тоже прыгнул через забор и оказался в обширном, густо усаженном деревьями дворе, в глубине которого находился теннисный корт.
...Так началось мое знакомство с Луной. Мальчишка был мой первый знакомый. Если хотите знать, я нарочно стал посреди тротуара. Я ни минуты не могу выдержать без друзей. И очень рад, что познакомился с Рубеном, хотя потом и проиграл ему со счетом 3:1.
Через два дня нас водой было не разлить. А вскоре мы обшарили весь квартал, где жил Рубен, потом обегали весь город, вплоть до прозрачного купола. И вот однажды, когда нам стало ясно, что в городе не осталось больше интересных мест, Рубен сказал:
— Что ты на это скажешь, Авик?
Устроившись на перилах балкона, мы пускали мыльные пузыри. Мы сидели спиной друг к другу и предавались этому серьезному занятию. Надо вам сказать, что не все умеют пускать мыльные пузыри. Вот, например, я. Не получается. И, похоже, никогда не получится. Конечно, важно выбрать хорошую соломинку. Мыло тоже должно быть отборное. Цвет не имеет значения. Если даже оно зеленое или голубое, все равно пузыри будут окрашены во все цвета и тона, какие существуют на свете. Главное — уметь выдувать.
— Я спрашиваю, что ты об этом думаешь? — произнес Рубен.
— Ладно уж...
— Значит, идем? — обрадовался Рубен и выдул очередной пузырь. То был огромный пузырь. Прямо с футбольный мяч.
— Куда это? — удивился я.
— Говорю, выберемся за город.
— Давай. Но для чего?
— Поглядим, как роют канал.
— Ты думаешь, это так интересно?
— А-а, что ты понимаешь! — сказал Рубен обиженно. А мне стало неловко. Хорошие друзья должны уступать друг другу. Взаимно. Это чудесная вещь. Честное слово.
— Рубен,— сказал я,— сейчас пойдем или завтра?
Он довольно улыбнулся.
— Завтра,— сказал он.— А скафандр у тебя есть?
— Скафандр? А на что он?
— Ничего, ты еще новичок,— снисходительно произнес Рубен.— Ведь как только мы выйдем из города, то тут же или превратимся в сосульку, или изжаримся. Уж не говоря о том, что там нет воздуха.
На следующий день мы покинули город. Правда, скафандр и баллон с кислородом ве-

Как нарочно, всего одно место. Что делать?



сили много, но на Луне не слишком трудно поднимать шестьдесят или даже восемьдесят килограммов.

Землеройки добрались почти до самого города. После того, как мы прошагали по равнине два километра, перед нашими глазами открылась очень любопытная картина. По равнине ползло множество различных машин. Должно быть, то были чертовски мощные машины, и каждая знала свое дело. Одна копала землю, другая укрепляла траншею пластмассой, третья перевозила трубы.

— Здорово, правда? — спросил Рубен.

— Здорово,— согласился я.

— Давай подойдем поближе,— предложил Рубен.

— Пошли,— сказал я.— Но не забывай, что кислорода осталось совсем мало.

— У нас в запасе еще пятнадцать минут,— ответил он.

Мы подошли ближе к машинам, работавшим на канале.

Тогда нас заметили. Водитель громоздкой машины, проезжая мимо, улыбнулся нам сквозь стекло и помахал рукой.

— Он приглашает нас прокатиться,— почему-то решил Рубен. Его глаза заблестели от волнения.

— А мы все равно не можем, — сказал я,— ведь кислород...

— Какой еще в машине кислород! — перебил Рубен. — Там его полно. — И заорал: — Дяденька, можно к вам в машину?

— Он нас не услышит,— заметил я.—Зря ты кричишь. Кто его знает, на какой длине радиоволны они переговариваются между собой...

— Верно,—приуныл он.

Но, когда машины снова поравнялись с нами и водитель опять улыбнулся нам, Рубен жестами дал ему знать, что не отказался бы от поездки на машине, если бы его пригласили. Водитель оказался человеком умным и понял нас. В свою очередь, и он тоже просигналил нам ответ. Видимо, и мы были умными мальчиками, раз поняли, что он хотел сказать: в машине есть место только для одного человека.

Рубен в отчаянии посмотрел на меня.

— Как нарочно,— застонал он,— всего одно место! Что делать?

Я понял, что ему ужасно хочется покататься. Что это за дружба, если ты не уступаешь другу? И я сказал:

— Ты уж поезжай, покатайся. Я подожду. Только, пожалуйста, возвращайся поскорей. Тебе ведь известно, что запасы кислорода...

Не дослушав, он побежал к машине. Потом ловко вскочил на нее и вскоре уже сидел рядом с водителем.

Они сразу же начали оживленно беседовать. Водитель, наверное, ужасно скучал и был рад новому знакомому.

Я устроился прямо на земле, на мягком слое пыли, и принялся терпеливо ждать Рубена.

Я уставился на занимающий почти полнеба гигантский земной шар, на мелкие блестящие звезды, которые никогда не мерцают здесь, на Луне. Немигающие звезды — как кукольные глаза, такие же мертвые.

Землеройка уже отъехала довольно далеко. Передо мной теперь проходили другие машины, они обкатывали дорогу и ставили вехи. Вдруг я сообразил, что если землеройка отъехала так далеко, значит, прошло порядочно времени.

А Рубен мог и забыть про меня. Я включил радиотелефон. Ответил он мне не скоро.

— Сейчас вернусь. Еще чуточку погоди, ладно?.. Ты не скучай, пожалуйста. До чего же здесь интересно, ты не представляешь!

— Представляю,— ответил я.

— Не обижайся, ладно?

— Не обижаюсь. Если интересно, не торопись,— ответил я.

И опять стал ждать его. Мне сделалось грустно.

Я ждал так долго, что по всем правилам кислород давно уже должен был кончиться. И я еще полчаса назад по всем правилам должен был задохнуться. Но всего этого не случилось, потому что роботы не дышат. А я робот. Только так похож на обыкновенных людей, что об этом сразу и не догадаешься.

Я робот, но я хотел подружиться с Рубеном. А что вы думаете, по-вашему, я случайно стоял тогда на его пути?

Робота и в самом деле можно иногда бросать. Позабыть о нем, о том, что он часами ждет вас на пыльной дороге. Его можно даже выключить, разбить... я и боли никакой не почувствую. Честное слово. Он именно так и мог бы поступить со мной. Я бы не скучал. Абсолютно.

Но ведь Рубен-то не знал, что я робот...

Перевела с армянского
И. КАРУМЯН.

ЭКСПЕРИМЕНТ ШЕСТОЙ

Учение с увлечением

С. СОЛОВЕЙЧИК

Каждому человеку хочется знать, что он за человек.

Но как это сделать? Как судить о самом себе?

По отметкам?

По отношению к вам окружающих людей?

Это будет похоже на игру в «молву». Знаете такую игру? Все сидят в комнате, а один выходит за дверь. Кто-нибудь «собирает молву» про того, кто вышел. Потом его зовут и объявляют:

— Я была на балу, ела халву и слыхала про вас такую молву: говорят, что вы слишком умный; говорят, что вы похожи на ученого; говорят, что ваша прическа, как воронье гнездо... Кто сказал, что вы похожи на ученого?

Таким способом можно многое узнать о себе, но всерьез эти сведения принимать не стоит: игра-то ведь шуточная.

А вот есть другой способ, несколько неожиданный, но очень точный.

Если вы хотите знать, что вы за человек, вспомните, какие у вас были трудности и неприятности в жизни и как вы к ним относились. Когда у человека все хорошо, о нем трудно судить.

Говорят, что друг познается в беде. Это правило можно расширить; мы скажем, человек познается в беде. И себя самого можно справедливо оценить лишь в трудный момент жизни.

●

Предположим, у вас сложились плохие отношения с химией. Вы запустили ее, на уроках ничего не понимаете, все вам кажется ненужным и неинтересным — и опыты и формулы. Каждый урок химии — мучение.

И учительница химии, кажется, вам, смеется над вами, презирает вас, и ей доставляет удовольствие ставить вам двойки. А на последнем уроке и того хуже вышло: вы не сдержались, нагрубили, и вот в дневнике, внизу, на левой странице, появилась надпись красными чернилами: «Прошу родителей зайти в школу...» Не покажешь ведь такой дневник отцу! Приходится врать, будто дневник и на этот раз не выдавали, потом еще что-то придумывать, а между тем появляется новая надпись теми же красными чернилами: «Вторично прошу родителей зайти в школу».

Все. Конец света. Жизнь окончена, жизни нет ни в школе, ни дома: можно ли жить с таким грузом? Что теперь делать?

Ученые-психологи описали разные виды поведения людей, попавших в трудное положение.

Одни начинают мечтать. Они ходят по улицам или сидят над учебником химии, а в голове у них сладкие картины: вдруг я завтра прихожу в школу, а учительница химии уехала в другой город. Надолго, на месяц или даже на полгода... За это время я выучу весь учебник наизусть... Татьяна Николаевна приходит, а я на первом же уроке поднимаю руку — не высоко, тихонько, скромненько так... Никто в классе не знает химии, все позабыли ее, а я иду к доске... «Молодец, — говорит Татьяна Николаевна, — ты будешь великим химиком!» Ну и так далее. Мечтать таким образом можно очень долго, часами и сутками. Одни мечтают о приятном, другие, наоборот, о сладостно-неприятном. Например, о том, как я иду отвечать к доске, меня просят сделать опыт, я выливаю какую-то жидкость из колбы, и вдруг — взрыв! Я лежу мертвый, а Татьяна Николаевна плачет надо мной и говорит: «Что я наделала! Это был мой самый лучший ученик!» И она плачет обо мне — из-за меня! — всю свою жизнь...

...С вами не бывало такого? Вы не прятались

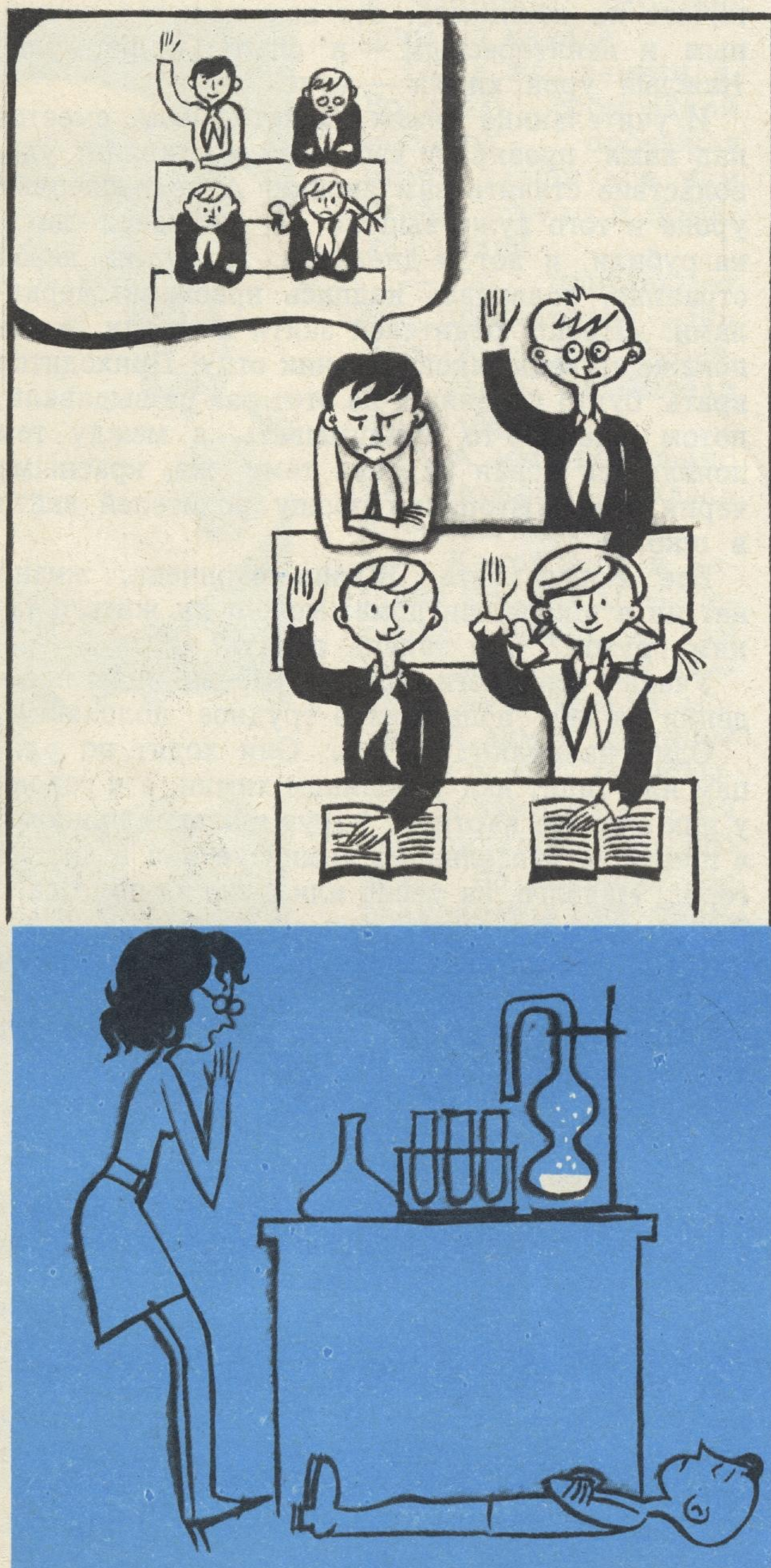
в пустые мечтания, чтобы позабыть о неприятностях?

Тогда, может быть, вы поступаете по-другому? Вы начинаете рассуждать: «Ах, так? Двойка в четверти по химии? А зачем, собственно, мне химия? Что я — химиком собираюсь стать?»

И вы, убеждая себя таким образом, действительно перестаете заниматься химией, и вся ваша жизнь складывается далеко не лучшим образом, оттого, что вы приучили себя каждый раз, когда у вас что-нибудь не получается, заниматься самоуговариванием: а мне, дескать, это и не нужно.

Помните лисицу из басни Крылова, которая не могла дотянуться до винограда? В каждом из нас сидит такая «гордая» лисичка, и слишком часто мы говорим себе: «Зелен виноград... Не нужен он мне...»

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.



Есть люди, которые ни о чем таком не думают, не мечтают, а просто тоскуют... и ничего не делают, ждут, пока опасная ситуация не разрешится каким-нибудь образом, но сама собою. Например, учительница потеряет терпение и сама придет домой... Или еще что-нибудь такое же неприятное получится... Так и живут, в тоске и страхе...

Есть и такие люди (правда, их очень мало), которые вовсе не обращают внимания на неприятности. Двойки? Ну и что? Родители будут ругать? Ну и что? На второй год оставят? Ну и что? «А нам все равно...» Таким людям совершенно наплевать и на себя, и на волнения и тревоги отца с матерью, и на свою будущую судьбу: как будет, так и будет; они совершенно спокойно проводят дни в свое удовольствие, и никакие двойки не беспокоят их.

Наконец, есть еще один тип людей: они в отличие от описанных не мечтают, действуют, но как действуют? Каким способом? Совершенно фантастическим. Я знаю ребят, которые, когда у них в дневнике появляются какие-нибудь неприятные записи, могут поехать за город, в лес, и там закопать дневник, совершенно не думая о последствиях...

Или человек вдруг начинает грубить учительнице (а она-то в чем виновата?), скандалить, хулиганить на уроках...

Ученые называют такое поведение «неадекватным». Адекватный — значит соответствующий; неадекватный — несоответствующий. Поведение, не отвечающее реальной ситуации.

●

Здесь нарочно так подробно описаны все виды неадекватного, несоответствующего поведения, потому что с каждым из нас случалось такое: вместо того, чтобы приниматься за дело, мы уходим в мечту или изобретаем фантастические, чудовищные способы избежать неприятности. И нам кажется, что мы сами изобрели их, а на самом деле все эти штуки давно известны, описаны, и мы, таким образом, не можем даже получить того удовольствия, которое имеет всякий первооткрыватель.

Все описанные способы сводятся к одному: человек стремится избежать неприятности, обойти ее, уйти от нее, спрятаться.

Согласитесь, что, в общем-то, это недостойно человека. И, главное, никогда не приводит к хорошим результатам. Большая часть неприятностей потому и неприятность, что ее никак, никаким образом нельзя избежать — нужно идти ей навстречу.

Не бойтесь неприятностей! Они ведь тоже составляют некоторую часть нашей жизни, они ведь наши, от них никто не застрахован — их надо переживать так же, как и радости, их нельзя избегать, их нечего бояться — их надо медленно и упорно побеждать.

Если вы чувствуете, что боитесь показать дневник отцу, — немедленно, пусть даже в самое неподходящее для этого время делайте именно то, чего вы боитесь, — открывайте днев-

ник перед отцом, и будь что будет. Только не откладывайте, не ждите «удобного» момента, не хитрите с собой: удобный момент может не наступить, и ваше положение усложнится.

Когда вы чувствуете, что на горизонте возникает какая-то неприятность, смело идите ей навстречу, потому что завтра неприятность станет еще больше, потом еще, и наконец она может оказаться сильнее вас, сильнее вашей смелости — и тогда вы пропали.

Вернемся к началу нашего разговора: как узнать самого себя? По вашему отношению к неприятностям! Если вы идете им навстречу — вы сильный человек.

Если вы стараетесь избежать их тем или иным способом, вы слабый человек.

Но у каждого, даже самого слабого человека есть шанс стать сильным. Это очень просто. И очень трудно. Надо приучить себя не избегать неприятностей.

в физике. Но она никого не просила, взяла учебник и выучила с начала и до конца. И, как видите, отличница!»

У девочки более реальный, более правильный подход к вещам. Она не сочиняет фантастических планов.

А Сережа все еще пытался отделаться от неприятности легким путем. Он попросил другую девочку заниматься с ним. Но и тут его ждала неудача! Девочка эта в тот же день уезжала в Ленинград.

Только тогда Сережа понял, что он должен делать. Вот как он описывает дальнейшие события:

«И я решил: опыт проделываю я? Я! Ну и вытягиваться буду сам... Я нашел в себе силу воли и начал учить химию с самого начала. Вы не можете знать, как я мучился. Я решил бросить этот опыт. Но опять сила воли! Я не прочитал ни одной литературной книги, и это для меня

●

Вот какая история произошла с восьмиклассником Сергеем (фамилии своей он не назвал) из города Кропоткина. Он сам ее описал в письме «Пионеру».

У Сергея были сплошные двойки по химии. Можно предположить, что сначала он старался избежать этой неприятности каким-то несоответствующим образом, ибо он запустил химию с самого начала, с шестого класса. Да и поначалу он тоже решил схитрить.

«Приступая к вашим опытам, — пишет Сережа, — я имел маленький план. Вот он: попросить хорошую ученицу (ученицу лучше — она более усидчивая), чтобы она подтянула меня».

Он попросил одну девочку, но та отказалась заниматься с ним. «И знаете, как она отговаривалась? — продолжает Сережа. — Она сказала, что в 7-м классе она тоже ничего не понимала

самое ужасное. Я сидел и «упивался» химией. Понемногу я стал понимать ее. И чем больше понимал, тем больше она мне нравилась. И вот успех! Успех небольшой. Я сначала закрыл двойки тройкой, а затем четверкой».

Дальше Сережа благодарит «Пионер»: «И в этом помогли вы! Огромное вам спасибо! Сейчас я готовлюсь к контрольной по химии. Думаю, что напишу. Еще раз спасибо! «Учение с увлечением!»

Вот какая история. Ее не нужно обсуждать — каждому понятно, что к чему.

Когда перед человеком опасность, трудность, неприятность, то, чем больше он рассматривает ее и обдумывает ее, тем меньше она ему нравится. Смело бросайтесь навстречу опасности, и вы победите ее.

Старые солдаты говорят, что страшно только перед боем, а в бою человек обо всем забывает, и ему уже не страшно. Единственное укрытие от страха — бой, сражение.

Осталось только объяснить, какое все это имеет отношение к учению с увлечением.

Самое прямое.

Почему нам скучно? Почему мы не любим заниматься каким-то делом? Потому что оно у нас не получается, а мы, вместо того чтобы бороться за успех, прячемся от неприятной работы. Но кто участвует в наших экспериментах с начала учебного года, тот уже знает: чтобы стало интересно, надо добиться успеха.

А чтобы добиться успеха, надо не бояться начинать дело снова и с самого начала.

Запустили физику за год — смело открывайте учебник на первой странице.

Запустили химию за два года — плохо дело, но ничего страшного нет, доставайте прошлогодний учебник и начинайте «упиваться» им, как говорит Сережа из города Кропоткина. Ведь это даже интересно — не просто учиться, а сражаться за знание.

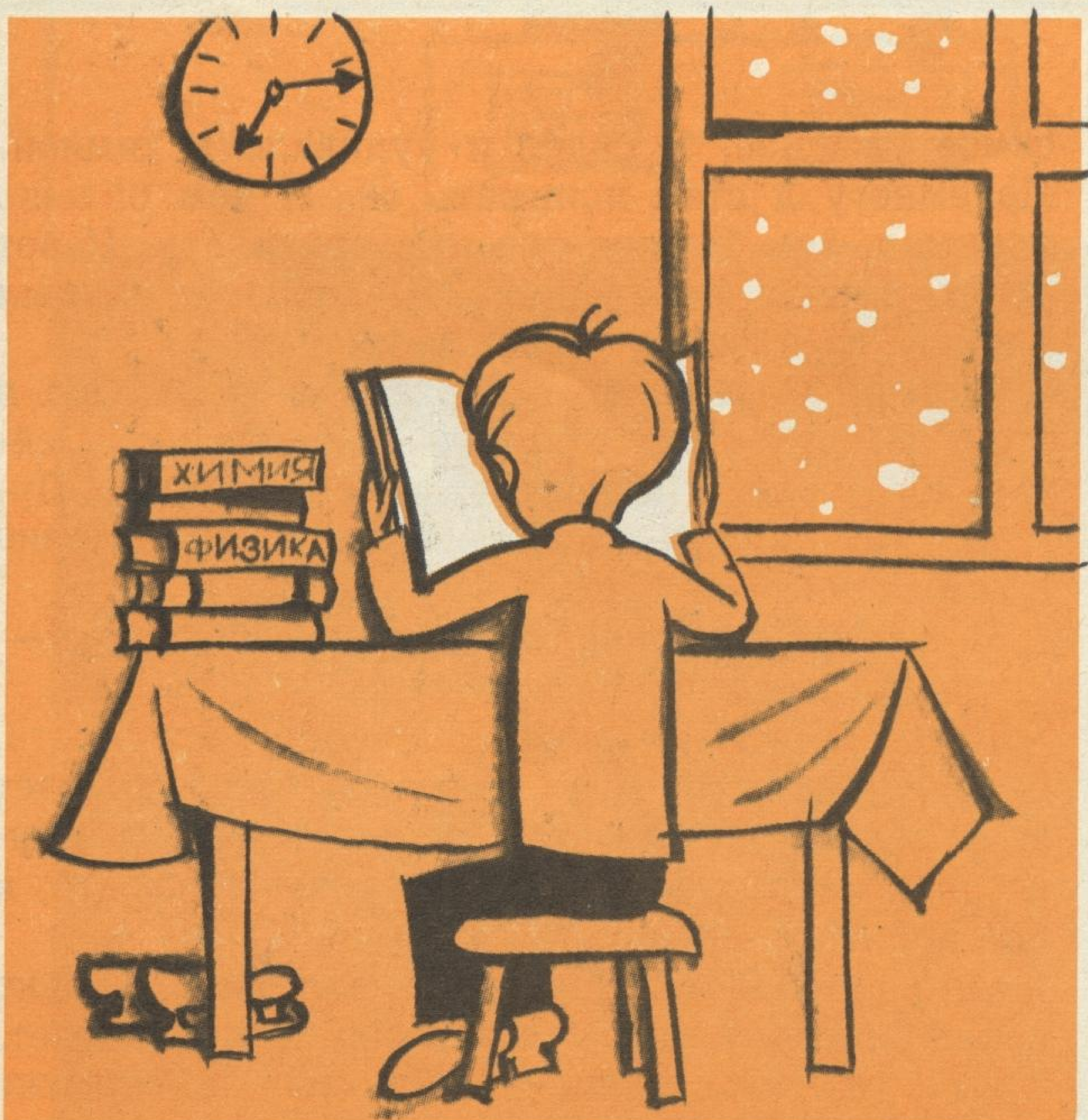
И, между прочим, это лучший способ развивать силу **воли.**

Задание на этот раз такое: подумайте, как вы сами управляетесь с неприятностями в школе, во дворе, в пионерском отряде, дома? Каким способом?

Если окажется, что вы обычно стараетесь избежать неприятностей, поступаете несоответствующим (неадекватным) способом, то, значит, и сейчас у вас есть некоторое количество неприятных историй. Это уж обязательно. Выбирайте одну из них — самую неприятную — и бросайтесь на нее с такой же отвагой и с таким же упорством, как это сделал Сережа.

И обязательно пришлите нам подробнейший отчет о том, что же у вас получилось. Победа или поражение?

Желаем вам победы! Учение с увлечением!



ПОКА ЖЮРИ ПОДВОДИТ ИТОГИ

ЗЕТ. Да, пока еще письмам на Олимпиаду не видно конца. Жюри и Двое Неизвестных заседают с утра до ночи. И у нас с вами тоже есть занятие на это время. Вот послушайте, что пишет нам Люба Л. из Мордовии:

«...То, что я знаю из школьной программы по математике, для меня мало. Прошу вас подобрать книги, в которых есть задачи, примеры всевозможные...»

Таких писем много. И я решил рассказать кое-что о математических книгах, написанных для вас. Читать стоит любую из них. Но некоторые мне особенно нравятся. Вот о них я и хочу рассказать.

Вы, наверное, видели книжки **Якова Исидоровича Перельмана «ЖИВАЯ МАТЕМАТИКА», «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА», «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АЛГЕБРА», «ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ»...** В них много не только интересных, но и весьма полезных рассказов (для некоторых из вас, читатели, скажу наоборот: не только полезных, но и весьма интересных). Не забудьте про **«МАТЕМАТИЧЕСКУЮ СМЕКАЛКУ» В. А. Кордемского!** О приключениях Илюши Камова в математической стране рассказывает **С. П. Бобров в «ВОЛШЕБНОМ ДВУРОГЕ».**

Название книги **Р. Куранта и Г. Роббинса «ЧТО ТАКОЕ МАТЕМАТИКА?»** говорит само за себя. Она входит в серию **«МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ»**, которую я весьма рекомендую. В этой серии вышла замечательная книга венгерского математика **Розы Петер: «ИГРА С БЕСКОНЕЧНОСТЬЮ».**

Посоветую еще **«СБОРНИК ЗАДАЧ МОСКОВСКИХ МАТЕМАТИЧЕСКИХ**

НАШ ЛЯГУШАТНИК

ОЛИМПИАД», составленный **А. А. Леманом**, и **«РАССКАЗЫ О РЕШЕНИИ ЗАДАЧ» И. Я. Депмана. «МАТЕМАТИЧЕСКОЕ ОТКРЫТИЕ», «МАТЕМАТИКА И ПРАВДОПОДОБНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ» Д. Пойа** пригодятся многим из вас.

Наконец, моя любимая серия книг — **«Библиотека математического кружка»**. Первые три выпуска — **«ИЗБРАННЫЕ ЗАДАЧИ И ТЕОРЕМЫ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ МАТЕМАТИКИ» Д. О. Шклярского, Н. Н. Ченцова, И. М. Яглома.** Недавно вышел 12-й выпуск — **«ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ НЕРАВЕНСТВА И ЗАДАЧИ НА МАКСИМУМ И МИНИМУМ»** тех же авторов. Особенно рекомендую 10-й выпуск — **Г. Радемахер и О. Теплиц «ЧИСЛА И ФИГУРЫ. ОПЫТЫ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ».**

Еще две серии. **«Популярные лекции по математике».** Всего их 49, и многие вполне доступны вам. А в серии **«Библиотечка физико-математической школы»** выпущены две книжки, составленные из задач вечерней математической школы при МГУ: **«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ» Е. Б. Дынкина, С. А. Молчанова, А. Л. Розенталя, А. К. Толпыго** и **«МАТЕМАТИЧЕСКИЕ СОРЕВНОВАНИЯ»** тех же авторов.

Не забудьте про **«КВАНТ»** — физико-математический журнал для школьников. В редакционной коллегии его — девять академиков.

Может быть, и даже наверняка, некоторые из названных мною книг покажутся вам сначала очень трудными. Не пугайтесь: надо перебороть себя и упорно работать, тогда рухнут все преграды. Без труда не вынешь и рыбку из пруда!

ПЕППИ НА УРОКЕ

Многие из вас, ребята, уже знакомы с девятилетней девочкой Пеппи, героиней повести шведской писательницы Астрид Линдгрен «Пеппи — Длинный Чулок».

Вот Пеппи впервые пришла в школу, вернее, не пришла, а приехала на своей лошади.

— Давай поглядим, что ты знаешь,— сказала учительница.— Ты уже большая девочка и, наверно, многое умеешь. Начнем с арифметики. Скажи, пожалуйста, Пеппи, сколько будет, если к 7 прибавить 5.

Но Пеппи не захотела отвечать, и учительнице пришлось объяснить, что 7 и 5 будет 12. Потом она задала следующий вопрос: сколько будет 8 и 4?

— Думаю, 67.

— Неверно,— сказала учительница.— 8 и 4 будет 12.

Пеппи очень удивилась: только что ей сказали, что 12 — это 7 плюс 5, а теперь вдруг оказывается, что 12 — это 8 плюс 4.

— Ну, это уж слишком!—возмутилась она.— Какой-то порядок нужен и в школе.

Может быть, мы смогли бы объяснить Пеппи, в чем дело, если бы попросили ее решить такую задачу. У Томми и Анники — друзей Пеппи — вместе 12 конфет. Сколько конфет у каждого из них?

— Наверное, 6 и 6,— сказала бы Пеппи.

— А может, 7 у Томми и 5 у Анники?—спросили бы мы ее.

— И это возможно,— сказала бы Пеппи, подумав.

— Вот видишь, Пеппи,— сказали бы мы,— $6 + 6 = 12$ и $7 + 5 = 12$. Число 12 можно представить в виде суммы двух чисел многими способами. Сколько же таких способов? А вот посчитай. Их столько же, сколько способов разделить 12 конфет между Томми и Анникой. Можно Томми вообще не давать конфет, тогда все 12 достанутся Аннике: $0 + 12 = 12$. Это один способ.

Можно Томми дать 1 конфету, тогда Анника получит 11 конфет: $1 + 11 = 12$. Еще один способ.

Попробуйте, ребята, сами довести расчет до конца. Это наша **первая задача.**

Теперь вам легче будет решать **вторую задачу.**

Сколькими способами можно представить число 50 в виде суммы двух слагаемых.

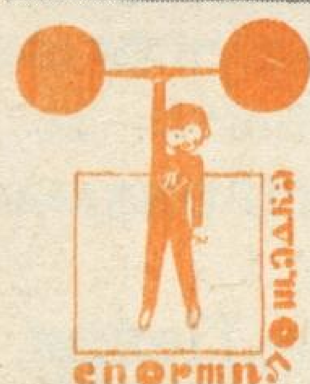
И еще одна похожая задача, но потрудней. **Сколькими способами можно представить число 60 в виде произведения двух множителей.**

Обязательно сравните свои решения с теми, которые напечатаны на стр. 80.

КОНКУРС ИКСА

У кассира есть монеты достоинством 3 копейки, 5 копеек и 10 копеек. Сколькими способами он может дать сдачу 30 копеек?

Итак, до следующего №



БЕГ, просто бег

Я спускаюсь к набережной и иду узким тротуарчиком к Лужникам. Это не близко, но садиться в троллейбус не хочется, хотя в этот час, на исходе дня, когда морозный прозрачный воздух едва-едва голубеет, они тянутся один за одним почти пустые и можно выбрать местечко у окна.

Я знаю, что он уже бежит где-то здесь, то ли сзади, и, значит, скоро нагонит меня, то ли ушел вперед, и тогда мы с ним встретимся уже в сумерках, когда он повернет обратно.

На Саввинской набережной его знают. Он пробегал здесь вчера, и год, и два, и пять лет назад. Он бежал, теряясь в белой глухой пелене снегопада и под тяжелыми шумными майскими дождями, в июльский сухой солнцепек и при хорошем, звонком морозце.

Вчера мы провели с Александром Александровичем два часа за разговорами. Я рассказал, что за много лет привык встречать его бегущим по улице, а узнал, вернее, вспомнил, что знаю его совсем недавно.

Александр Пугачевский... Вспомнилось и это имя и фотографии из газет: взмах руки на финише, майка, потемневшая от пота, и лицо, хранящее напряжение долгой и трудной борьбы. Длинный список рекордов, титул непобедимого, фейерверк великолепных сравнений.

Я рассказал ему о наших мальчишеских грезах — сорваться с места и гнать вперед, набирая скорость, сильными, длинноющими шагами по летящей навстречу дорожке: вот один бегун позади, другой позади, быстрее всех, впереди всех, вот так же, как он, Пугачевский.

— Мальчишкам и четверть века назад, и сейчас, и во все времена проще, чем взрослым, представить себе легкую, волнующую радостную стихию бега,— легко меняя направление нашего разговора, заметил мой собеседник.

Бег,— неторопливо, словно раздумывая, продолжал Александр Александрович,—бег, прежде чем стать спортом, был человеку нужен сто раз на дню, чтобы выжить в суровом доисторическом житье-бытье. Пещерный житель, по всей видимости, больше бегал, чем расхаживал по земле прогулочным шагом.

Человечество с самого своего рождения обладало способностью бегать. И в течение многих веков активно развивало эту свою способность. Человеческий организм, человеческое тело надежно рассчитаны и на очень быстрый и на очень длительный бег.

Органическую расположенность к бегу можно потихоньку растратить, пригасить, подавить в себе, если говорить: «А куда спешить-то? Можно и шагом». Тем более что в нашей современной жизни и в самом деле к бегу нас ничто особенно не принуждает. Разве что в школу человек опаздывает или в кино.

Но зато стоит тебе чуть-чуть развить в себе древнюю дремлющую страсть к бегу, почувствовать наслаждение от свободного, стремительного полета над травой, над ручьем, дорогой, тропинкой, испытать радость от умной послушности твоего пружинистого тела, если захочешь, оно понесет тебя через реки, овраги, над забором, выше дома и сада, далеко за горизонт,— стоит тебе разбудить потребность в беге, тебя уж не удержать...

— Главное, по-моему,— не потерять, не дать уйти прекрасному и такому естественному состоянию детства, когда человек всегда наготове сделать шаг, и ноги уже сами несут тебя вихрем вперед.

Я, начав в детстве, бегаю до сих пор, бегаю вот уже сорок лет и, как видите, все не могу остановиться. И дорога, идущая вдаль, темная просека в лесу, и луговая стежка, и пустынные аллеи в парке по-прежнему подстрекают меня: «А ну-ка, бегом!»

Тут мне припомнилось мое двенадцатилетнее чувство. В ту пору казалось: «Вот, если кинуться стремглав, со всех ног, никто ни за что меня не догонит!» И мы всей гурьбой бросались наперегонки по тихой нашей улице до угла и обратно, к нашему дому, но к концу почему-то не хватало дыхания и в горле жгло, и ноги становились тяжелыми. Длинноногая девчонка Зойка вдруг оказывалась впереди всех мальчишек...

— Беговая программа на каждый день — вот что способно соединить воедино воображаемое наслаждение бегом с действительным. Я знаю: ребята часто если не говорят, то думают: «Соревноваться интересно, а бегать каждый день по программе скучно. Я же бегаю, когда хочется». Но тут-то как раз и заключена одна не сразу приметная, но коварная ошибка. Бегать не только, когда захотелось, и не столько, сколько бежится само собой, легко, без

всякого напряжения. **Бегать регулярно и с нагрузкой большей, чем обыкновенная, приспособив темп бега и дистанцию к пределам своих способностей** — в этом вся штука.

Бегать меньше — значит оставаться все время в одном и том же начальном состоянии. Бегать нерегулярно — значит терять след прошлой тренировки.

«А надо ли человеку бегать? Зачем?» — спросит меня, наверное, какой-нибудь скептически настроенный читатель «Пионера». — Я здоров, это мне все врачи говорят, и никто из ребят не считает меня слабаком. Я и в футбол гоняю, и не хуже других, чего еще надо?»

Ну, во-первых, здоров и хорошо физически подготовлен — это разные вещи. Можно играть в футбол,

И ТОЛЬКО

плавать, бегать, верить, что ты отлично тренирован и... глубоко ошибаться.

Многие, очень многие не знают своих подлинных физических данных, потому что никогда их по-настоящему не испытывали.

Бег — простейшее, каждому доступное средство выяснить, на что ты способен. Бег — прекрасное средство увеличить, основательно умножить свои физические возможности.

Знаешь ли ты, дорогой читатель «Пионера», что некоторые взрослые футболисты, сыгравшие на своем веку не одну сотню игр, пробовали одолеть вместе со спортсменами-бегунами в их темпе километровую дистанцию и убеждались, что справиться с ней спервоначалу им не под силу, а после регулярных тренировок справлялись и с более длинной дистанцией.

Выходит, раньше они были недостаточно физически подготовлены.

Ребята — я имею в виду прежде всего мальчишек — мечтают о силе. Сила — вот что им надо. Они путают силу с выносливостью. Сознательной «накачкой» отдельных групп мышц можно добиться желанной их силы. Выносливость не то. Выносливый в любых обстоятельствах выдержит, сделает, добьется большего, чем просто сильный.

Бег — это путь к выносливости.

Человеку надо бегать. Это ему необходимо. Но начинать, разумеется, нужно, показав себя школьному врачу, посоветовавшись с школьным преподавателем физкультуры. Человеку, достаточно взрослому, этого объяснять не стоит.

Мы поступим так. Выберем себе в парке, на стадионе, во дворе, на улице, в любом подходящем месте

Фото С. КАРАСЕВА.

расстояние, о котором, примерившись к себе, можем твердо сказать: «Осилим». Что бы там нам ни казалось, мы ведь умеем, когда это нужно, интуитивно оценивать свои возможности достаточно трезво, знаем, переплыть нам реку в этом месте пусть даже с большим усилием или лучше и не пробовать.

Задание себе по бегу будем изо дня в день выполнять. Темп возьмем неспешный, трусцой. Но уже без поблажек, без этаких коварных мыслишек во время бега: «Сегодня дождливо (или холодно, жарко, ветрено), хватит на сегодня».

По мере того, как мы будем чувствовать, что стали выносливей, будем увеличивать длину дистанции.

Потом можем экспериментировать, задавать себе различные задачки на скорость бега, максимальные нагрузки, преодоление препятствий на бегу. И будем все больше и больше узнавать себя.

Говорят, что горнолыжники за пятнадцать минут спуска с горы перерабатывают в своем сознании столько информации, сколько математик за полчаса работы. В беге мы тоже внимательнее слушаем себя, свое сердце, мышцы, контролируем дыхание, ведем счет времени, расстоянию, силам. Мы открываем в себе то, о чем не догадывались, не подозревали раньше. Мы начинаем по-настоящему владеть своим телом и волей. Теперь мы в себе не ошибемся. А зная себя, мы добьемся многого.

Впереди, в сгущающейся синеве вечера, я узнаю знакомую фигуру Александра Александровича Пугачевского. Он не молод. Во всесоюзных и международных соревнованиях по бегу давно участвуют его ученики. Но он не сошел с дистанции. Он по-прежнему в форме. Между прочим, он за всю свою жизнь ни разу не болел...

Беседу с заслуженным мастером спорта А. А. ПУГАЧЕВСКИМ записал М. ВЛАДИМИРОВ.

Песни разных народов

ВСЕ ВМЕСТЕ

(с бурятского)

Давайте споем
Веселую песню.
Вдвоем и втроем —
Все вместе!

Входите в мой дом,
И мы заживем
Вдвоем и втроем —
Все вместе!

Входите в мой дом,
И песню споем
Вдвоем и втроем —
Все вместе!

УРОЖАЙ

(с кабардинского)

Настанет весна,
И грачи закричат.
Усердные плуги
В полях запестрят.

Пускай уродится
Такой урожай,
Какого не видел
Доселе наш край.

Чтобы пшеница
В поле росла
Косцу — до папахи,
Коню — до седла.

Чтобы колосья
Клонилися долу,
Как рукава
У кольчуги тяжелой.

Чтобы текло
Золотое зерно
И россыпью щедрой
Легло на гумно.

Чтобы прогнулась
Арба от зерна,
Чтобы в ауле
Запела зурна.

ПЛУГ

(с грузинского)

На месте не стой,
Мой плуг полевой,
И весело пой
Песню скрипучих колес.
Арало, ариара́ли.

А вечер придет,
Арба меня с поля
Домой повезет
И пропоет
Песню скрипучих колес.
Арало, ариара́ли.

ЕСЛИ БЫ...

(с бурятского)

Если б неба
Высокого не было,
То откуда бы
Солнце светило?
Если б не было
Низкого неба,
Как бы по небу
Туча ходила?
Если бы не было
Сделано дело,
То и песня бы
Не зазвенела!

СОЛНЫШКО

(с чувашского)

В утреннем небе,
Высоком и чистом,
С кряканьем громким,
Шумом и свистом
Тянется диких
Гусей полоса.
Не сыпь им
Напрасно
На землю овса —
Не остановишь!

Солнышко красное
Поутру встанет
И непременно
В окошко заглянет.
Не закрывайся
От яркого блеска,
Не останавливай
Луч занавеской —
Не остановишь!

ДУБ

(с украинского)

Чуть повыше дуба
Тучка плывет,
Чуть пониже дуба
Речка течет.

Чуть повыше речки
Ячмень молотят,
Чуть пониже тучки
Соломки летят.

Пересказал Л. ЯХНИН.

Рисунок Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Клуб Сóрок Сорóк

Репортаж с заседания ведет Вадим ЛЕВИН.

— Уважаемые члены Клуба! Если вы все на месте...

— А как насчет последних известий? — неожиданно осведомилась сорока Путешественница.

Бабушка Белобока нахмурилась и начала снова:

— Уважаемые члены Клуба! Сегодня наше заседание...

— А будем проверять домашнее задание? — опять не вовремя поинтересовалась Путешественница.

Наступила неприятная тишина. Потом Белобока очень вежливо спросила:

— Ну, может быть, вы разрешите мне начать?

— Да-да, могу и помолчать,— миролюбиво согласилась Путешественница и о чем-то задумалась.

Бабушка Председатель посмотрела на нее с недоумением и наконец объявила заседание открытым.

— Сегодня на повестке дня скороговорки и считалки.

— Две занавески, три коня, четыре терки, щи для галки, - - думчиво пробормотала Путе[illegible]венница.

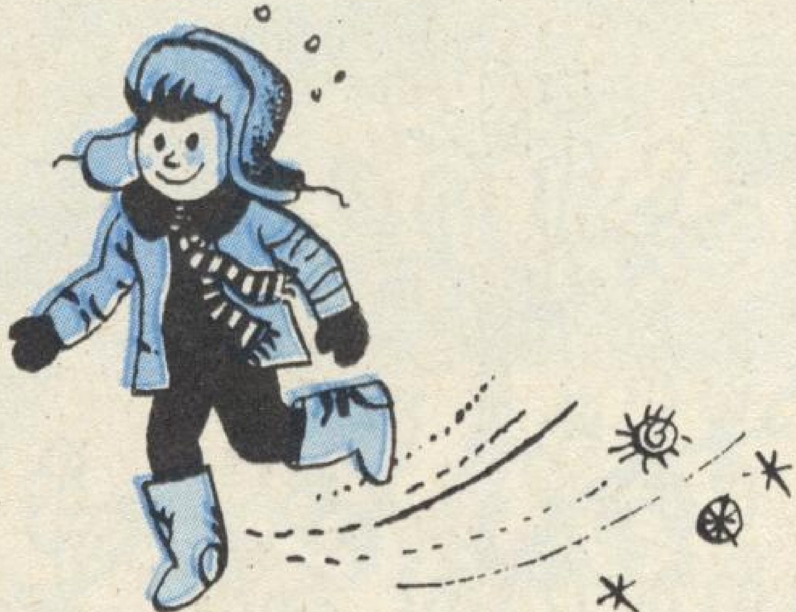
Белобока, покосившись на нее, продолжала:

— Прежде всего я хочу поблагодарить Колю Ониченко из Жданова, Свету Мук из города Вяземского Хабаровского края, Валю и Ангелину Маленьких из деревни Чикманово Пермской области, Ландыш Нурмахметову из Альметьевска и всех других ребят, которые прислали нам считалки в коллекцию Соберике-Разберике.

— Бабушка Белобока, а не знаешь, кто сочинил все считалки и скороговорки? — послышался голос сороки Почемучки.

— Смотря какие, — ответила Белобока. — Вот эту считалку сочинил украинский поэт Платон Воронько.

С поля,
С моря,
С дальних гор
Ветры к нам летят во двор.
Первый ветер вербу мнет,
А второй березу гнет.

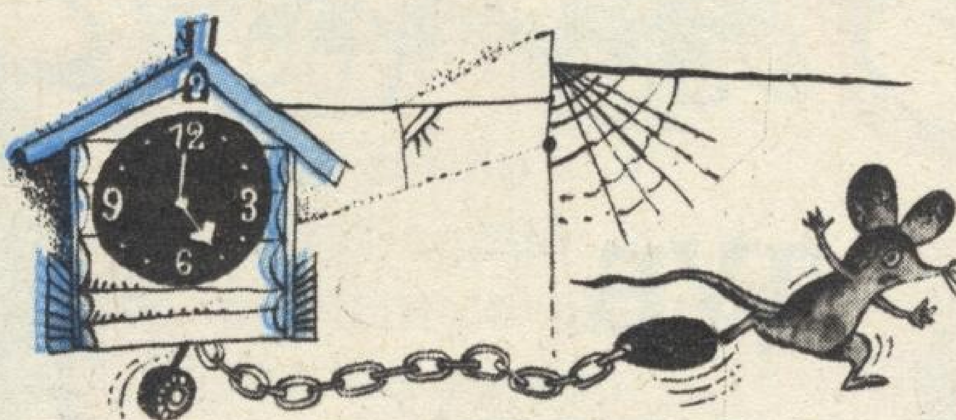


Третий ветер дуб ломает,
Тучу пыли поднимает.
Ты глаза не засори.
Отвернись и не смотри.
Разлетимся мы, как ветры,
Раз, два, три!

А вот русская народная считалочка:

— Заяц белый,
Куда бегал?..
— В лес дубовый.
— Что там делал?
— Лыки драл.
— Куда клал?
— Под колоду.
— Кто украл?
— Родион.
— Выйди вон.

И еще одна считалочка...



Вышла мышка как-то раз
Поглядеть, который час.
Час, два, три, четыре...
Мышка дернула за гири.
Вдруг раздался страшный
звон.
Убежала мышка вон.

— Бабушка Белобока, не рассказывай, пожалуйста, больше,— попросила Соберика-Разберика.—

–Пускай те ребята, которые прислали или ещё пришлют нам считалки и скороговорки, сами напишут, кто эти считалки и скороговорки сочинил. Это моё первое задание

— А если они не знают, кто сочинил?

— Тогда пусть напишут честно, что не знают.

— Ладно,— согласилась Белобока.— А еще задание будет?

–Да, и вот второе задание: Напишите, пожалуйста, ребята, знаете ли вы, кто сочинил эту считалку.

— Заяц, заяц?
Чем ты занят?
— Кочерыжку разгрызаю.
— А чему ты, заяц, рад?
— Рад, что зубы не болят.

— Слово для интересного сообщения предоставляется Всезнайке.

— Дорогие коллеги, знаете ли вы, что Эники (а также Беники) не

всегда ели вареники, что было время, когда они смотреть не могли на них. Не знаете? Я так и думала. Тогда послушайте стихотворение Михаила Либина!

Эники-Беники

К несчастью,
Эники-Беники
Терпеть не могли
Вареники.
Ели одни только
Финики,
Ну, в крайнем случае,
Пряники.

Мать сокрушалась:
— Разбойники!
Бесстыдники!
Привередники!
Мать возмущалась:
— Негодники!
Кому я варю
Вареники?!

Но горько рыдали
Эники,
Ревели
И выли
Беники:
Мол, вынь
Да положь им
Финики,
Ну, в крайнем случае,
Пряники.

Но кончились в доме
Финики,
И кончились в доме
Пряники.
Бушуют
Эники-Беники,
И мама,
Понятно,
В панике.

Ушли без завтрака
Эники,
Обедать не стали
Беники.
. . . .
За ужином
Эники-Беники
Без слов
Уплетали
Вареники.

— Большое спасибо!
Очень трогательная история...

— Обсерватория, консерватория,— снова подала голос Путешественница.

Тут уж бабушка Белобока не на шутку встревожилась:

— Дорогая Путешественница, что с тобой такое?

— Такое-сякое жаркое в покое, — сообщила Путешественница.

— У тебя температура?

— У ребят макулатура.

— Понятно, — вмешалась Всезнайка.

— Пятна, занятно, приятно, обратно,— охотно откликнулась Путешественница.

— Стоп! — приказала Всезнайка.

— Лоб, поп, перископ, — ответила Путешественница.

— Яблоки!

— Что? — переспросила Путешественница, подумав.

— Яблоки.

Прошло пять минут. Путешественница молчала.

— А теперь объясни уважаемым членам Клуба, что с тобой было. Только без фокусов, пожалуйста,— строго попросила Всезнайка.

— Да, да, конечно. Понимаете, пролетала я над Харьковским дворцом пионеров и услышала, как ребята в литературной студии играют в рифму, один говорит слово, а другой отвечает, чтоб складно было. Вот и я заразилась этой игрой...

— Какая интересная игра! — сказала Соберика-Разберика.

— Ура! Ура! Ура! — ответили сороки.

— Прошу не нарушать порядка! — возмутилась Белобока.

— Зарядка, сладко, пересадка...

— Тише!

— Мыши, кот на крыше!

— Яблоки!

Наступила тишина.

— А можно дать четвертое задание? — спросила Соберика-Разберика.

— Со считалками или с рифмами? — поинтересовалась Белобока.

— И с тем и с другим.

— Конечно, давайте!

— Хорошо, не буду. Все слова в этой считалке, кроме тех, которые рифмуются, я заменю точками. А ребята по рифмам пусть узнают стихотворение и напишут мне, кто эту считалочку сочинил. Это четвертое задание

. . . . соседа,
. . . . соседа-людоеда
. . . . людоед
. . . . на обед
. . . . — Нет,
. . . . — сосед!
. . . . не худо,
. . . . блюда!

— Есть у меня одна считалка. Мне для ребят ее не жалко.

— Уважаемые члены Клуба, наше заседание подходит к концу.

— Бабушка Белобока, и тебе не стыдно? — спросила сорока Несмеяна. — Бедные Бел и Берда грустят с сентября прошлого года. Когда они узнают наконец, как ребята восстановили стихотворение, которое начинается словами «Ветер, ветер, ветер...»?

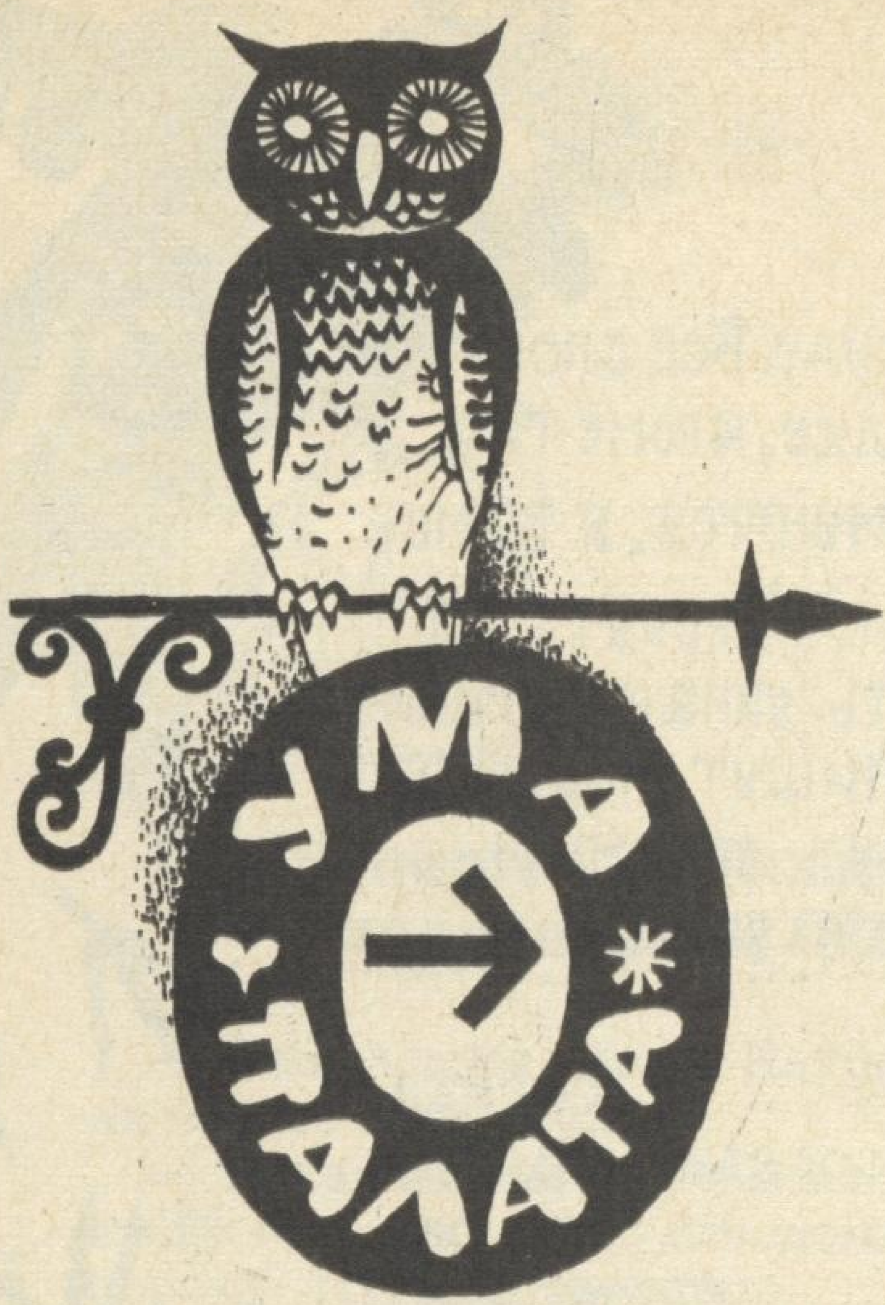
— Ты права, Несмеяна. На следующем заседании мы непременно послушаем, как ребята выполнили сентябрьское задание. Впрочем, теперь, может быть, Бел и Берда сами справятся с этой задачкой.

— Попробуем, — ответили Бел и Берда. — И рифму к слову «яблоки» постараемся подобрать. Нам понравилось играть.

— Рать, кровать, ударать, орать...— забормотали сороки.

— Заседание закрывается, — поспешила объявить Белобока и зашептала: «Яблоки — тыблоки!.. Нет, не годится. Яблоки...»

Рисунки А. БОРИСОВА.



Стрела Робин Гуда

Робин Гуд и его отважные стрелки осадили замок жестокого герцога, на военном совете был назначен день штурма и направление решающего удара. И то и другое держалось в строжайшей тайне. Накануне атаки к Робин Гуду привели подозрительного человека. Его схватили в тот момент, когда он уже натянул тетиву, чтобы послать стрелу в замок. Робин Гуд осмотрел стрелу и обнаружил на ней надпись: «С $\frac{100}{к}$».

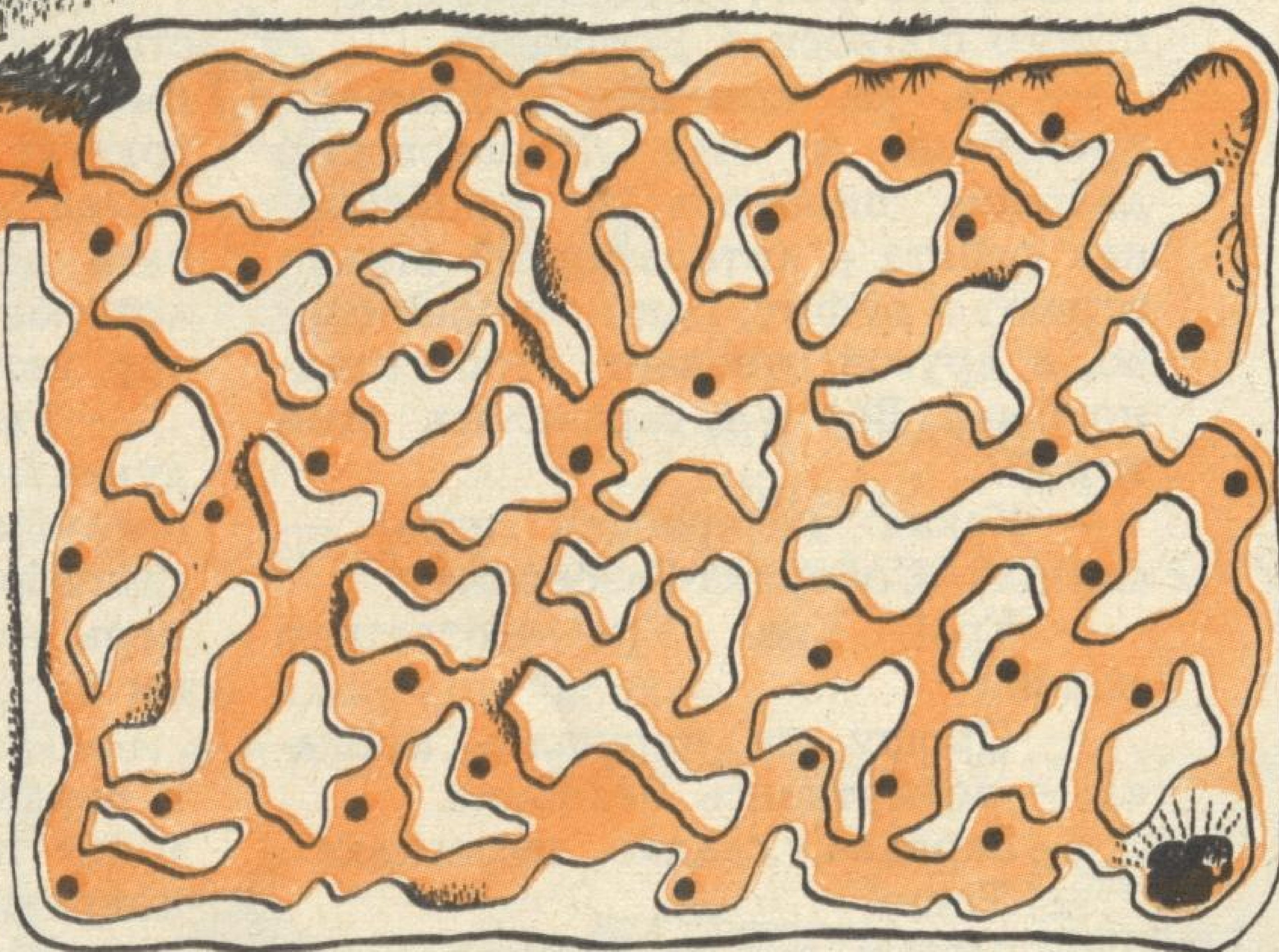
Он сразу догадался, что это шифрованное сообщение герцогу. Приказав взять пленного под стражу, Робин Гуд вынул из его колчана еще одну стрелу и, пользуясь разгаданным им шифром, нацарапал на ней надпись, которая должна была сбить с толку герцога.

Что прочел Робин Гуд на стреле пленного? Что и как он написал на стреле, которую послал в крепость?

Ответственный дежурный Никита РАЗГОВОРОВ.

Из газет и журналов будущего

Марсоход С-3 в долине магнитных камней



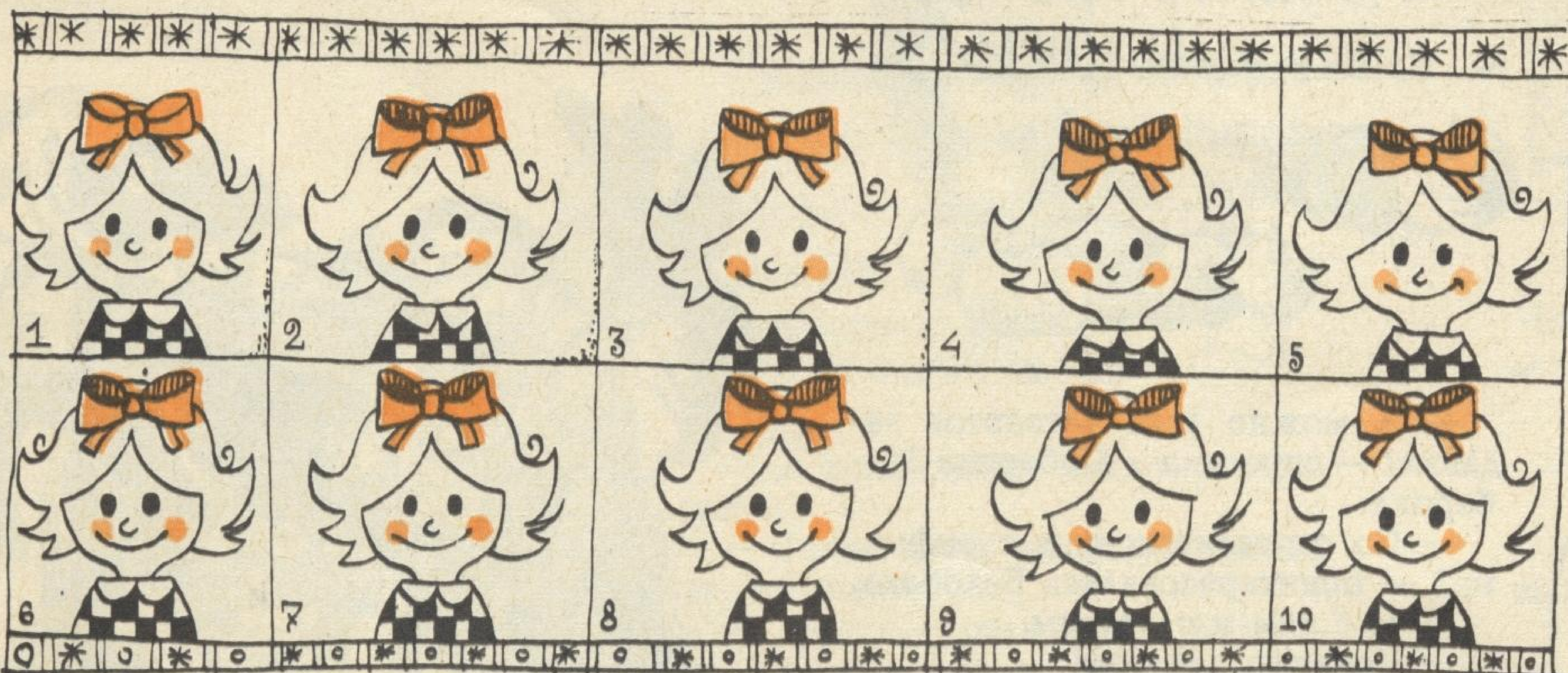
Марсоход «С-3» продолжает исследовать поверхность Марса. Завтра ему предстоит пересечь долину магнитных камней. Прохождение мимо каждого из них сопряжено с дополнительной затратой энергии. Наш новый марсоход должен дойти до образцов флюоресцирующих руд, оставленных здесь марсоходом «С-2», миновав лишь четыре камня.

Даша и Маша

Так похожи я и Маша,
Что, когда приходим в класс,
Ни одна подруга наша
Различить не может нас.

И еще должна сказать я,
Что всегда мы носим с ней
Одинаковые платья —
Вплоть до самых мелочей!

Десять рожиц перед вами.
Среди этих десяти
Вы попробуйте-ка сами
Наши рожицы найти.

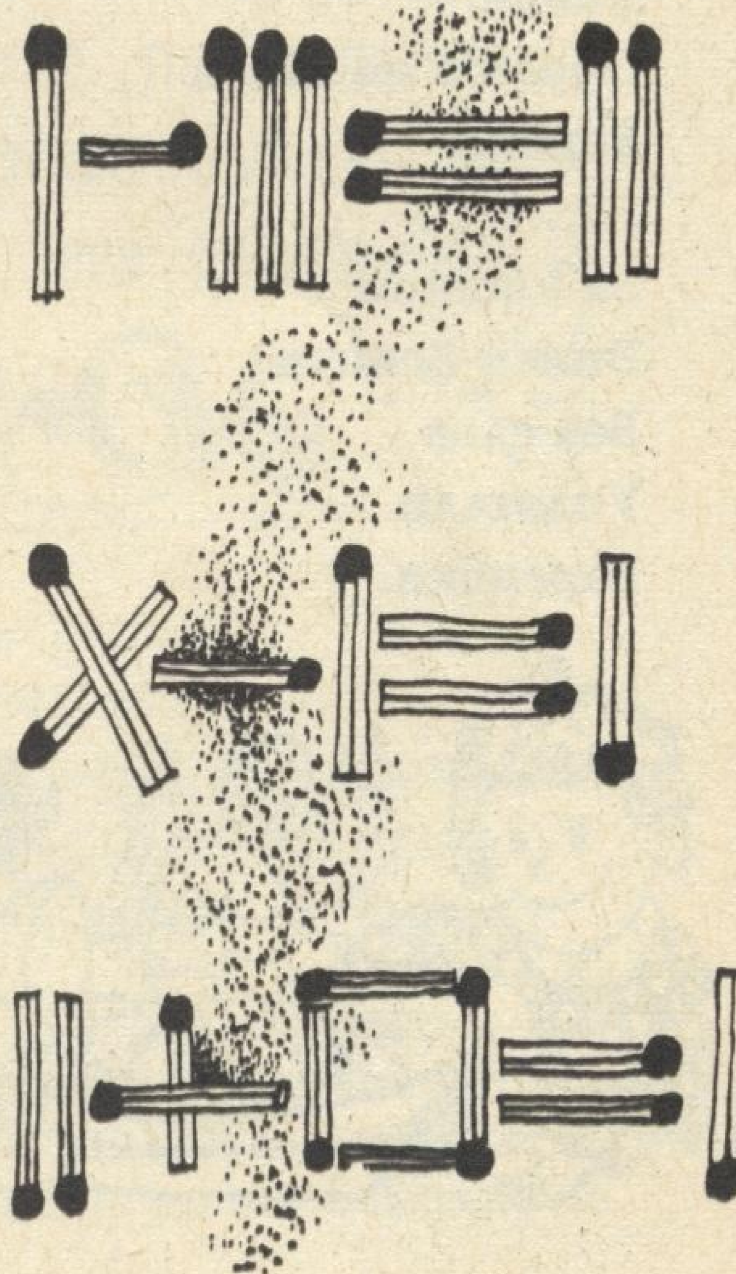


Рисунки А. БОРИСОВА.

Осторожно! Играем со спичками!

Сложите из спичек уравнения, показанные на рисунке.

Нетрудно убедиться, что все эти уравнения неправильные. Переложите в каждом из них одну (любую!) спичку так, чтобы правые и левые части действительно стали равны.



ГНЕЗДО САРЫЧЕЙ

СООБЩЕНИЯ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

В дупле высокой ели сарычи свили гнездо. У меня зоркие глаза. Я целый день, спрятавшись за ствол кедра, не высовывая головы, дразнил пернатых строителей. Но казалось, что им до меня нет дела. Скажу честно, мне стало лень их дразнить. Вдруг один сарыч грубо бросился на меня. Я оробел, как крольчонок. Еще бы! Эти громадные птицы никому не дают спуску! Ни царапинки, однако, хищник не смог мне нанести! Громким криком «Брысь!» я отогнал его прочь.

Примечание редакции. Когда мы получили эту корреспонденцию от Живживки, мы позвонили ему по телефону и сказали, что сарычи не вьют гнезд в дуплах деревьев.

— Знаю, знаю,— ответил он,— эту ошибку заметит каждый юный натуралист. Зато труднее заметить, сколько зверей я спрятал в словах и между словами в моем рассказе. Найдите-ка их. Они притаились гораздо искуснее, чем зайчата и маленькая лань на снимках, которые я высылаю.

Ответы на задачи из № 2

ЧЕМПИОН ОБМАНА

1. На фотографии виден след чьей-то ноги, значит, Карандаш не прибежал первым.
2. На второй фотографии деревья без листьев, значит, эстафета не могла происходить в июле.
3. Забег происходил не в Лондоне, а в Париже. Об этом свидетельствует силуэт Эйфелевой башни, который вы видите на третьей фотографии.

ПОЛУЧИТЕ ПЯТЕРКУ!

Должны получиться такие слова:
1. парник, пароль, партер, партия, парень; 2. кортик, коряга, коржик, корова, корона; 3. плакат, платок, платан, платье, плашка.

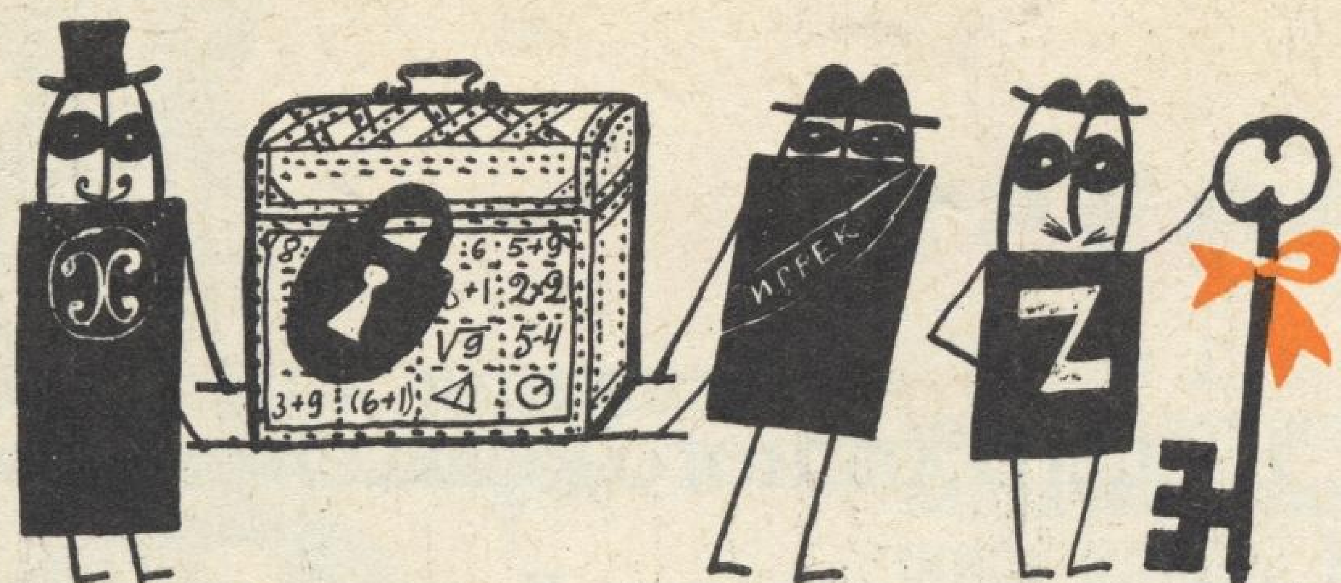
БЕГЕМОТ-ЗВЕЗДОЧЕТ

У бегемота получилось название звезды Сириус.

СЛОВА-НЕВИДИМКИ

Сегодня у нас в палате опять гостят слова-невидимки. Вы, конечно, помните, что в свободных клетках должны быть одинаковые буквы:

— Я обожаю желтый цвет.
— По мне бежит от санок след.
— Зимой, когда трещит мороз, мной кормят кроликов и коз.



Неизвестные раскрывают свои тайны

Ответы на задачи «Лягушатника» в этом номере

Задача первая

Пусть у Томми X конфет. Тогда у Анники (12 — x) конфет. Так как X может быть любым из 13 чисел от 0 до 12, то число 12 на два слагаемых X и (12 — x) можно разбить тринадцатью способами.

Задача вторая

Решается так же, как первая. Ответ — 51.

Задача третья

Выпишем в порядке увеличения все числа, на которые делится 60. Вот они: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 10, 12, 15, 20, 30, 60 — всего 12 делителей. Запишем 60 в виде произведения двух чисел 60 = X × У. Ясно, что число 60 делится на X — при делении 60 на X получится У. Значит, X — это один из 12 делителей числа 60. Ответ на вопрос задачи — 12 способов.

Ответы на новогодний номер

Первыми прислали правильные решения задач 12-го номера шестиклассник **Сергей Коршунов** из Монина Московской области (его работа нам особенно понравилась), **Игорь Гришин** — ученик 4-го класса из Пскова, московские семиклассники **Гриша Фарбер** и **Алексей Новодворский**. С «Хороводом» справились ученики 4-го класса Порожской восьмилетней школы **Леня Нилов, Саша Дроздов, Тамара Малышева, Нина Семенова** (Волотовский район Новгородской области), семиклассница **Лена Остроухова** (г. Эртиль Воронежской области).

Шестиклассница **Люда Мантук** из Днепропетровска спрашивает: «Нужно ли писать, почему такие результаты, путем каких решений их получили?» Дорогие ребята! Обязательно пишите подробные объяснения. Лучше написать больше, чем меньше! Перечитайте в № 2 за 1970 год во «Встречах с Тремя Неизвестными» главу «Тайна ответа».

Второй вопрос Люды: «Можно ли ответы Икса, ответы в клуб «Сорок сорок», эксперимент «Учение с увлечением», письма в «Кораблик» писать в одном письме?» Лучше всего делать так: «Конкурс Икса» — на одном листе, «Палата ума» — на втором, «Сорок сорок» — на третьем...

НАШ ЛЯГУШАТНИК

К сожалению, многие не заметили, что ответы напечатаны в том же номере на 79-й странице. Будьте внимательней!

Нам понравились письма ученицы 2-го класса **Риммы Боровских** (г. Березовский Свердловской обл.), москвички **Н. Пушкаревой** (3-й класс), четвероклассницы **Любы Шигаевой** (г. Дулево Московской области).

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор **Н. В. Ильина.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

О. И. Грекова, В. К. Железников, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.**

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 29/I 1971 г. А 00226. Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз. Изд. № 418. Заказ № 36.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

СЕМЬ ШАХМАТНЫХ СНАЙПЕРОВ

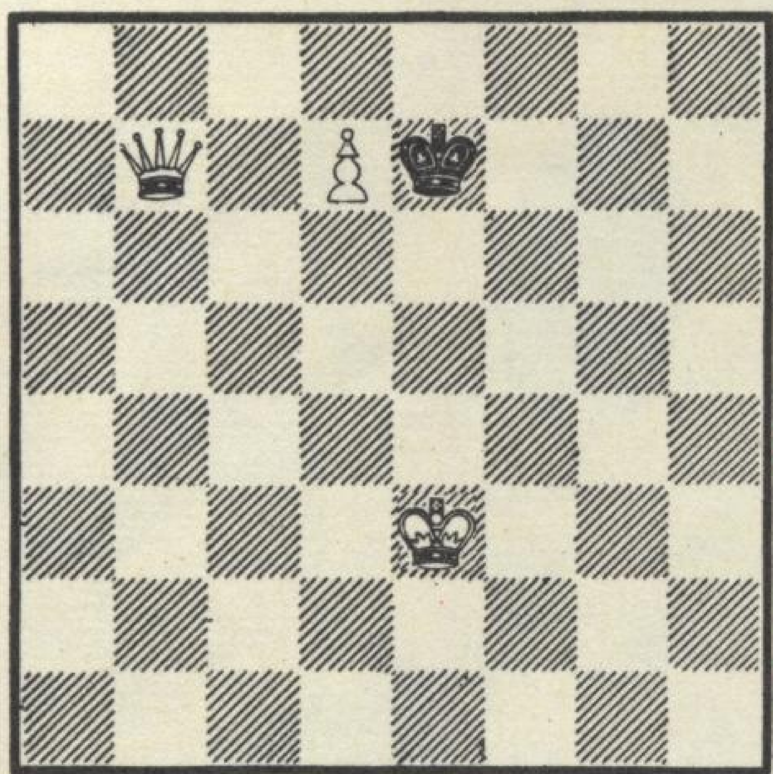
Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В прошлом году только семь ребят правильно решили все десять конкурсных заданий Пешкина.

За меткие попадания в шахматные цели Пешкин награждает «Грамотами ферзя и ладьи» и премирует шахматной литературой **Колю Красненкова** (деревня Станьково Минской области), **Катю Маги** (г. Черновцы), **Васю Кислого** (с. Золотухи Полтавской области), **Веру Черникову** (г. Старый Крым), **Колю Калинку** (г. Коломна), **Андрея Слюсаренко** (Москва), **Павла Толоконникова** (г. Чебаркуль Челябинской области).

Пешкин надеется, что в новом турнире будет больше метких снайперов, и предлагает вам, ребята, второе конкурсное задание.

На шахматной доске пустынно. В ожесточенном сражении погибли все фигуры черных. Такая же участь ждет и черного короля.



Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в три хода. ПЕШКИН ЖДЕТ ВАШИХ РЕШЕНИЙ, ДОРОГИЕ РЕБЯТА.

БЕЛЬЦЫ— ГОРОД ШАХМАТНЫЙ

Много верных друзей у Пешкина в небольшом молдавском городе Бельцы. В школах здесь работают шахматные секции, а недавно открылась для ребят шахматная школа. В этой школе проводятся занятия по теории, организуются турниры и сеансы одновременной игры.

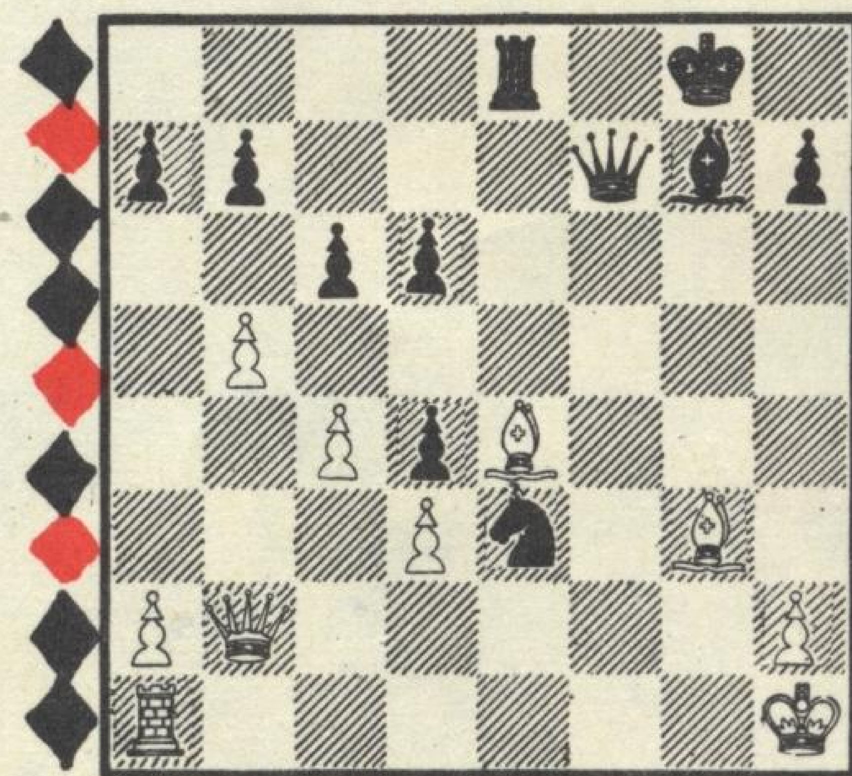
Вот перед вами участники такого сеанса, они упорно сражаются с опытным и сильным противником.

Ребята из города Бельцы одержали ряд побед на встречах с командами других городов и стали чемпионами Молдавии среди пионеров и школьников.

За большую общественную работу в своих школьных секциях, за спортивные успехи Пешкин награждает «Грамотами ферзя и ладьи» **Мишу Мазура,** ученика пятого класса школы № 2, **Эмму Черную,** ученицу восьмого класса той же школы, **Володю Вайнштейна,** ученика восьмого класса школы № 16, **Сашу Костеца,** ученика седьмого класса школы № 8.

Фото Г. РАЙЛЯНА.

А теперь посмотрите, как смело провел атаку чемпион школьников города Бельцы восьмиклассник



Олег Абраизов, игравший черными с **Яшей Маламантом.**

Игра продолжалась так: 1... Ле8:е4! 2. d3:e4 Фf7—f3 + 3. Кph1—g1 d4—d3! 4. Фb2—f2 Фf3:f2 + 5. Cg3:f2 Cg7:a1 6. Cf2:e3.

Казалось бы, белые счастливо отделались и могут рассчитывать на ничью, но неожиданный красивый ход 6... Ca1—d4! лишает их всех надежд.

Позиция белых рушится, как карточный домик. Если 7. С:d4, то 7 ... d2, и черная пешка прорывается в ферзи.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Рисунок А. БОРИСОВА.